

№ 3 (44)
2018

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
М. А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь

А. А. Осадчий

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
А. М. Баранов,
д-р юрид. наук, профессор;
Т. Б. Басова,
д-р юрид. наук, профессор;
А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор;
С. С. Безруков,
д-р юрид. наук, доцент;
В. А. Болдырев,
д-р юрид. наук, доцент;
С. И. Давыдов,
д-р юрид. наук, доцент;
В. В. Денисенко,
д-р юрид. наук, профессор;
А. Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;
И. С. Еремина,
д-р пед. наук,
канд. юрид. наук, доцент;
В. П. Камышанский,
д-р юрид. наук, профессор;
С. М. Кузнецова,
канд. юрид. наук, доцент;
В. Н. Лисица,
д-р юрид. наук, доцент;

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства

Андреев А.А., Салтыков К.Г. Юридические понятия «защита прав» и «охрана прав» в тексте судебного акта: терминологическое единство и дифференциация / 5

Уголовный процесс

Обвинников Ю.Г. Обжалование следователем указаний руководителя следственного органа: проблемы теории и практики / 10
Кокорева Л.В., Дульцев М.В. Наложение ареста на имущество: проблемы правоприменительной практики / 16
Попова Е.И. Отмена обвинительного приговора, вынесенного судом в особом порядке, при наличии сомнений в обоснованности обвинения, с которым согласился подсудимый / 21

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Никитенко И.В. Комплексный (междисциплинарный) подход в исследовании преступлений против порядка миграции населения / 26
Жестеров П.В. Уголовная ответственность юридических лиц в России и мире / 33
Лаптев Д.Б. О совершенствовании института конфискации имущества в уголовном праве России / 39
Лысак Н.В. Уголовная ответственность служащих потребительской кооперации по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / 45
Долгиева М.М. Система преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты в Российской Федерации / 51
Рябченко О.Н. Порядок управления как объект уголовно-правовой охраны / 57
Лупырь М.В. Проблемы определения «иного имущества» как предмета преступления, предусмотренного статьей 174¹ УК РФ / 68
Галкин Д.В. Особенности криминального насилия в Дальневосточном федеральном округе: вопросы объективного анализа / 74

Административное право. Административный процесс

Дерюга А.Н., Ковалева И.В. Общественный контроль: историко-философский экскурс и законодательное закрепление понятия / 80

Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шамаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**
А. В. Ковалёв

Корректор
Н. Б. Хохлова

**Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук**

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 20.09.2018.
Дата выхода в свет: 28.09.2018.
Бум. офис. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 17,7.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–100 экз.)
Заказ № 23.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2018

Гришаков А.Г. Деятельность участкового уполномоченного полиции на административном участке с образовательной организацией: анализ основных обязанностей / **86**

Волженин В.В., Кулакова Т.Г. К проблеме доказывания вины по делам об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за нарушение антиалкогольного законодательства (ст. 20.20, 20.21 КоАП РФ) / **91**

Тюкалова Н.М., Шевцов А.В. Институт государственных закупок в России: история и современность / **96**

Цекунов С.О., Симакина И.А. Административно-правовые аспекты применения физической силы и боевых приемов борьбы сотрудниками полиции / **103**

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Мерецкий Н.Е., Курганникова Т.П. Современные возможности дактилоскопической идентификации в раскрытии и расследовании преступлений / **108**

Серебрянникова М.В., Серебрянников В.А., Кшевин В.С. Ведомственные нормативные акты, регламентирующие порядок формирования профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел: криминалистический аспект / **114**

Моисеев Н.А., Новоселов Н.Г. Использование возможностей мобильных средств связи для установления фактических обстоятельств при раскрытии и расследовании преступлений / **121**

Ярошенко С.А., Лисовский Д.Г. Способы совершения преступлений в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства / **127**

Чумаров С.А. О проблеме вынужденного причинения вреда охраняемым интересам при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / **131**

Наливайко Е.О., Кудряшов А.Б. Государственная фоноскопическая регистрация в Российской Федерации и ее использование в идентификации личности преступника: нормативно-правовой аспект / **135**

Климачков А.В. К вопросу о понятии оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств / **140**

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право

Карпышев М.А. История становления международного коммерческого арбитража в Японии / **146**

Информация для авторов / 151

№ 3 (44)
2018

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
M. A. Tuliglovich,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
A. A. Osadchy

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Associate Professor;

A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;

T. B. Basova,
Doctor of Law, Professor;

A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;

S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;

V. A. Boldyrev,
Doctor of Law, Associate Professor;

S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;

V. V. Denisenko,
Doctor of Law, Professor;

L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;

N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;

I. S. Eremina,
Doctor of Pedagogy,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

V. P. Kamyshanskii,
Doctor of Law, Professor;

S. M. Kuznetsova,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

V. N. Lisitsa
Doctor of Law, Associate Professor;

CONTENTS

Theory and history of law and state

Andreev A.A., Saltykov K.G. The legal concepts «security of rights» and «protection of rights» in the text of the judicial act: a terminological unity and differentiation / 5

Criminal procedure

Ovchinnikov Yu.G. Appeal of instructions by the investigator head of the investigative body: problems of theory and practice / 10

Kokoreva L.V., Dultsev M.V. Attachment of property: problems of law enforcement / 16

Popova E.I. Abolition of an accusatory sentence imposed by the court in a special order if there is doubt about the validity of the charges, which the defendant agreed / 21

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Nikitenko I.V. Complex (interdisciplinary) approach in the study of crimes against the order of migration of the population / 26

Zhesterov P.V. The criminal liability of legal entities in Russia and the world / 33

Laptev D.B. On the improvement of the institution of confiscation of property in the criminal law of Russia / 39

Lysak N.V. Criminal liability of employees of consumer cooperative society in criminal and correctional punishments code of 1845 / 45

Dolgieva M.M. System of crimes committed in the sphere of turnover of cryptocurrency in the Russian Federation / 51

Ryabchenko O.N. The order of management as an object of criminal law protection / 57

Lupyr M.V. The problems of determining «other property» as a crime subject to article 174¹ of the criminal code of Russia Federation / 68

Galkin D.V. Features of criminal violence in the Far Eastern federal district: issues of objective analysis / 74

Administrative law. Administrative procedure

Deryuga A.N., Kovaleva I.V. Public control: historico-philosophical research and legislative consolidation of the concept / 80

Grishakov A.G. Activities of the district police officer in the administrative area with an educational organization: an analysis of the main duties / 86

N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;
I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor;
V. N. Shmakov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev

Proofreader
N. B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77–37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 20.09.2018.
Issue: 28.09.2018.
Format 60×84 1/8.
Size 17,7 printer sheets.
Circulation 300 copies.
(1–100 copies).
Order № 23. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmennyi pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46–52–17
tel./fax: (4212) 46–52–06

© Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, 2018

Volzhenin V.V., Kulakova T.G. The problem of proof of guilt in cases on administrative offences provides for liability for violation of anti-alcohol legislation (st. 20.20, 20.21 of the administrative code) / **91**

Tukalova N.M., Shevtsov A.V. The institute of public procurement in Russia: history and modernity / **96**

Tsekunov S.O., Simakina I.A. Administrative and legal aspects of application of physical force and military receptions of struggle against police employees / **103**

Criminalistics. Forensic expert activity. Operative search activity

Meretskiy N.E., Kurgannikova T.P. Modern possibilities of fingerprint identification in disclosure and investigation of crimes / **108**

Serebryannikova M.V., Serebryannikov V.A., Kshevin V.S. The departmental normative acts regulating the order of formation of professional competences of employees of internal affairs: criminalistics aspect / **114**

Moiseev N.A., Novoselov N.G. Use of mobile communication capabilities to establish factual circumstances in the disclosure and investigation of crimes / **121**

Yaroshenko S.A., Lisovsky D.G. Ways of committing crimes in the sphere of development of budgetary funds in the allocation of subsidies for the development of agriculture / **127**

Chumarov S.A. Concerning the problem of forced infliction of harm to legitimate interests during implementation of operational search activity / **131**

Nalivayko E.O., Kudryashov A.B. State phonoscopic registration in the Russian Federation and its use in identification of the offender: legal aspect / **135**

Klimachkov A.V. To the question about the notion of operational-investigative support of criminal proceedings in cases of illegal sale of drugs / **140**

Civil law. Business law. Family law. Private international law

Karpyshev M.A. International commercial arbitration historical formation in Japan / **146**

Information for authors / 151

УДК 340

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ «ЗАЩИТА ПРАВ» И «ОХРАНА ПРАВ» В ТЕКСТЕ СУДЕБНОГО АКТА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Александр Александрович Андреев, начальник института, кандидат юридических наук;
Константин Геннадьевич Салтыков, начальник кафедры, кандидат юридических наук, доцент
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: dvui@mvd.ru

terminpravo@mail.ru

В статье представлены результаты анализа особенностей терминологической референции юридических понятий в тексте судебных актов. Проблемы изучения понятийных основ права не теряют своей актуальности, а их анализ в контексте функционирования судебной власти традиционно привлекает внимание юристов. Интерпретация юридического понятия «защита прав» в судебной практике связана с деятельностью правоохранительных органов или самих правообладателей по сохранению и восстановлению нарушенного права. Авторы приходят к выводу, что неоправданно широкая интерпретация юридических понятий и обозначающих их терминов судом, не основанная на научных исследованиях, недопустима в процессе вынесения решения.

Ключевые слова: судебный акт; охрана прав; правовые позиции; текст; юридический термин; судебная власть.

THE LEGAL CONCEPTS «SECURITY OF RIGHTS» AND «PROTECTION OF RIGHTS» IN THE TEXT OF THE JUDICIAL ACT: A TERMINOLOGICAL UNITY AND DIFFERENTIATION

Alexander Alexandrovich Andreev, head of the Institute, *kandidat nauk*, degree in Law;
Konstantin Gennadyevich Saltykov, chair head, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article presents the results of the analysis of the features of the terminological reference of legal concepts in the text of judicial acts. The problems of studying the conceptual foundations of law do not lose their relevance, and their analysis in the context of the functioning of the judiciary traditionally attracts the attention of lawyers. The interpretation of the legal concept of «protection of rights» in judicial practice is related to the activities of law enforcement agencies or the right holders themselves to preserve and restore the violated right. The authors come to the conclusion that an unreasonably broad interpretation of legal concepts and terms by the court, which are not based on scientific research, is unacceptable in the process of making a decision.

Keywords: judicial act; protection of rights; legal position; text; a legal term; judicial power.

Деятельность судов, занимающих особое положение в структуре государственного механизма, может существенно затрагивать права и свободы граждан, а также интересы различных органов, учреждений и организаций. Поэтому одним из основных требований к правосудию является необходимость его осуществления в установленных законом процессуальных формах, которые гарантируют соблюдение всеми участниками судебного разбирательства не только конституционных принципов [1], но и требований разумности и обоснованности принятия решений, ясности и адекватности языка судебных актов.

Соблюдение принципа законности, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, осуществление правосудия только судом, реализация прав граждан на судебную защиту, состязательность и равноправие сторон, участие граждан в отправлении правосудия составляют его демократические основы.

Вместе с тем, рациональная организация правосудия невозможна без учета специфики национальных особенностей российской правовой системы. Реализация закрепленного в Конституции РФ принципа публичности судебного разбирательства в первую очередь должна быть связана с прозрачностью, доступностью и открытостью правосудия.

Порядок функционирования и комплекс полномочий судебных органов в Российской Федерации предполагают наличие организационно-правовой основы их деятельности, а объективные потребности судебной практики требуют дальнейшего укрепления демократических начал судопроизводства.

Качественное выполнение судьей должностных обязанностей предполагает высокую квалификацию и глубокие профессиональные знания. В связи с этим немаловажной представляется проблема теоретико-правовой подготовки судей, позволяющей использовать в тексте судебного решения базовые правовые категории и соответствующие им юридические термины. Тем более, что в настоящее время значительная роль в достижении стабильности приговоров, решений и других судебных актов отводится совершенствованию понятийных основ как процедуры судебного разбирательства, так и установленных законом процессуальных правил и норм, осуществляемому путем конкретизации формулировок, введения дополнительных интенциональных признаков важных юридических понятий.

Проблемы всестороннего познания понятийных основ права не теряют своей актуальности, а их анализ в контексте функционирования судебной власти традиционно привлекает внимание юристов, справедливо указывающих на отсутствие в правовой науке важных элементов понятийных основ судебной деятельности [13, с. 8]. Само понятие «судебная власть» по-прежнему остается предметом многочисленных научных дискуссий [15, с. 38], в рамках которых оно отождествляется с «самостоятельным публично-правовым образованием» [10, с. 46] либо с «принадлежащим судам исключительным полномочием» [18, с. 192], либо с «независимой и самостоятельной ветвью государственной власти» [16, с. 7], либо одновременно с «совокупностью ограниченных юридической конституцией» и «обособленной группой взаимосвязанных государственных учреждений» [11, с. 13] и т. д.

Метод правового регулирования, приемы законодательной техники, а также факторы политического и экономического характера определяют дифференциацию процессуальной формы, однако одной из основных целей судопроизводства остается защита прав и законных интересов, которые выступают в качестве части предмета судебного разбирательства. Не случайно вопрос о том, насколько эффективно существующие виды судопроизводства обеспечивают защиту прав и интересов граждан и организаций, по-прежнему остается открытым [17, с. 18].

В указанном аспекте целесообразность дифференциации юридических понятий «защита прав» и «охрана прав», включаемых в текст судебных актов, объясняется разнообразием форм участия прокурора, государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан в защите нарушенных или оспариваемых прав других лиц.

Отметим, что в законодательстве отсутствуют критерии разграничения упомянутых ключевых правовых категорий – «защита прав» и «охрана прав». Между тем данные понятия и соответствующие им термины имеют большое значение для понимания содержания официальных документов, лежащих в основе решений органов, реализующих властные полномочия [12, с. 27]. Имеющиеся различия в суждениях, изложенных в актах судебных органов, свидетельствуют о необходимости совершенствования механизмов обеспечения единообразия судебной практики. В частности, решение проблемы интерпретации категорий «охрана прав» и «защита прав» является актуальным в сфере осуществления правосудия, в контексте обеспечения единообразия в толковании и применении судами норм права в целях предупреждения изменения или отмены судебных актов.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации прямо связывает защиту прав с деятельностью правоохранительных органов, отмечая, что «защита гражданских прав осуществляется судами путем признания права». В основе судебной защиты при этом лежит тезис, в соответствии с которым «права всех собственников подлежат судебной защите равным образом». При появлении поводов для начала процедуры судебной защиты прав суд извещает об этом их субъектов (например, предприятия или учреждения о предъявлении исков от собственника имущества в защиту принадлежащих им права хозяйственного ведения или оперативного управления) [6]. При этом защита прав в интерпретации Верховного Суда связывается с деятельностью как правоохранительных органов, так и самого их обладателя. Так, «право обвиняемого на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично». Право осуществлять собственную защиту реализуется посредством участия в судебном разбирательстве и обеспечивается судом. В отношении обвиняемых по уголовным делам в досудебном производстве защита прав обеспечивается посредством деятельности адвоката [8]. Под правом, подлежащим защите судом, понимается субъективное право конкретного лица. Соответствующая процессуальная деятельность по защите прав характеризуется наличием определенных сроков [7].

Таким образом, интерпретация юридического понятия «защита прав» в судебной практике связана с деятельностью правоохранительных органов или самих правообладателей по сохранению и восстановлению нарушенного права. Такая деятельность характеризуется наличием сроков, субъектов, способов, принципов и процессуальных особенностей.

В отличие от защиты, охрана осуществляется не системой правоохранительных органов, а обеспечивается при помощи принятия нормативных правовых актов (чаще всего законов). Подобный интерпретационный подход лежит в основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, указывающего, например, на то, что охрана права частной собственности осуществляется законом [2]. Развивая данный подход к вопросам соотношения понятий «защита прав» и «охрана прав», Конституционный Суд Российской Федерации использует в тексте судебных актов такие термины, как «конституционные гарантии охраны права частной собственности законом» и «конституционные гарантии судебной защиты» [3].

Анализируя положения различных международных правовых актов, Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что не все из них охраняют, например, в полной мере избирательное право от нарушений в муниципальных, президентских и других избирательных кампаниях [4]. Такой подход к интерпретации понятия «охрана прав» указывает на то, что, по мнению высших судебных инстанций, охрана прав обеспечивается правовыми предписаниями в отличие от защиты прав, которая осуществляется посредством деятельности правоохранительных органов.

Вместе с тем, на региональном уровне суды не всегда проводят разграничение понятий «защита прав» и «охрана прав» подобным образом, фактически используя их как синонимы. Обратившись к практике употребления судами Ростовской области специальной лексики, связанной с исследуемой проблемой, можно обнаружить следующее: «судье в целях защиты

прав несовершеннолетнего и обеспечения надлежащих условий его дальнейшего воспитания, а также охраны прав родителя, не проживающего вместе с ребенком, необходимо в каждом случае извещать этого родителя о времени и месте судебного разбирательства»*. Подобная практика не может быть признана приемлемой, так как в конечном итоге приводит к включению в текст судебных актов формулировок, исключающих возможность установить соотношение между понятиями «защита прав» и «охрана прав», а также юридически верно использовать их в тексте судебного акта. Примеры терминологической путаницы можно обнаружить в Обзоре судебной практики по делам о наследовании, составленном Ростовским областным судом, в котором указывается, в частности, что «обеспечение правовой защиты наследственных прав является основанием охраны права частной собственности»**.

Судьи, являясь носителями судебной власти, призваны защищать интересы и права граждан, а от их профессионализма зависит эффективность правосудия. Неоправданно широкая интерпретация юридических понятий и обозначающих их терминов судом, не основанная на научных исследованиях, недопустима в процессе вынесения решения. Учитывая, что самостоятельность судов и независимость судей предполагают использование значительного количества научной информации как отраслевого, так и общетеоретического характера, результаты теоретико-правовых исследований должны составить основу гармонизации судебной практики по рассматриваемым вопросам.

Анализ сложившейся судебной практики, направленный на выявление способов преодоления затруднений, связанных с использованием терминологических референтов понятий «защита прав» и «охрана прав» в тексте судебных актов, позволяет отметить, что в ряде случаев суды заменяют рассматриваемые категории понятием «обеспечение прав», которое интерпретируется как родовое по отношению к ним. Так, при оценке отдельных положений решения Тындинской городской думы от 15 ноября 2011 г. № 365 Верховный Суд Российской Федерации ведет речь об условиях предварительного и равноценного возмещения, направленных «на обеспечение прав и законных интересов собственника жилого помещения» [5]. В другом случае Верховный Суд РФ упоминает о публичных процедурах, «направленных на обеспечение законных прав и интересов неограниченного круга лиц» [9].

Такой подход представляется оправданным с учетом того, что в теоретико-правовом отношении понятие «обеспечение прав» соответствует множеству мер и условий политического, экономического, социального, духовного, правового характера, направленных на создание режима наиболее полного пользования личностью социальными благами [14, с. 9].

Обсуждение теоретических вопросов, связанных с соотношением понятий «охрана прав» и «защита прав», в понятийном и терминологическом аспекте может вызвать интерес не только у ученых, но и у судей, адвокатов, прокуроров, а также других практикующих юристов, не желающих допускать ошибок в правовой оценке отношений, имеющих исключительную социальную значимость и массовый характер.

Решение проблемы соотношения понятий «охрана прав» и «защита прав» в контексте функционирования судебной власти в России будет способствовать более эффективному прогнозированию и дальнейшему развитию законодательства и совершенствованию судебной практики путем выявления противоречий и несоответствий в судебных актах, вынесения спорных вопросов для обсуждения и принятия соответствующих разъяснений и рекомендаций компетентными органами.

* Обобщение о практике рассмотрения районными судами Ростовской области гражданских дел, связанных с воспитанием несовершеннолетних детей URL: // <http://www.rostobsud.ru> (дата обращения: 10.04.2018).

** Обзор судебной практики по делам о наследовании. Ростовский областной суд. URL: // <http://www.rostobsud.ru> (дата обращения: 10.04.2018).

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр»: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П // Российская газета. 2017. 31 июля.
3. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера: постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 5-П // Российская газета. 2017. 17 марта.
4. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П // Российская газета. 2016. 5 мая.
5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2017 г. № 59-АПГ17-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.09.2017).
6. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 // Российская газета. 2010. 21 мая.
7. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 // Российская газета. 2015. 5 октября.
8. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Российская газета. 2015. 10 июля.
9. Определение Верховного Суда РФ от 23 октября 2017 г. № 308-ЭС17-14861 по делу № А32-46007/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.09.2017).
10. Дмитриев Ю. А., Черемных Г. Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8.
11. Карпов Д. В. Проблемы конституционно-правового гарантирования правозащитной функции судебной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.
12. Корченкова Н. Ю. Становление теоретико-правовой концепции права на информацию: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.
13. Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М., 2000.
14. Левков А. А. Меры защиты в Российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.
15. Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1989.
16. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003.
17. Чечот Д. М. Проблема защиты субъективных прав и интересов в порядке неисковых производств советского гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969.
18. Шейфер С. А., Яблоков В. А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность. Самара, 1999.

УДК 343.13

ОБЖАЛОВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ УКАЗАНИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Юрий Георгиевич Овчинников, доцент кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: yur147@yandex.ru

На основе современных теоретических положений и практики применения рассматривается реализация права следователя обжаловать письменные указания руководителя следственного органа, предусмотренные ч. 3 ст. 39 УПК РФ. В целях повышения независимости следователя предлагается внести дополнительные процессуальные гарантии в нормы действующего уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: уголовный процесс; процессуальная самостоятельность следователя; процессуальные гарантии; обжалование; руководитель следственного органа.

APPEAL OF INSTRUCTIONS BY THE INVESTIGATOR HEAD OF THE INVESTIGATIVE BODY: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Yury Georgiyevich Ovchinnikov, chair associate professor of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

On the basis of modern theoretical positions and practice of application, realization of the investigator's right to appeal the written instructions of the head of investigative body provided by part 3 of article 39 of the code of criminal procedure is considered. In order to increase the independence of the investigator, it is proposed to introduce additional procedural guarantees in the rules of the current criminal procedure law.

Keywords: criminal procedure; procedural independence of the investigator; procedural guarantees; appeal; the head of the investigative body.

Рассматривая проблему реализации процессуальной самостоятельности следователя [18, с. 127–131; 19, с. 142–148; 20, с. 54–60] невозможно объективно исследовать данное правовое явление, не проанализировав процедуру обжалования следователем указаний руководителя следственного органа.

Согласно ч. 3 ст. 39 УПК РФ, следователю предоставляется право обжаловать письменные указания своего непосредственного начальника – руководителя следственного органа руководителю вышестоящего следственного органа. Следователь представляет материалы

уголовного дела с письменным изложением своих возражений на указания руководителя следственного органа, при этом приостанавливая решения последнего со следующими действиями: 1) об изъятии уголовного дела и передаче его другому следователю; 2) о привлечении лица в качестве обвиняемого; 3) о квалификации преступления; 4) об объеме обвинения; 5) об избрании меры пресечения; 6) о производстве следственных действий, которые допускаются только по судебному решению; 7) о направлении дела в суд; 8) о прекращении уголовного дела.

К сожалению, закон не содержит процедуры рассмотрения руководителем вышестоящего следственного органа возражений следователя, что уже само по себе делает эту гарантию действующей не в полную силу. УПК РСФСР 1960 г. (ч. 2 ст. 127) предусматривал аналогичное право следователя, но только в отношении прокурора, при этом был закреплен и механизм дальнейших действий вышестоящего прокурора. Применяя аналогию в уголовном процессе, полагаем возможным использовать ту же процедуру. Руководитель следственного органа в данном случае должен либо отменить указание нижестоящего руководителя следственного органа при согласии с возражениями следователя, либо поручить производство предварительного следствия другому следователю. Обозначенное право классически в учебной и научной юридической литературе рассматривается как гарантия [1, с. 155] его процессуальной самостоятельности и независимости при принятии решений в ходе расследования уголовного дела, неразрывно связанных с категорией внутреннего убеждения следователя [14, с. 108; 16, с. 145; 22, с. 67; 23, с. 108]

Данная норма, позволяющая разрешить разногласие между следователем и руководителем следственного органа, обязывает последнего относиться с уважением к позиции следователя и не навязывать ему своего мнения по ключевым вопросам расследования уголовного дела. Она является не только процессуальной гарантией самостоятельности и независимости следователя, но и в полном объеме возлагает на него ответственность за ход, направления и результаты предварительного следствия.

По букве закона независимость следователя от своего руководителя обеспечена, но фактически обеспечена довольно формально, даже иллюзорно. Как показывает следственная практика, гарантии, предусмотренные ч. 3 ст. 39 УПК РФ, являются малоэффективными, поскольку используются в единичных случаях [8, с. 16–19] из-за опасений вступить в конфликт со своим непосредственным начальником, что негативно скажется на профессиональной деятельности следователя. Эти гарантии реализуются только «для твердых характером следователей» [27, с. 127].

До принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» следователи также редко использовали свое право для отстаивания своих решений по уголовному делу, но тогда еще перед прокурором [11, с. 42; 33, с. 48]. Так, в результате проведенного А. В. Бобровым и С. А. Шейфером интервьюирования следователей, прокуроров, начальников следственных отделов, судей, адвокатов (всего 318 человек) в Самарской области выяснилось, что лишь 0,3 % опрошенных известно свыше пяти случаев обжалования следователями вышестоящему прокурору указаний надзирающего прокурора; 6,3 % говорят о двух и более случаях; 11,9 % назвали единственный случай такого обжалования; 81,1 % респондентам данная практика не знакома [7, с. 31–32].

По данным Г. П. Химичевой, 68,3 % (из 517 интервьюированных) следователей ни разу не пользовались правом обжалования указаний прокурора [30, с. 10, 299].

По другим данным, только 12 % (из 104 опрошенных) следователей пользуются своим правом представления возражений вышестоящему прокурору; 76 % не пользуются данной гарантией, поскольку не желают вступать в конфликт с прокурором [1, с. 155]. Схожие цифры приводит В. Д. Дармаева. Только 9,2 % опрошенных следователей подтвердили факт исполь-

зования рассматриваемого права. Причина пассивности следователей в реализации своего права все та же – нежелание конфликтовать с прокурором (82 %) [15, с. 45].

А. М. Баранов в ходе исследования, проводимого в 2000–2006 гг., при опросе 378 следователей из различных субъектов России не выявил ни одного факта официального представления следователем своих письменных возражений на указания надзирающего прокурора вышестоящему прокурору [4, с. 211]. Тот же результат получили А. З. Хажнагоев, опросив более 200 следователей ОВД Приволжского федерального округа [29, с. 13], и М. М. Черняков, проинтервьюировав следователей ОВД Красноярского края в 2002–2004 гг. [31, с. 67].

Действительно, подобная практика – явление довольно редкое, но все же имела место. Проанализировав юридические источники за последние пятнадцать лет, мы обнаружили, что только единожды, в 2005 г., Следственным комитетом при МВД России обобщалась практика применения органами предварительного следствия в системе МВД России положений ч. 3 ст. 38 УПК РФ. В указанный период следователи ОВД обжаловали решения прокуроров по 964 уголовным делам, что составило 0,0003 % от общего числа уголовных дел, находившихся в производстве следователей в 2005 г. Из них в 459 случаях возражения следователей на действия (бездействие) и решения надзирающих прокуроров удовлетворены вышестоящими прокурорами, что составило 50 % от числа рассмотренных. В итоге был сделан вывод, что использование положений ч. 3 ст. 38 УПК РФ имеет практическое значение в деятельности органов предварительного следствия [21, с. 36–39].

Несмотря на столь позитивный вывод руководства следствия ОВД России, интересно было бы знать, какие в дальнейшем сложились профессиональные отношения между следователем (начальником следственного подразделения) и прокурором, решения которого были обжалованы, а тем более отменены вышестоящим прокурором. Однако данный вопрос, к сожалению, остался за пределами обобщения практики данного института.

Ю. В. Францифоров и Д. В. Ванин, рассматривая полномочия следователя в срезе его процессуальной самостоятельности и независимости, изучив правоприменительную практику (г. Саратова и Саратовской области), пишут, что если следователь примет решение обжаловать указание руководителя следственного органа или прокурора, то «потом им вместе не работать» [28, с. 166].

В ироничной форме по этому поводу высказывался А. В. Смирнов: «Вся “самостоятельность” следователя сродни «самостоятельности» коня, которому всадник время от времени отпускает поводья» [24, с. 32].

Результаты анкетирования следователей ОВД*, проведенного нами после реформы 2007 г., свидетельствуют о том, что абсолютное большинство из них (98 %) никогда не обжаловали указания руководителя следственного органа, хотя имелись случаи расхождения по отдельным ключевым процессуальным моментам (74 %), поскольку не хотели вступать с ним в конфликт и портить отношения (100 %).

К схожим выводам пришел А. О. Бекетов: 92 % опрошенных им следователей и руководителей следственных органов (многие из них имеют стаж работы свыше десяти лет) не знают о случаях обжалования указаний своего руководителя. Они не пользуются таким правом, поскольку не желают портить отношения с непосредственным начальником (84 %) и пытаются урегулировать разногласия в рабочем порядке (71 %) [6, с. 42].

В. М. Быкову выход из сложившейся ситуации видится в разработке дополнительных процессуальных гарантий для следователей, которые обращаются к руководителю вышестоящего следственного органа в порядке ч. 3 ст. 39 УПК РФ, однако автор не указывает, какие именно гарантии должны быть предусмотрены законом [11, с. 42].

* Интервьюирование по данному вопросу проводилось в отношении следователей ОВД Приморского края со стажем работы более 5 лет. Всего было опрошено 87 респондентов.

О необходимости разработки дополнительных гарантий для следователей неоднократно высказывались и другие авторы. Большинство исследователей справедливо настаивают на нормативном урегулировании последствий подачи и рассмотрения жалобы от следователя к руководителю вышестоящего следственного органа (ч. 3 ст. 39 УПК РФ), по аналогии с УПК РСФСР 1960 г. (ч. 2 ст. 127, ч. 4 ст. 1271), согласно которому при признании жалобы следователя необоснованной дело подлежало передаче другому следователю [5, с. 82–87; 9, с. 61; 12, с. 3–9; 25, с. 202–203; 32, с. 12].

Некоторые ученые предлагают законодательно прописать срок, в течение которого вышестоящий руководитель следственного органа должен принять решение (А. Р. Варганов, В. С. Балакшин – 5 суток [3, с. 34; 13, с. 10], А. А. Ташимова, С. М. Прокофьева – 10 суток [26, с. 62]).

Кроме того, рассматривая данный механизм обжалования, исследователи считают, что в случае необходимости (видимо, в случае неудовлетворения жалобы следователя – Ю.О.) производство предварительного следствия по данному делу может быть поручено нижестоящему руководителю следственного органа [3, с. 34; 13, с. 10; 26, с. 63].

Е. А. Новиков предлагает в ч. 3 ст. 39 УПК РФ предусмотреть норму, согласно которой исполнение любых указаний руководителя следственного органа, обжалованных следователем вышестоящему руководителю следственного органа, приостанавливается (в перспективе право руководителя следственного органа давать указание следователю должно быть упразднено) [17, с. 9].

Достаточно эффективным, на наш взгляд, является предложение установить ответственность руководителей следственных органов за незаконные (необоснованные) указания, данные ими по уголовным делам, в случае их отмены вышестоящим руководителем. В подобных случаях целесообразно отстранить руководителя следственного органа от дальнейшего участия в производстве по данному делу. В связи с этим необходимо дополнить ч. 3 ст. 39 УПК РФ следующим предложением: «В случае отмены вышестоящим руководителем следственного органа указаний нижестоящего руководителя следственного органа и признания их необоснованными, его полномочия по руководству и ведомственному контролю за расследованием уголовного дела возложить на вышестоящего руководителя следственного органа» [2, с. 19; 26, с. 63].

Вместе с тем следует опасаться того, что в подобной ситуации следователи могут столкнуться с организационными проблемами, связанными с отдаленностью вышестоящего (по субъекту) руководителя следственного органа от мест дислокации следственных подразделений, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке (в некоторых субъектах до ГУМВД (УМВД) России можно добраться только на самолете). Напомним, что сегодня, по закону, следователь, осуществляя свою профессиональную деятельность, обязан согласовать свою позицию с руководителем следственного органа по сорока значимым процессуальным решениям по уголовному делу. Тогда о какой эффективности и оперативности предварительного следствия может идти речь в рамках предложенного метода контроля?

Рассуждая о последней гарантии, думается, что руководители следственных органов, решения которых обжаловали следователи, будут воспринимать ситуацию как проявление нелояльности к ним лично. Поэтому заслуживает поддержки высказанное в юридической литературе предложение о дополнительной процессуальной гарантии для следователя. Так, В. М. Быков считает целесообразным внести в УПК РФ норму, запрещающую в подобной ситуации в течение последующих трех лет увольнять следователя или переводить на другую должность без его согласия [10, с. 5].

Таким образом, под процессуальной гарантией самостоятельности следователя следует понимать право обжаловать письменные указания непосредственного начальника руководителю вышестоящего следственного органа, приостанавливая решения по восьми ключевым

моментам (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). При этом закон не содержит процедуры рассмотрения руководителем вышестоящего следственного органа возражений следователя, что уже само по себе не делает эту гарантию действующей в полную силу. Применяя аналогию в уголовном процессе, полагаем, что необходимо взять за основу процедуру, закрепленную в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР 1960 г.: руководитель вышестоящего следственного органа в данном случае должен либо отменить указание нижестоящего руководителя следственного органа, при согласии с возражениями следователя, либо поручить производство предварительного следствия другому следователю.

Как показывает следственная практика, гарантии, предусмотренные ч. 3 ст. 39 УПК РФ, являются малоэффективными, поскольку используются в единичных случаях из-за опасений вступить в конфликт со своим непосредственным начальником, что может повлечь негативные последствия для профессиональной деятельности следователя.

В целях совершенствования процессуальной самостоятельности следователя учеными предлагается разработать дополнительные процессуальные гарантии, которые помогут повысить статус рассматриваемого должностного лица. Ряд идей, на наш взгляд, уже сегодня могут быть воплощены законодателем в жизнь.

Литература

1. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: ОмГУ, 2006.
2. Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
3. Балакшин В.С. Независимый зависимый следователь // Законность. 2011. № 10.
4. Баранов А.М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам: монография. Омск: ОМА МВД России, 2006.
5. Бегиев Х.Б. Право на обжалование решений прокурора и руководителя следственного органа как гарантия соблюдения процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 1.
6. Бекетов А.О. Обжалование следователем решений и указаний руководителя следственного органа // Российский юридический журнал. 2016. № 1.
7. Бобров А.В., Шейфер С.А. Процессуальная самостоятельность следователя: мнение практиков // Законность. 2006. № 5.
8. Борисов С.А., Шейфер С.А. О самоидентификации следователей как участников уголовного процесса // Российский следователь. 2011. № 17.
9. Быков В.М. О процессуальной самостоятельности следователя в Российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2017 № 8.
10. Быков В.М. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя // Международные юридические чтения: мат-лы науч.-практ. конф. Омск: Омский юрид. ин-т, 2008. Ч. V.
11. Быков В.М. Процессуальная самостоятельность следователя // Уголовный процесс. 2008. № 5.
12. Быков В.М. Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения // Законность. 2012. № 7.
13. Вартаков А.Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
14. Володина Л.М. Уголовный процесс. Часть Общая: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2004.
15. Дармаева В.Д. О процессуальной самостоятельности следователя // Следователь. 2002. № 10.
16. Зайцев О.А. Проблемы регулирования полномочий руководителя следственного органа // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф.: в 3-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2010. Ч. 1.
17. Новиков Е.А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
18. Овчинников Ю.Г. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменениями уголовно-процессуального законодательства: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. М.: Академия управления МВД России, 2008. Ч. 1.
19. Овчинников Ю.Г. К проблеме повышения личной ответственности следователя за процессуальные решения и действия в ходе расследования им уголовного дела // Реформа уголовного законода-

- тельства в Российской Федерации: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Владивосток, 16 ноября 2016 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2017.
20. Овчинников Ю.Г. Процессуальная самостоятельность следователя как доминирующий фактор концепции развития досудебного производства // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3 (40).
  21. О практике применения органами предварительного следствия в системе МВД России положений ч. 3 ст. 38 УПК РФ // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2007. № 1.
  22. Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.Н. Григорьева. М.: Книжный мир, 2004.
  23. Россинский С.Б. Уголовный процесс России: курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2008.
  24. Смирнов А.В. О процессуальной независимости следователя, защитника и об обеспечении законных интересов личности в уголовном процессе // Предварительное следствие в условиях правовой реформы: сб. науч. тр. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1991.
  25. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
  26. Ташимова А.А., Прокофьева С.М. Некоторые проблемы процессуальной самостоятельности следователя под ведомственным контролем руководителя следственного органа и надзором прокурора // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3.
  27. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1991.
  28. Францифоров Ю.В., Ванин Д.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
  29. Хажнагоев А.З. Процессуальная самостоятельность следователя и прокурорский надзор // Российский следователь. 2005. № 6.
  30. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М.: Экзамен, 2003.
  31. Черняков М.М. Вопросы теории и практики процессуального контроля в досудебном производстве: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006.
  32. Шабунин В.А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
  33. Шейфер С.А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 2011. № 5.

УДК 343.13

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Любовь Владимировна Кокорева, доцент кафедры Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Михаил Викторович Дульцев, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: kokoreva80@mail.ru

dultsev@inbox.ru

В научной статье рассматривается деятельность следователя по оценке имущества, подлежащего аресту. Выявлены определенные закономерности в работе правоохранительных органов по оценке имущества, даны методические рекомендации.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество; оценка имущества; иные меры процессуального принуждения.

ATTACHMENT OF PROPERTY: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Lyubov Vladimirovna Kokoreva, chair associate professor of the Moscow regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, kandidat nauk, degree in Law;

Michail Viktorovich Dultsev, leading scientific researcher of Scientific-research Centre of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, kandidat nauk, degree in Law

The following scientific article deals with the activity of the investigator of property valuation that is liable to arrest. Certain regularities according to the work of the law enforcement agencies are revealed. Methodological recommendations are given.

Keywords: seizure of property; property valuation; procedural coercive measures.

Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ) [4, с. 46]. Наложение ареста на имущество представляет собой эффективную процессуальную меру, направленную на решение задач уголовного процесса. Отметим, что, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений [11, с. 23–28.]. Таким образом, законодательные нормы предопределяют значение института возмещения ущерба, причиненного преступлением, как одной из гарантий защиты прав личности, возложенных на государство при отправлении правосудия [7, с. 238–240]. При этом основания наложения ареста на имущество, порядок проведения процессуальных действий, которые направлены на установление имущества, подлежащего аресту, а также процессуальный порядок определения стоимости такого имущества, исполнения решения о наложении ареста на имущество, в том числе хранения арестованного имущества, регламентируются в УПК РФ лишь в общем виде. В связи с этим в правоприменительной практике возникают некоторые трудности в определении принадлежности данного имущества подозреваемому (обвиняемому), в оценке имущества и др. Это обуславливает необходимость выработки рекомендаций по оценке имущества при наложении ареста.

Отметим, что наложение ареста на имущество отнесено законодателем к иной мере уголовно-процессуального принуждения (ст. 115 УПК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 115 УПК РФ

наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение. Закон устанавливает, что наложение ареста производится для обеспечения: 1) исполнения приговора в части гражданского иска; 2) взыскания штрафа, других имущественных взысканий; 3) возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Подчеркнем, что в уголовно-процессуальном законодательстве прямо указано на обязанность следователей устанавливать причиненный преступными действиями виновных материальный ущерб и принимать меры по обеспечению его возмещения. Так, согласно п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, является характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Результаты анализа правоприменительной практики позволили выявить ряд проблем, возникающих у следователей при оценке имущества, подлежащего аресту. Наиболее распространенными являются следующие: 1) как правило, следователь исходит из оценки имущества его владельцем (собственником), иногда оценка осуществляется с учетом документов на имущество (если таковые имеются), представленных их владельцем; 2) недостаточное финансирование органов внутренних дел не всегда позволяет привлекать к оценке имущества специалистов, даже в случае изыскания необходимых денежных средств процедура оплаты труда оценщика весьма сложна; 3) трудности в установлении места нахождения имущества, подлежащего аресту, а также отсутствие информации о степени его износа не позволяют следователю однозначно быть уверенным в возможности его реализации и др.

Кроме того, анализ юридической литературы позволяет утверждать, что среди ученых и практиков, занимавшихся исследованием проблем наложения ареста на имущество, нет единого понимания относительно объема и суммы арестованного имущества [3, с. 102–103; 5, с. 51–52; 8, с. 103–104; 9, с. 21–26; 10, с. 81–85; 12, с. 192; 13, с. 275–276; 14, с. 192]. Отметим, что нормы УПК РСФСР не содержали каких-либо указаний по этому вопросу. Действующая редакция уголовно-процессуального законодательства также не дает никаких разъяснений.

Правоприменительная практика складывается следующим образом. Размер вреда, причиненного преступлением, определяется из фактической стоимости поврежденного либо похищенного имущества. К основным способам установления размера вреда, причиненного преступлением, относятся: осмотр документов, подтверждающих стоимость поврежденного или похищенного имущества, с последующим их приобщением к материалам уголовного дела; допросы участников уголовного судопроизводства (потерпевших, свидетелей, специалистов, экспертов); назначение и производство товароведческой судебной экспертизы и др.

Обратим внимание на то, что размер причиненного вреда необходимо определять с учетом фактического состояния поврежденного или похищенного имущества, а именно с учетом степени его износа, имеющихся неисправностей на момент совершения преступления, а не на момент приобретения данного имущества потерпевшим.

Как правило, стоимость имущества, на которое может быть наложен арест для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска или других имущественных взысканий, не должна превышать стоимости гражданского иска или имущественных взысканий. При этом стоимость имущества, подлежащего аресту, определяется исходя из средних рыночных цен в данном регионе.

Размер причиненного вреда при расследовании преступлений экономической направленности в большинстве случаев устанавливается на основе результатов проведенных документальных проверок, ревизий, инвентаризаций.

При расследовании преступлений против личности следователи устанавливают, например, размер затрат на лечение потерпевшего путем направления запросов в бухгалтерию медицинского учреждения (о стоимости оказанного лечения) либо выемки у потерпевшего документов, подтверждающих сумму затрат на проведенное им лечение в связи с преступлением.

Результаты анализа следственной практики (2015–2016 гг.) ГСУ ГУ МВД России по Московской области, СУ УМВД России по Брянской области, СУ УМВД России по Калужской области, СУ УМВД России по Липецкой области, СУ УМВД России по Тверской области, СУ УМВД России по Тульской области, СУ УМВД России по Смоленской области по наложению ареста на имущество, порядку оценки имущества позволяют утверждать, что трудности у следователей вызывает оценка имущества, находящегося непосредственно в жилище подозреваемого, обвиняемого, в момент проведения такого следственного действия, как обыск. Выявленная проблема связана с тем, что следователи лишь предполагают, что в ходе обыска могут обнаружить имущество, принадлежащее подозреваемому, обвиняемому, и не имеют возможности определить заранее, какого специалиста для оценки имущества необходимо пригласить. Например, в ходе обыска могут быть обнаружены старинные вещи (антиквариат), имеющие значительную ценность предметы или документы, редкие иконы, произведения искусства и т. д.

Законом не предусмотрено обязательное участие понятых при наложении ареста на имущество. Однако, учитывая проблемный характер рассматриваемого процессуального действия, полагаем необходимым при наложении ареста на имущество участие не менее двух понятых.

Кроме того, к участию в наложении ареста на имущество для определения его стоимости рекомендуется привлекать следующих специалистов [6, с. 80–83]: товароведа – для оценки стоимости имущества; официального представителя органа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на территории регистрационного округа по месту нахождения недвижимого имущества – если объекты недвижимости не были зарегистрированы; сотрудников Кадастровой палаты; судебного пристава-исполнителя (он не вправе оценивать имущество, стоимость которого заведомо превышает 30 тыс. руб.) [15, с. 17]. В практической деятельности участие судебного пристава-исполнителя при наложении ареста на имущество встречается крайне редко.

В соответствии с общим правилом, установленным ФЗ «Об исполнительном производстве» [1], «оценка имущества должника, на которое обращается взыскание, производится судебным приставом-исполнителем по рыночным ценам, если иное не установлено законодательством Российской Федерации» (ч. 1 ст. 85). Подчеркнем, что участие судебного пристава-исполнителя при наложении ареста на имущество имеет большое значение. Во-первых, он помогает следователю правильно оценить имущество, верно определить его стоимость, указать на целесообразность включения той или иной вещи в опись, качественно составить опись имущества. Во-вторых, он может порекомендовать следователю «те или иные направления работы по обеспечению возмещения вреда» [3, с. 103].

Однако ряд ситуаций при определении стоимости имущества предполагает участие оценщика, действующего в соответствии с ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [2]. Итак, судебный пристав-исполнитель обязан в течение одного месяца со дня обнаружения имущества должника привлечь оценщика для оценки: «1) недвижимого имущества; 2) ценных бумаг, не обращающихся на организованных торгах (за исключением инвестиционных паев открытых и интервальных паевых инвестиционных фондов); 3) имущественных прав (за исключением дебиторской задолженности, не реализуемой на торгах); 4) драгоценных металлов и драгоценных камней, изделий из них, а также лома таких изделий; 5) коллекционных денежных знаков в рублях и иностранной валюте; 6) предметов, имеющих историческую или художественную ценность; 7) вещи, стоимость которой по предварительной оценке превышает тридцать тысяч рублей» (ч. 2 ст. 85) [1].

Отметим, что при несогласии с оценкой имущества, произведенной судебным приставом-исполнителем, лица, на имущество которых наложен арест, имеют возможность оспорить необоснованное занижение его стоимости. В подобных ситуациях многие адвокаты (защитники) при оценке имущества предпочитают пользоваться услугами независимых экспертов.

По мнению адвокатов, проведенная независимая экспертиза и оценка имущества дает возможность определить рыночную стоимость объектов имущества, и полученные таким образом данные являются максимально объективными для суда. В свою очередь, расходы, связанные с привлечением оценщика, несет лицо, оспаривающее оценку.

В качестве рекомендаций отметим, что в случаях привлечения специалиста для оценки отдельной вещи или имущественного права, следовательно целесообразно: 1) в описи имущества указать примерную стоимость вещи или имущественного права и сделать отметку о предварительном характере оценки; 2) назначить специалиста из числа отобранных в установленном порядке оценщиков; 3) уведомить заинтересованных лиц о заключении оценщика.

Оценку имущества считают одним из основных видов деятельности существующих на сегодняшний день оценочных организаций. Процедуру оценки рекомендуется поручать квалифицированным специалистам, обладающим достаточно богатым опытом работы в этой области правовой сферы.

Процесс проведения оценки называют сложным и кропотливым, его традиционно подразделяют на ряд этапов. Так, на первом этапе чаще всего происходит поиск следователем компании, которой будет поручена оценка имущества. Затем осуществляется встреча с представителями оценочной компании, на которой оговариваются условия договора (подписывается договор, в котором указывается объект оценки, сроки выполнения и стоимость работы). Далее специалист приступает к непосредственной оценке, проводит осмотр объекта. Проводится аналитическая работа специалистом-оценщиком (после осмотра объекта и фиксации необходимых для работы данных оценщик должен провести некоторые исследования рыночной ситуации и сделать определенное количество расчетов). Результаты проведенных исследований оформляются в виде отчета об оценке (заключение специалиста). Именно этот документ передается следователю. Отчет об оценке – документ доказательственного значения, на основании которого могут быть удовлетворены имущественные требования одной из сторон. На заключительном этапе проводится оплата работы оценщика.

Итак, оценка имущества проводится в целях получения наиболее достоверной информации о рыночной стоимости конкретного объекта. При определении фактических оснований наложения ареста на имущество большую роль играет определение величины денежного эквивалента стоимости имущества, подлежащего аресту. К объектам оценки чаще относят квартиру, комнату, дом, предметы мебели и быта, автомобили, гаражи, земельные участки и другое имущество.

В каждом конкретном случае специалисты используют особенные методики оценивания, благодаря чему происходит минимизация влияния субъективных факторов на результат проводимых действий, появляется возможность составления объективного отчета о стоимости имущества.

В случаях затруднения оценки имущества непосредственно в жилище подозреваемого, обвиняемого в момент проведения следственного действия, следователям рекомендуется изымать данное имущество и в дальнейшем оценивать его с привлечением специалиста в определенной сфере деятельности. К оценке имущества необходимо привлекать наиболее квалифицированных специалистов, имеющих опыт работы.

Таким образом, последовательность работ по определению стоимости объекта оценки складывается из нескольких этапов: поиск необходимых специалистов, согласование целей и задач оценки, заключение договора на проведение оценки; сбор и анализ специалистом информации, необходимой для проведения оценки и составления отчета; расчет стоимости объекта оценки в соответствии со стандартами оценки с использованием наиболее приемлемых в данном конкретном случае подходов и методов оценки; определение итоговой величины стоимости объекта оценки; составление отчета об оценке.

Литература

1. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // Российская газета. 2007. 6 октября.
2. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 1998. 6 августа.
3. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2002.
4. Безруков А. В. Правовое регулирование деятельности полиции по обеспечению конституционных прав граждан и правопорядка // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34).
5. Газетдинов Н. И. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба. Казань, 1990.
6. Кокорева Л. В., Кокорев Р. А. Этапы взаимодействия следователя и специалиста при проведении следственных действий // Экономические, правовые и прикладные аспекты преодоления кризиса в европейских странах и России: доклады междунар. науч.-практ. конф., г. Лиссабон (Португалия), 5–12 мая 2012 г. / под ред. А. М. Кустова, Т. Ю. Прокофьевой. М.: МЭЙЛЕР, 2012.
7. Лаврова О. Н. Об установлении цели, оснований и условий при наложении ареста на имущество в ходе досудебного производства по уголовному делу // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104).
8. Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1977.
9. Мерецкий Н. Е., Шурухнов Н. Г., Черенков А. В. О проблемах процессуальной регламентации расследования налоговых преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2 (39).
10. Можяева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: современное состояние и перспективы // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36).
11. Цховребова И. А. Отказ от участия в следственном действии: конституционное право или неисполнение процессуальной обязанности? // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3 (35).
12. Цыпкин А. А. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1959.
13. Чичко В. Н. Деятельность следователя по обеспечению реального возмещения материального ущерба, причиненного преступлением // Ученые записки Саратовского юридического института. Вып. XIX. Саратов, 1970. Ч. 1.
14. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000.
15. Шайнуллин М. М. Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: новеллы // Закон и право. 2008. № 6.

УДК 343.1

ОТМЕНА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА, ВЫНЕСЕННОГО СУДОМ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ, ПРИ НАЛИЧИИ СОМНЕНИЙ В ОБОСНОВАННОСТИ ОБВИНЕНИЯ, С КОТОРЫМ СОГЛАСИЛСЯ ПОДСУДИМЫЙ

Елена Ильинична Попова, доцент кафедры Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат юридических наук

E-mail: popovaelena03@yandex.ru

На сегодняшний день особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением является самой распространенной формой судебного разбирательства. Устойчивость приговоров, вынесенных в порядке гл. 40 УПК РФ, достаточно высока, однако уже типичной становится ситуация отмены названных судебных решений в случае, когда обоснованность предъявленного обвинения вызывает сомнения. Автор анализирует такие ситуации, приводит позиции судов апелляционной инстанции, указывает на необходимость максимально добросовестного подхода к рассмотрению уголовных дел в особом порядке.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; апелляционное производство; отмена обвинительного приговора суда.

ABOLITION OF AN ACCUSATORY SENTENCE IMPOSED BY THE COURT IN A SPECIAL ORDER IF THERE IS DOUBT ABOUT THE VALIDITY OF THE CHARGES, WHICH THE DEFENDANT AGREED

Elena Ilinichna Popova, chair associate professor of the East-Siberian State University of Technologies and Management, kandidat nauk, degree in Law

Today, a special procedure for the adjudication with the consent of the accused with the charges against him is the most common form of litigation. The stability of the sentences in the order of Chapter 40 of the Code of criminal procedure the Russian Federation is quite high, but typical is the situation of cancellation named judicial decisions in the case where the charge or charges is questionable. The author analyzes such a situation causes the position of the appellate courts indicates the need for a conscientious approach to consideration of criminal cases in a particular order.

Keywords: special proceedings; appellate proceedings; the abolition of a guilty verdict.

Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением на сегодняшний день является самой распространенной формой уголовного судопроизводства. В последние годы в порядке гл. 40 УПК РФ ежегодно рассматривается в среднем около 60–65 %* всех уголовных дел. Несмотря на то, что, по мнению ряда ученых, существуют пробелы в законодательстве, регулирующем особый порядок, а также немалое количество предложений об изменении норм УПК РФ [2, с. 60–66; 3, с. 61–65; 6, с. 34–36; 7, с. 36–39], нельзя отрицать тот факт, что рассматриваемая процедура позволяет сэкономить силы и финансовые средства органов уголовного преследования; сориентировать лицо, подвергающееся уголовному преследованию, на сотрудничество с правоохранительными органами; оптимизировать уголовный процесс, сократив временные затраты на его осуществление

---

* Сводные статистические отчеты о деятельности судов общей юрисдикции за 2015, 2016, 6 мес. 2017 года // Официальный сайт Судебного департамента Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru>.

[8, с. 47]. При этом, как отмечают М. С. Белоковьяльский и Э. С. Гуртовенко, «подавляющим большинством юристов-практиков особый порядок воспринимается положительно: следственно-прокурорскими работниками – как гарантирующий подтверждение в суде позиции обвинения, адвокатами – как расширяющий набор средств защиты, судьями – как позволяющий рассмотреть дело в максимально короткие сроки и обеспечивающий почти стопроцентную устойчивость приговора» [1, с. 21].

Однако положительное отношение к обозначенной форме судебного разбирательства разделяется не всеми участниками уголовного судопроизводства. И здесь считаем возможным привести данные, полученные в ходе анкетирования осужденных, уголовные дела в отношении которых были рассмотрены судом по правилам гл. 40 УПК РФ*. Так, на вопрос: «На ваш взгляд, рассмотрение дела судом в особом порядке выгодно обвиняемому?» лишь часть респондентов (41,6 %) ответили утвердительно. При этом большинство осужденных (54,1 %) считают, что их защита надлежащим образом не осуществлялась, 20,8 % указали на то, что, по их мнению, при производстве по уголовному делу следователем, дознавателем были допущены различного рода ошибки или нарушения закона. Важно отметить, что 29,1 % из числа лиц, включенных в процесс анкетирования, указали, что им не разъясняли смысл законодательного требования о том, что приговор, постановленный судом в особом порядке, не может быть обжалован в связи с несоответствием изложенных в нем выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела**. А ведь именно правило, закрепленное в ст. 317 УПК РФ, наиболее существенным образом ограничивает права лиц, ходатайствующих о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. В подобного рода случаях типична ситуация, когда уже после вступления обвинительного приговора в законную силу осужденные, иные заинтересованные лица, будучи не удовлетворены решением суда, пытаются его безуспешно обжаловать, указывая в обоснование своих доводов на непричастность к совершению преступления, меньшую степень виновности, отсутствие в инкриминируемом деянии тех или иных квалифицирующих признаков и т. д. Характерно, что во многих случаях осужденные, по их поручению (с их согласия) иные лица обращаются к представителям адвокатского сообщества, выражают намерение заключить соглашение***, в надежде, что «платный» адвокат найдет выход из сложившейся ситуации. Но часто и защитники разводят руками, констатируя, что «ничего не поделаешь»****.

Действительно, если в апелляционной жалобе ее автор будет указывать на необходимость отмены обвинительного приговора в связи с тем, что выводы, изложенные в нем, не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, то суд второй инстанции, руководствуясь ст. 317, п. 1 ст. 389.15 УПК РФ, должен будет отказать в удовлетворении такой жалобы. Именно приведенное законодательное правило дает основание многим представителям юридического сообщества полагать, что приговор, постановленный в особом порядке, не подлежит отмене и в том случае, если обоснованность обвинения, с которым согласился обвиняемый (подсудимый), вызывает сомнение. Представляется, что такие утверждения не могут претендовать на абсолютную правоту. Как показал анализ судебной практики, обвинительный приговор, постановленный в особом порядке, может быть отменен при наличии обозначенного нарушения. Однако в этом случае заявители в апелляционных жалобах в обоснование

* Интервьюирование проводилось в отношении 72 осужденных, отбывающих наказание в Республике Бурятия.

** Безусловно, приводимые данные анкетирования, вероятно, нельзя назвать абсолютно объективными, тем не менее, они дают почву для размышлений.

*** В судебной практике распространены случаи, когда по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом в особом порядке, защиту обвиняемого, подсудимого осуществляет адвокат по назначению органов предварительного расследования или суда. По нашим данным, такая ситуация типична более чем по 80 % от числа всех уголовных дел, по которым суд принимает решение в порядке гл. 40 УПК РФ.

**** При этом следует указать, что адвокаты в подобного рода ситуациях иногда предлагают обжаловать приговор по другим основаниям, например, в части назначенного наказания.

своих доводов ссылаются не на несоответствие изложенных в приговоре выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам уголовного дела, а обжалуют итоговое судебное решение по другому основанию – в связи с существенным нарушением норм уголовно-процессуального закона. Наглядно проиллюстрировать сказанное можно следующим примером.

Так, гр. Г. был признан виновным в незаконных приобретении и хранении без цели сбыта наркотического средства – смеси, в состав которой входит производное N-(1-Кабамоил-2-метилпропил)-1-(фенилметил)-1H-индазол-3-карбоксамид («ADB-Fubinaca») [N-(1-Кабамоил-2,2-диметилпропил)-1-(4-фторфенилметил)-1H-индазол-3-карбоксамид] массой 1,48 грамма, в крупном размере. По окончании предварительного следствия при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемый заявил ходатайство о согласии с предъявленным ему обвинением, уголовное дело было рассмотрено в соответствии с гл. 40 УПК РФ. На обвинительный приговор заместителем прокурора было подано апелляционное представление, в котором, помимо прочего, отмечалось, что предъявленное гр. Г. обвинение в незаконных приобретении и хранении без цели сбыта наркотического средства в крупном размере, а также постановленный приговор не соответствуют заключению эксперта в части наименования наркотического средства. Кроме того, в материалах дела отсутствует ответ на запрос следователя о том, состоит ли гр. Г. на учете у врача-нарколога и врача-психиатра.

В свою очередь, адвокат в апелляционной жалобе, помимо прочего, указывал, что в отношении гр. Г. не была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, судом первой инстанции не дано надлежащей оценки показаниям гр. Г. о состоянии его здоровья. Государственный обвинитель против апелляционной жалобы возражал.

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционного представления, апелляционной жалобы и возражений на жалобу, судебная коллегия посчитала приговор суда первой инстанции подлежащим отмене по следующим основаниям.

Далее представляется верным подробно рассмотреть рассуждения суда второй инстанции, которые он приводит в обоснование своей позиции.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона. Согласно ст. 389.17 УПК РФ, основанием отмены приговора в апелляционном порядке является существенное нарушение уголовно-процессуального закона, которое путем лишения или ограничения гарантированных прав участников уголовного судопроизводства повлияло на вынесение законного и обоснованного судебного решения. На основании п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении должны быть указаны существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, в том числе предмет преступления.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должно быть приведено описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

По смыслу закона, уголовная ответственность за преступления, предусмотренные ст. 228, 228.1 УК РФ, наступает только за незаконные действия с наркотическими средствами, указанными в Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (Список 1).

Как усматривается из постановления о привлечении гр. Г. в качестве обвиняемого и обвинительного заключения, он обвиняется в незаконных приобретении и хранении без цели сбыта наркотического средства – смеси, в состав которой входит производное N-(1-Кабамоил-2-метилпропил)-1-(фенилметил)-1H-индазол-3-карбоксамид («ADB-Fubinaca») [N-(1-Кабамоил-2,2-диметилпропил)-1-(4-фторфенилметил)-1H-индазол-3-карбоксамид]

массой 1,48 грамма, в крупном размере. Однако наименование такого наркотического средства в указанном выше Перечне отсутствует. Между тем, согласно заключению эксперта, изъятое у гр. Г. наркотическое средство является производным N-(1-Карбамоил-2-метилпропил)-1-(фенилметил)-1Н-индазол-3-карбоксамида, включенного в Список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен (Список 1), Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации.

Таким образом, обвинительное заключение по делу в отношении гр. Г. составлено с нарушением требований п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ, поскольку в нем указано иное наркотическое средство, отличное от наркотического средства, указанного в заключении экспертизы.

Помимо того, суд в нарушение п. 1 ч. 1 ст. 307 УПК РФ в описательно-мотивировочной части приговора также указал неверное наименование наркотического средства, изъятого у гр. Г., как производное N-(1-Кабамоил-2-метилпропил) – 1 – (фенилметил) – 1Н-индазол-3-карбоксамида («ADB-Fubinasa») [N- (1- Кабамоил – 2,2 – диметилпропил) – 1 – (4-фторфенилметил) – 1Н-индазол-3-карбоксамид)].

Подводя итог своим рассуждениям, суд апелляционной инстанции указал, что при обозначенных выше обстоятельствах ни предъявленное обвинение, ни приговор в части наименования наркотического средства не соответствуют заключению экспертизы, которым определен другой вид наркотического средства, содержащийся в Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации.

Кроме того, суд второй инстанции указал на необходимость проверки психического состояния гр. Г., чего на предыдущих стадиях уголовного судопроизводства сделано не было.

Таким образом, обвинительный приговор в отношении гр. Г. был признан не соответствующим требованиям законности и обоснованности и был отменен. Уголовное дело было направлено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с существенным нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, поскольку в суде апелляционной инстанции установлены обстоятельства, которые не могут быть устранены и восполнены судом в силу ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ*. Как представляется, дальнейшая перспектива по делу – прекращение уголовного преследования в связи с отсутствием в деянии гр. Г. признаков состава преступления.

Следует указать, что приведенный пример не единичен. В судебной практике подобного рода решения судов, хотя и не часто, тем не менее, встречаются**. Изложенное дает основания утверждать, что приговор, постановленный в особом порядке, когда обоснованность предъявленного обвинения вызывает сомнения, может быть обжалован в апелляционной инстанции. По всей видимости, стоит признать обозначенную практику положительной, поскольку она позволяет:

– повысить качество производства по уголовным делам рассматриваемой категории (в том числе профилировать негативные факторы заинтересованности в рассмотрении уголовных дел судом в особом порядке) [4, с. 12–15; 5, с. 16–25];

– обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), а значит, и реальную защиту лиц, права и законные интересы которых были нарушены в ходе уголовного судопроизводства.

* Апелляционное определение Свердловского областного суда № 22–8894/2016 от 3 ноября 2016 г. по делу № 22–8894/2016. URL: <http://sudact.ru>.

** См., например: кассационное определение 22–2241/2012 // Архив Верховного суда Республики Бурятия; определение Челябинского областного суда № 10–5234/2016 от 3 ноября 2016 г. по делу № 10–5234/2016. URL: <http://sudact.ru>.

Литература

1. Белоковьяльский М. С., Гуртовенко Э. С. Защита при рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства: особенности тактики и этики // Адвокат. 2010. № 2.
2. Любишкин Д. Е. Проверка добровольности волеизъявления обвиняемого как условие применения особого порядка судебного разбирательства // Уголовный процесс. 2011. № 5.
3. Погодин С. Б. Некоторые актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства в состязательном уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 9.
4. Попова Е. И. Негативные факторы заинтересованности следователя в рассмотрении уголовного дела судом в порядке главы 40 УПК РФ // Российский следователь. 2011. № 4.
5. Попова Е. И. Расследование с использованием норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ): монография / под науч. ред. Ю. П. Гармаева. М.: Юрлитинформ, 2017.
6. Редькин Н. В., Иващенко В. В. Проблемные вопросы производства судебного разбирательства в особом порядке по уголовным делам, расследованным в форме дознания // Российский судья. 2009. № 9.
7. Толкаченко А. А. Особый порядок судопроизводства – междисциплинарный институт // Российская юстиция. 2011. № 8.
8. Чепик М. М. Влияние компромисса на качество и полноту предварительного расследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 1 (34).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.2

КОМПЛЕКСНЫЙ (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ) ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент

E-mail: dfvnii@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы междисциплинарной интеграции при исследовании преступлений против установленного законом порядка миграции населения с позиций как образовательного процесса юридических вузов, так и практической деятельности правоохранительных органов в области реализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: исследование; криминалистика; криминология; миграция; междисциплинарная связь; правопорядок; преступления; теория оперативно-розыскной деятельности; уголовное право; уголовный процесс.

COMPLEX (INTERDISCIPLINARY) APPROACH IN THE STUDY OF CRIMES AGAINST THE ORDER OF MIGRATION OF THE POPULATION

Ilya Viktorovich Nikitenko, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

The article deals with the problems of interdisciplinary integration in the study of crimes against the legal order of migration of the population, both from the standpoint of the educational process of law schools and practical activities of law enforcement agencies in the field of criminal liability.

Keywords: research; criminology; criminology; migration; interdisciplinary communication; law and order; crimes; theory of operational investigative activity; criminal law; criminal process.

Известно, что и в гуманитарных науках, и в естествознании, любые, даже самые распространенные явления, часто рассматриваются как обособленные, а порой и отстраненные от реальной действительности, предметы научных исследований. Такой методологический прием широко распространен и в юридических науках, когда правовое явление рассматривается изолированно от внешних (объективных) взаимосвязей, что в некоторых случаях позволяет лучше понять его сущность. В связи с этим принято выделять конкретно-научные и альтернативные им междисциплинарные подходы к исследованию одних и тех же явлений. Вероятно, что подобное методологическое разнообразие может восполнять недостатки, рав-

но как и порождать противоречия. Очевидно и то, что обе концепции имеют своих сторонников и оппонентов.

Так, некоторые исследователи полагают, что для современного образования характерны «узкопрагматические» установки, ориентированные на частнодисциплинарный подход, исключающий горизонтальные связи между отдельными областями научного знания, а также жесткое разграничение дисциплин даже в пределах одной предметной отрасли (в нашем случае, дисциплин уголовно-правового цикла). Следствием же этого разграничения являются не только фрагментарность видения реальности, но и недостоверность ее субъективного восприятия, что не позволяет адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы. Сегодня же, как никогда, нужен целостный трансдисциплинарный взгляд на мир, причем на уровне сознания большинства граждан, иначе в обществе не возникнет когерентного понимания глобальных проблем и способов их решения [1].

Подобного мнения придерживаются и другие авторы, рассматривающие современное гуманитарное образование как комплексную синергетическую систему [5].

Обосновывая целесообразность комплексного (междисциплинарного) подхода к исследованию преступлений против порядка миграции населения, мы не будем противопоставлять различные методы познания. Однако подобная постановка проблемы позволяет охарактеризовать все преимущества именно комплексного подхода, основанного на максимальном обобщении различных с точки зрения научно-отраслевой принадлежности характеристик предмета исследования.

Вопросы обеспечения миграционной безопасности государства как компонента системы национальной безопасности в целом представляют междисциплинарную область гуманитарных исследований. Предметное же содержание теории миграционной безопасности в юридических науках представлено многочисленными исследованиями в области общей теории права, криминологии, административной деликтологии, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Очевидно, что междисциплинарный подход обусловлен необходимостью формирования адекватной системы противодействия вызовам и угрозам, связанным с интенсификацией миграционных процессов. Однако интегративный подход к процессу познания преступления не исключает научных спецификаций, отличающихся прежде всего средствами, методиками, а в некоторых случаях и целями познания одного и того же предмета. В связи с этим следует обратить внимание на общность различных областей знаний, относящихся к наукам уголовно-правового цикла.

Наиболее очевидны междисциплинарные связи при исследовании преступлений, юридические составы которых могут быть разъяснены посредством обращения к правовым массивам вне компетенции уголовного права. В связи с этим следует отметить, что большинство диспозиций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушения нормативно определенного порядка миграции населения, являются бланкетными, то есть корреспондируют к соответствующим разделам административного (миграционного) законодательства. Это же, в свою очередь, отражается на способах, обстановке, а также других имеющих юридическое значение обстоятельствах совершения исследуемых преступлений, что представляет интерес как с точки зрения особенностей квалификации этих деяний, так и в отношении предмета доказывания. Такое сочетание исследовательских позиций наглядно свидетельствует о тесной предметной взаимосвязи уголовного права и криминалистики. Эта взаимосвязь очевидна при выявлении соответствующих криминальных фактов, а также при юридическом закреплении (фиксации) выявленного массива, что обуславливает аналогичные связи с теорией оперативно-розыскной деятельности и уголовным процессом.

В соответствии с положениями теории криминологической безопасности, разработанной в 80–90 гг. прошлого столетия, способность криминогенных факторов и, как следствие, самой преступности к воспроизводству создает реальную угрозу интересам национальной

безопасности. Сообразно этому, незаконную миграцию можно рассматривать в двух аспектах: 1) как порождающий преступность фактор; 2) как общественно опасное деяние, содержащее признаки одного из преступлений против установленного порядка миграции населения (например, ст. 322 и 322.1 УК РФ, а при определенных условиях и другие преступления, опосредованно обеспечивающие незаконное пребывание в РФ, к которым следует отнести деяния, предусмотренные ст. 322.2 и 322.3 УК РФ). Это же, в свою очередь, обуславливает целесообразность исследования указанных преступлений с позиций тесной взаимосвязи уголовного права, криминологии, теории общественной и государственной безопасности.

О непреходящем значении криминологии в изучении криминогенных, а именно порождающих преступления факторов, а также отдельных групп преступлений, образующих соответствующие виды преступности, написано немало. Вместе с тем вопрос о месте и значении криминологических знаний в комплексном (междисциплинарном) исследовании отдельных видов преступлений часто вызывает активную дискуссию среди специалистов. Вероятно, это связано с тем, что одни и те же проявления преступных деяний представляют исследовательский интерес для различных областей научного знания, некоторые из которых часто рассматриваются параллельно – с позиций уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики. Так, например, изучение личности преступника (виновного или обвиняемого) в равной степени интересно для каждой из перечисленных отраслей.

Рассуждая о целесообразности междисциплинарного подхода при изучении отдельных видов преступлений, и особенно связанных с нарушением различных правил, обеспечивающих административный порядок в государстве, к которым относятся и преступления против порядка миграции населения, следует обратить внимание на взаимодействие криминологии с уголовным процессом и криминалистикой.

Известно, что часто апеллируя к социологическим методам в изучении преступности и отдельных преступлений, криминологические исследования опираются на множество эмпирических данных. Источником же подобных сведений нередко выступает уголовно-процессуальная либо криминалистическая практика. Так, именно в результате выявления, расследования и судебного рассмотрения конкретных уголовных дел собирается информация, которая при соответствующей криминологической обработке (обобщении) преобразуется в статистический материал.

Имеющие на первый взгляд сугубо криминологическое значение сведения кроме криминологии представляют интерес и для других юридических наук, основу предмета которых образуют отношения в области противодействия преступности. Так, на целесообразность установления в процессе раскрытия преступлений и расследования уголовных дел обстоятельств, способствовавших совершению преступления, указывается в ст. 73 УПК РФ, определяющей правовой регламент предмета доказывания.

Преступления, посягающие на установленный в государстве порядок миграции населения, можно отнести к высоколатентным. Это связано не только с сокрытием таких преступлений виновными, но также с объективными факторами, затрудняющими их выявление и расследование. Так, например, факты организации незаконной миграции, ставшие причиной незаконного пребывания на территории России причастного к совершению преступления мигранта, часто выявляются лишь после установления события совершения этим мигрантом иных преступлений. Данное обстоятельство подтверждает высокую латентность преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ.

Многие из криминологических характеристик подобных преступлений (например, причины и условия их совершения), а также относимых к криминологическим «портретам» личностей преступников, имеют значение для теории оперативно-розыскной деятельности. Данное обстоятельство определяет наличие обратной связи между этими дисциплинами, поскольку традиционные для теории оперативно-розыскной деятельности обобщения и выводы

могут дополнять криминологические характеристики как самих преступлений, так и лиц, их совершающих.

Известно, что разнообразные научные подходы в изучении одних и тех же явлений традиционно не выходят за пределы общепринятых в научном сообществе предметов тех или иных областей научного познания, что определяется целями и задачами этих наук. Например, существуют условные границы, разводящие предметы таких наук, как уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право, уголовный процесс и криминалистика. Однако следует признать, что источники эмпирического материала, образующего предметную базу любого исследования (в нашем случае, те или иные сведения об определенных категориях преступников, о преступных деяниях и преступности в целом, материалы правоприменительной практики либо итоги подобной деятельности и т. п.), могут быть самыми разнообразными – от результатов социологических наблюдений, статистических данных и экспертных заключений до уникальной информации, полученной в процессе выявления, расследования и раскрытия конкретных преступлений. Вместе с тем, несмотря на востребованность любой аналитической информации, в каждой из названных областей научного знания существуют и наиболее приоритетные методы, и источники ее получения, что, собственно, и отражает специфику той или иной науки (например, в криминологии это обобщенные статистические сведения и результаты социологических наблюдений). Однако ценность для научных дисциплин так называемого уголовно-правового цикла эмпирических сведений, традиционных для теории оперативно-розыскной деятельности, заключается в их уникальности, что, вероятно, обусловлено спецификой методологических подходов получения подобной аналитической информации. Так, выяснение стереотипов поведения преступников на разных стадиях неоконченного преступления в итоге позволяет сформировать целостное представление о тех фактических данных, которые образуют предметы доказывания при расследовании конкретных преступлений (например, особенности в развитии причинно-следственных связей), что, в свою очередь, способствует разработке частных методик расследования преступлений.

Приготовление к преступлениям против установленного порядка пересечения Государственной границы РФ и миграции населения в целом, ответственность за которые предусмотрена ст. 322, 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ, часто связано с нарушением порядка оформления, использования и оборота официальных и иных документов, бланков таких документов, штампов и печатей. Совершение подобных преступлений нередко связывают с созданием преступных групп, подкупом должностных лиц, служебными подлогами и т. д. Кроме того, приготовление к преступлениям, направленным против предусмотренного миграционным законодательством РФ порядка учета и регистрации мигрантов (ст. 322.2 и 322.3 УК РФ), как правило, связано с предварительным распространением завуалированной информации о предоставлении соответствующих услуг либо иной помощи по юридическому сопровождению вновь прибывших мигрантов, их устройству на работу и временному размещению, прохождению медицинских комиссий и предусмотренных миграционным законодательством тестирований. В связи с этим опыт криминологических исследований вопросов обеспечения миграционной безопасности государства позволяет утверждать, что большинство типичных ситуаций, когда, например, приготовление к преступлениям против порядка миграции населения или неоконченные покушения, в их значительной части, приводят к реализации преступных намерений, то есть оконченным преступлениям. С опорой же на междисциплинарность в изучении подобных криминальных явлений, следует отметить, что именно правоприменительная деятельность, направленная на выявление и расследование таких преступлений, является главным источником формирования эмпирической основы многих из компонентов криминологических, уголовно-процессуальных и криминалистических характеристик как самих преступлений, так и лиц, их совершающих. Данные обстоятельства обусловлены тем, что только факты совершения преступлений являются правовыми основаниями для непо-

средственного исследования личности преступников путем доступа к закрытым, в обычных, не процессуально-правовых условиях, сведениям о частной жизни этих лиц.

Обобщение наиболее типичных проблем, возникающих в правоприменительной практике по выявлению, квалификации и расследованию преступлений против установленного порядка миграции населения, говорит о том, что подобная деятельность часто осуществляется вне системы накопленных междисциплинарных знаний об уголовно-правовых, криминологических, уголовно-процессуальных и криминалистических свойствах и особенностях предмета исследования. Вместе с тем именно на основании материалов расследуемых уголовных дел формируется соответствующая аналитическая информация, которая в последующем используются науками, ведающими вопросами противодействия преступлениям и преступности в целом, для обоснования выводов и рекомендаций по совершенствованию такой деятельности. Так, анализ накопленных статистических данных широко используется в криминологических характеристиках определенных групп преступлений, а также лиц, их совершающих. Это же, в свою очередь, является важной информацией для разработки системы предупредительных мер.

Очевидна и обратная связь, так как области научного знания, ведающие вопросами выявления и расследования преступлений, часто используют криминологические обобщения и методики предупреждения преступлений для обоснований предложений по совершенствованию соответствующих положений законодательства в области противодействия преступности*. В обоснование подобных выводов мы солидарны с мнением А. П. Гуськовой о том, что предметные области исследований ряда наук уголовно-правового цикла во многом совпадают, однако цели, стоящие перед каждой из этих наук, дифференцируют именно те знания, которые могут быть получены через познание одних и тех же объектов. Так, уголовно-процессуальное право исследует личности обвиняемых, исходя из следующих направлений:

- сущностные характеристики личности обвиняемого;
- личность обвиняемого как объект уголовно-процессуального познания;
- личность обвиняемого как субъект уголовно-процессуальных отношений;
- процессуальные гарантии прав и свобод личности обвиняемого в уголовном процессе [2, с. 50–53].

Подобная классификация сегодня применяется как одна из теоретических моделей личности участника уголовного судопроизводства.

Криминологи же рассматривают в качестве объекта личность преступника, имея в виду, что преступник – это прежде всего тот, кто совершил либо способен совершить преступление. Однако в силу разных причин не все преступники, то есть люди, совершившие преступление, впоследствии получают соответствующий уголовно-процессуальный статус (например, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), поэтому объект криминологии в этой части несколько шире объекта изучения уголовно-процессуального права. Лица, готовые к противоправному деянию, могут стать объектами криминологической профилактики, но вместе с тем никогда не стать субъектами уголовного судопроизводства. Кроме того, криминологическая концепция личности преступника основана преимущественно на идеях социологии.

Так, к признакам личности преступника относятся не только социальные, но и психологические, а также биологические признаки, особенности психических процессов. И если процессуалисты рассматривают личность обвиняемого только через призму уголовно-процессуальных отношений, то криминологи, исследуя социальные, психологические, биологические аспекты, позволяют выявить причины преступности (преступлений) в их совокупности, а применяя криминологические рекомендации, предотвратить совершение конкретного преступления. С позиций уголовного процесса личность изучается в той мере, в какой это

---

* Подобные предложения часто направлены на совершенствование правовых норм, определяющих предмет доказывания и процедуры, связанные с проведением соответствующих следственных действий и экспертиз, права и обязанности участников уголовного судопроизводства и т. д.

необходимо для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу [3, с. 18].

Экстраполяция подобных суждений на проблемы междисциплинарного (комплексного) подхода к исследованию преступлений против установленного порядка миграции населения особенно актуальна при разработке мер по выявлению этих преступлений. Известно, что криминологический анализ статистических сведений о совокупности миграционных преступлений (образующих соответствующую разновидность преступности) в разные периоды статистических наблюдений является информационной основой, во-первых, для выдвижения аргументированных предположений о реальных масштабах незаконной (латентной) миграции и, во-вторых, для прогнозов о развитии криминальной ситуации в указанной сфере. При этом опыт криминологического прогнозирования свидетельствует о тесной взаимосвязи между продолжительностью статистических наблюдений и достоверностью прогнозов.

Очевидно, что подобные аналитические сведения имеют непреходящее значение для планирования и организации правоохранительной деятельности по выявлению преступлений миграционной направленности, которые, как уже было отмечено, относятся к категориям высоко- и среднелатентных.

Описание наиболее значительных преимуществ междисциплинарного подхода к изучению преступлений миграционной направленности будет неполным без учета интегративного опыта криминалистических исследований. Очевидна тесная междисциплинарная взаимосвязь криминалистических свойств исследуемых преступлений.

Известно, что именно криминалистика в формате своего заключительного раздела – методики расследования преступлений – изучает типичные способы и иные имеющие доказательственное значение обстоятельства (обстановка, материальные следы, время и место) совершения преступлений, а также характерные особенности предметов преступных посягательств и личности совершающих их преступников, разрабатывает на этой основе рекомендации по раскрытию и расследованию таких преступлений. Анализируя сущность криминалистической характеристики преступлений, Н. П. Яблоков отмечал, что она «в значительной степени опирается на уголовно-правовые и криминологические данные, вследствие чего ее анализ тесно связан с анализом соответствующих элементов преступлений. Так, с учетом объекта, объективной и субъективной сторон преступления, а также криминологических данных о личности преступников и потерпевших выделяются элементы, составляющие ее суть» [6, с. 206–212]. Однако вопросы соотношения, различия и взаимосвязи методологических подходов, которые используются разными научными дисциплинами криминального цикла для анализа и характеристики отдельных криминальных деяний, включая преступления миграционной направленности, остаются весьма дискуссионными.

Как отмечалось ранее, в вопросах познания сущностных характеристик исследуемых преступлений очевидно взаимодополняющее влияние теории оперативно-розыскной деятельности. Несомненно, что именно эта научная дисциплина во многом дополняет и обеспечивает комплексное представление о предмете исследования через взаимосвязь с уголовным правом и криминологией, уголовным процессом и криминалистикой, а по некоторым вопросам, связанным прежде всего с превентивным воздействием на субъектов исследуемых преступлений, – и с наукой уголовно-исполнительного права. Такая предметная взаимосвязь теории оперативно-розыскной деятельности с названными науками во многом определяет теоретическую позицию о том, что теория ОРД имеет междисциплинарную природу, так как была сформирована в результате взаимодействия разных областей научного знания.

Однако, осуществляя комплексное (междисциплинарное) исследование какого-либо криминального явления, следует учитывать, что эмпирический материал, на котором основываются оперативно-розыскные характеристики, может быть ограниченно доступен, так как часто формируется в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий и в связи

с этим не может свободно применяться в иных областях научного знания, ведающих вопросами противодействия отдельным преступлениям или преступности в целом.

Следует учитывать и то, что специалисты, которые имеют профессиональный доступ к соответствующим материалам оперативно-розыскной деятельности, руководствуются при информационном обеспечении правоохранительной деятельности достижениями других юридических дисциплин, например, используют рекомендации наук уголовного права и криминологии при квалификации и предупреждении преступлений, наук уголовного процесса и криминалистики – при проведении мероприятий по выявлению и пресечению преступлений [4].

Безусловно, научная дискуссия по вопросам междисциплинарного взаимодействия при исследовании отдельных преступлений имеет принципиальное значение, так как нацелена на преодоление существующих проблем уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также практики его применения. По нашему мнению, актуальность экстраполяции данного вывода на преступления против установленного государством порядка миграции населения обусловлена:

1) широкой бланкетностью уголовно-правовых норм об ответственности за подобные деяния, что затрудняет их толкование и, как следствие, практическое применение (ст. 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ);

2) проблемами выявления таких преступлений, влияющими на их высокую латентность (ст. 322.2 и 322.3 УК РФ);

3) трудностями в установлении предмета доказывания, во многом связанными с недостатками законодательных дефиниций и, как следствие, с получившей широкое распространение конкуренцией соответствующих составов преступлений с аналогичными, ввиду общности объектов правовой охраны, составами административных правонарушений (ст. 322, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ)*;

4) проблемами, связанными с тем, что многие из фигурантов (подозреваемые и обвиняемые, а также свидетели) уголовных дел, возбужденных по признакам этих преступлений, являются иностранцами и лицами без гражданства, что также требует от правоприменителей дополнительных компетенций и умений рассматривать подобные криминальные ситуации в комплексе приобретенных знаний о преступлениях миграционной направленности.

Литература

1. Буданов В. Г. Синергетические концепции в образовании // Сайт С. П. Курдюмова. Раздел: Синергетика и образование.
2. Гуськова А. П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. М., 2002.
3. Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях: науч. докл. М., 2008.
4. Новикова Ю. В. Некоторые дискуссионные вопросы научного познания преступности (преступлений) с позиций криминологии, криминалистики, уголовного процесса, теории оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы российского права. 2014. № 9.
5. Устойчивое развитие в изменяющемся мире: мат-лы Московского синергетического форума, январь 1996 г. М., 1996.
6. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: НОРМА, 2012.

---

* Это же можно сказать и в отношении правовой конкуренции между однородными нормами уголовного законодательства России.

УДК 343.221.51

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ И МИРЕ

Павел Валерьевич Жестеров, докторант ВНИИ МВД России, старший преподаватель Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук

E-mail: zhesterov@mail.ru

Автор исследует проблему уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, раскрывает положительный опыт решения данного вопроса в мире, систематизирует виды преступлений, ответственность за совершение которых могли бы нести юридические лица в случае восприятия отечественной уголовно-правовой доктриной соответствующего правового института.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовная репрессия; уголовная ответственность юридических лиц; субъект преступления; субъективное вменение; наказание.

THE CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN RUSSIA AND THE WORLD

Pavel Valerievich Zhesterov, doctoral candidate of the NRI of the Ministry of Interior of the Russian, senior lecturer of the Russian State Social University, kandidat nauk, degree in Law

The author studies the problem of criminal liability of legal persons in the Russian Federation. The author reveals the positive experience of solving this issue in the world. The author systematizes types of crimes, the responsibility for which could be borne by legal persons in case of perception by the domestic criminal legal doctrine of the corresponding legal institution.

Keywords: criminal policy; criminal repression; criminal liability of legal persons; subject of crime; subjective imputation; punishment.

В условиях четвертой промышленной революции неизбежен слом парадигм уголовного права, обусловленный прежде всего экспонентной разработкой новых технологий. Уже сейчас требуют уголовно-правовой охраны объекты, не известные советскому уголовному праву и пореформенному УК РФ. Доктринальные положения о субъекте преступления все чаще подвергаются переосмыслению в связи с развитием корпоративных отношений, осложненных иностранным элементом и поддерживаемых доступностью средств связи.

Возможность привлечения к ответственности юридических лиц как в России, так и за рубежом остается предметом дискуссии на конференциях различного уровня и страницах юридических изданий. Отечественные правоведы, как правило, категоричны в своем мнении относительно возможности установления данной ответственности и четко заявляют, к какой группе – «сторонников» либо «противников» нововведения – они себя относят.

Сторонники отмечают, что отсутствие уголовной ответственности юридических лиц способствует нарушениям ими законодательных актов, росту «латентности криминальных проявлений в сфере экономической деятельности, экологической и общественной безопасности, здоровья населения, мира и безопасности человечества» [15, с. 67–70]. Как следствие, загрязняется окружающая среда, истощаются природные запасы, углубляется экономический кризис, растет теневой сектор экономики. По мнению Е. Ю. Антоновой, «такая деятельность угрожает национальной безопасности Российской Федерации, деструктивно воздействуя на процессы политического, правового, экономического и социального развития страны» [15, с. 67–70].

Аргументация противников сводится к высказыванию опасений относительно того, что введение данного института «станет средством неправомерного давления на бизнес со стороны органов власти и конкурентной борьбы на рынках» [18, с. 338], что идет вразрез

с провозглашенным Президентом РФ курсом на «формирование делового климата, культуры предпринимательства и практики честной конкуренции» [37].

Между тем уже более чем в 70 странах мира введена уголовная ответственность юридических лиц, и имеет место тенденция к увеличению числа таких стран [35, с. 7]. Корпоративная уголовная ответственность начинает признаваться в странах общего права (прежде всего в США, Великобритании [17, с. 41–43; 21, с. 67–72]) с середины XIX в. [16, с. 12], в последние десятилетия вводится и расширяется в уголовных законах государств континентальной Европы [29, с. 112–124; 33, с. 43–54] и находит свое место в уголовном законодательстве стран со смешанной системой права (например, Израиль) [36, с. 154–157].

Мы не будем останавливаться на внешних и внутренних предпосылках введения уголовной ответственности юридических лиц, которые были подробно изложены в исследовании В. И. Квашиса [22, с. 38–47], а также отечественных законопроектах, проанализированных в работе президента Федеральной палаты адвокатов Ю. С. Пилипенко [20, с. 170–181].

Отметим, что подписание и ратификация нашей страной ряда конвенций ООН [1–5], Совета Европы [6–12], ШОС [13] предполагают необходимость введения рассматриваемого института «за те деяния, ответственность за которые предусмотрена международно-правовыми нормами... коммерческий подкуп, финансирование терроризма, легализацию преступных доходов, неправомерный доступ к компьютерной информации, торговлю людьми, организацию незаконной миграции и другие преступления» [18, с. 338], в целях исполнения взятых на себя обязательств [19, с. 195–199; 23, с. 4–12; 24, с. 88–92; 25, с. 239–242; 27, с. 30–34; 30, с. 85–92].

Отсутствие уголовной ответственности юридических лиц в нашей стране не позволяет государству адекватно реагировать на некоторые коррупционные преступления. Проиллюстрируем это на примере борьбы с откатами при заключении государственных контрактов. Как правило, откат, то есть «незаконную тайную выплату должностному лицу, осуществленную в ответ за оказанную им услугу» [26, с. 270], совершают юридические лица по коллективному решению (например, совета директоров, общего собрания участников): заинтересованные лица передают деньги чиновнику, и вопрос решается в пользу взяткодателей. Как пишет В. И. Попов, «подобная практика в отечественном бизнесе утвердилась и стала доминирующей в его деловых взаимоотношениях с государственными структурами» [32, с. 160]. Схожая ситуация в Европейском союзе. По данным Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (ОЛАФ), откаты при заключении государственных контрактов встречаются в каждом третьем случае коррупции. Наиболее распространена практика откатов в Испании и Румынии [40]. Один из примеров получения откатов мы находим в деле Мариано Рахоя (Mariano Rajoy), премьер-министра и главы правящей партии Испании. В опубликованных в 2013 г. в газете El País материалах содержался перечень тайных наличных выплат М. Рахоя и другим высшим членам его партии (более 70 должностных лиц). Предполагаемыми плательщиками стали участники так называемой «Gürtel» – группы компаний, получивших при поддержке членов правящей партии контракты от государственных учреждений и местных органов власти на беспрецедентную сумму – более чем 115 млн €. По данным следствия, огромная прибыль делилась между бизнесменами – участниками группы и некоторыми политиками, которые помогли им получить контракты [42].

В настоящее время вопрос о привлечении юридических лиц к ответственности возникает уже не только в связи с совершением ими коррупционных и иных экономических преступлений, но и в связи с использованием отдельных компаний для прикрытия общеуголовных преступлений, таких как наркотрафик. По данным экспертов Европола, в марте 2016 г. правоохранительные органы Испании в сотрудничестве с другими государствами – членами Европейского союза и при поддержке Европола раскрыли преступную сеть, импортировавшую в ЕС новые психоактивные вещества (NPS – New Psychoactive Substances). Как показали результаты расследования, эта преступная сеть использовала различные европейские компа-

нии для импорта и дальнейшей продажи в европейских странах произведенных в Китае синтетических каннабиноидов стоимостью более 1,5 млн € [39].

Высокой общественной опасностью характеризуются и экологические преступления, совершаемые юридическими лицами. Так, в 2016 г. Агентство по охране окружающей среды США обнаружило, что концерн Volkswagen, один из крупнейших производителей автомобилей в мире, сфальсифицировал выбросы своих дизельных автомобилей, скрывая полную степень их загрязнения, – в 40 раз больше, чем допустимый предел. Экологический скандал вызвал бывший генеральный директор компании [41]. Этот пример иллюстрирует сложную природу многих корпоративных преступлений: в их совершение вовлечены руководители и топ-менеджеры компаний; органы управления, производственные объекты и регионы сбыта находятся под несколькими юрисдикциями, что затрудняет процесс расследования, с учетом того, что не все страны равномерно ратифицируют международные правовые акты, содержащие положения об уголовной ответственности юридических лиц.

В связи с этим представляет интерес ответ на вопрос: каким образом введение института уголовной ответственности юридических лиц решает проблему привлечения компаний к ответственности в зарубежном уголовном законодательстве? Выделяют два основных подхода к формированию рассматриваемого института.

В странах общего права (США, Великобритания, Канада, Австралия) разработаны правовые конструкции «уголовная ответственность без вины (строгая ответственность)» и «доктрина отождествления», позволяющие решить этот вопрос в рамках общих принципов уголовного права. Применяется принцип, согласно которому решения, принятые лицами, занимающими наиболее высокие посты в корпорации, рассматриваются как действия самой корпорации. Так, законодательство Великобритании предусматривает определенное количество уголовных правонарушений, не требующих наличия субъективного элемента (*mens rea*) [29, с. 112, 120–121]. В Израиле, во многом воспринявшем принципы корпоративной уголовной ответственности, присущие англосаксонской правовой системе, юридическому лицу может быть предъявлено официальное обвинение в совершении уголовно наказуемого деяния в следующих случаях: во-первых, за деяния, совершенные физическим лицом, которое действовало как его официальный работник или представитель; во-вторых, если будет доказана вина работника или представителя, действовавшего в интересах данного юридического лица; в-третьих, возможно уголовное преследование юридического лица за преступное бездействие, заключавшееся в непринятии мер, направленных на предотвращение преступления, совершенного его работником или представителем [36, с. 155].

В странах континентального права (Нидерланды, Франция, Испания, Швеция, Германия и др.) используется теория вины юридического лица. При этом в уголовных кодексах ряда европейских стран субъектом любого преступления признается физическое или юридическое лицо (УК ФРГ, УК Дании, УК Нидерландов). Иной подход предлагает французский законодатель: юридическое лицо подлежит уголовному преследованию в случаях, прямо предусмотренных законом или подзаконными нормативными актами. Интересно, что и в Китае ответственность юридического лица возможна лишь в том случае, если она предусмотрена соответствующей статьей УК КНР [18, с. 336]. Как показывает исследование литературных источников, отечественные правоведы в основном поддерживают установление четкого перечня составов преступлений, за совершение которых в перспективе могла быть введена корпоративная уголовная ответственность.

Что касается санкций в отношении юридических лиц, то в большинстве стран в качестве основного вида наказания выступает штраф, кратность которого может зависеть от общественной опасности совершенного преступления или вовсе не ограничиваться какими-либо пределами (например, как в Китае). Однако в российских условиях при наличии норм института банкротства юридических лиц могут возникнуть сложности с обращением в бюджет го-

сударства штрафа, так как высока вероятность того, что признанное виновным юридическое лицо в целях избегания его уплаты может объявить себя банкротом, переводя отношения по исполнению уголовного наказания в плоскость гражданско-правового спора.

Представляет интерес обращение к практике назначения такой разновидности наказания, как ограничение предпринимательской свободы, которое может выражаться в виде прекращения некоторых прав (Нидерланды, Финляндия); запрета занятия определенной деятельностью (Польша, Финляндия, ЕС); регулирования организации и выпуска продукции (Нидерланды); увольнения директора (рекомендации ЕС 1988 г.); конфискации, назначения контролирующего руководителя (Нидерланды, Финляндия); принудительной продажи компании (Япония); закрытия предприятия или его структурных единиц (ЕС, США, Нидерланды); прекращения деятельности предприятия (ЕС, Польша) [31, с. 54–55]. Вместе с тем, внедрение в нашей стране апробированных за рубежом санкций, связанных с ограничением предпринимательской свободы, представляется преждевременным, так как «открытость в принятии экономически значимых решений не в наших традициях, многие граждане полагают (и, наверное, не без оснований), что здесь не обходится без коррупционного начала...» [28, с. 36–44]. В современных российских реалиях коррупционная практика в бизнесе утвердилась и стала преобладающей в деловых взаимоотношениях с правоохранительными и контролирующими органами. Следует констатировать и стойкое нежелание предпринимателей вести бизнес по легальным правилам. Несложно представить, какой высокой коррупционной составляющей будет характеризоваться уголовное преследование юридических лиц при введении подобных санкций. В связи с этим В. Е. Квашис справедливо отмечает репрессивную направленность разработанных в нашей стране законопроектов, которые в случае их принятия могли бы «стать инструментом давления не только на бизнес, но и на юридических лиц, функционирующих в некоммерческом секторе» [22, с. 47].

Кроме того, включение в уголовный закон юридического лица как субъекта преступления обусловит целый ряд серьезных проблем для законодателя и правоприменителя. Прежде всего, разрешение процессуальных вопросов уголовной репрессии в отношении юридических лиц потребует внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Например, к юридическому лицу нельзя будет применить большую часть имеющихся мер пресечения (гл. 13 УПК РФ) и иных мер процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ). Возможно, вводимая мера пресечения в виде запрета определенных действий в перспективе могла бы быть использована для ограничения деятельности юридического лица [38]. Однако текущий перечень мер пресечения мало применим к юридическим лицам, и этот вопрос потребует существенной проработки.

Определенные сложности возникнут и в случае прекращения уголовного преследования юридического лица и признания за ним права на реабилитацию. Действующие положения ст. 135 УПК РФ неизбежно войдут в противоречие с положениями гражданского законодательства (ст. 15 ГК РФ), согласно которым возмещение имущественного вреда помимо реального ущерба (например, фактически понесенных расходов в результате конфискации и обращения в доход государства имущества юридического лица, уплаты штрафов, процессуальных издержек, сумм за оказание юридической помощи) предусматривает также компенсацию упущенной выгоды. Это чревато двоякой проблемой. С одной стороны, в случае затяжного предварительного следствия или судебного разбирательства, это повлечет значительные расходы бюджета на компенсацию упущенной выгоды (чем дольше юридическое лицо не осуществляет свою повседневную предпринимательскую деятельность, тем выше сумма неполученных юридическим лицом доходов). С другой стороны, вероятен пропуск трехлетнего срока исковой давности для заявления соответствующих требований в гражданско-процессуальном порядке.

Полагаем также, что потребуются внесение изменений в ст. 1070 ГК РФ в части установления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконным привлечением

ем к уголовной ответственности юридического лица. Напомним, что действующий механизм подразумевает возмещение вреда при осуществлении правосудия только в том случае, если вина судьи установлена как приговором, так и иным решением суда [14]. Также потребуются разработка гражданско-правовых механизмов возмещения вреда, причиненного законным привлечением к уголовной ответственности юридического лица, в случае отмены обвинительного приговора вышестоящей инстанции при законности действий судьи при вынесении решения.

Итак, хотя наша страна ратифицировала ряд конвенций [34, с. 150–165], взяв тем самым на себя международные обязательства, следует с сожалением констатировать, что современная уголовная политика не сможет обеспечить полноценную защиту прав предпринимателей в случае введения института юридической ответственности юридических лиц. Экономика и социум не готовы воспринять подобные инициативы, которые из-за отсутствия подготовленной «почвы» кажутся нам преждевременными.

Литература

1. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 4.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2.
4. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Стамбул, 21 ноября 1997 г.) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7.
5. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1999 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.
6. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Бюллетень международных договоров. 2018. № 4.
7. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. № 9.
8. Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного права (Страсбург, 4 ноября 1998 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (Лансароте, 25 октября 2007 г.) // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6.
11. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. № 9.
12. Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями (Маглинг, 18 сентября 2014 г.) Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 11. Ст. 1274.
14. По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова: постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 700.
15. Антонова Е. Ю. О целесообразности включения в законодательство Российской Федерации норм института уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1(22).
16. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. Сер. Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. СПб., 1998.
17. Гешелин М. И. Ответственность юридических лиц в современном уголовном законодательстве Англии и отечественной теории уголовного права // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2.
18. Гладких В. И. Уголовная ответственность юридических лиц в России и Китае // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф., 16–18 мая 2016 г. Благовещенск: БГПУ, 2016.
19. Жестеров П. В. Легализация преступных доходов: опыт уголовной репрессии в государствах – членах Европейского союза и России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4.

20. Заключение на законопроект № 750443–6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц», внесенный депутатом Госдумы А. А. Ремезковым (письмо Ю. С. Пилипенко С. Е. Нарышкину от 22.04.2015) // Вестник Федеральной палаты адвокатов. 2015. № 2.
21. Калашников М. И. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству США // Право и управление. XXI век. 2015. № 2(35).
22. Квашиш В. Е. Предпосылки и перспективы введения уголовной ответственности юридических лиц // Современные проблемы уголовной политики: мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф., 25 сентября 2015 г.: в 2 т. / под ред. А. В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. Т. I.
23. Кобец П. Н., Краснова К. А. Особенности государственной политики Королевства Испании в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и финансированию терроризма. Ч. 1. // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. 2017. № 3.
24. Кобец П. Н., Краснова К. А. Особенности и механизмы борьбы с организованными преступными группами, осуществляющими торговлю людьми // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России (посвящается памяти профессора Д. В. Ривмана): мат-лы регион. науч.-практ. конф., 17 ноября 2017 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2017.
25. Краснова К. А. Обеспечение кибербезопасности в условиях экспонентного роста киберпреступности в России // Обеспечение безопасности в международном и национальном пространстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 4 апреля 2017 г. / под ред. И. Г. Пирожковой, И. С. Искевич. Тамбов, 2017.
26. Краснова К. А. Общая характеристика форм проявления коррупции в Европейском союзе // Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. А. И. Долговой. М.: Рос. криминолог. ассоциация, 2014.
27. Лесников Г. Ю., Краснова К. А. Европейский опыт формирования уголовной политики в сфере противодействия коррупции // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: мат-лы конф.: в 4 ч. Ч. 3. М.: Проспект, 2017.
28. Лопашенко Н. А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4 (14).
29. Нагорная И. И. Уголовная ответственность юридических лиц в Нидерландах, Франции, Великобритании и США: законодательство, доктрина и судебная практика (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2013. № 3.
30. Никитенко И. В. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений, посягающих на установленный порядок миграции населения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3 (40).
31. Остапюк Н. А., Процюк О. В. Уголовная ответственность юридических лиц за правонарушения, совершаемые в сфере хозяйствования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 35.
32. Попов В. И. Преступность, угрожающая национальной безопасности России. М.: Изд-во СГУ, 2010.
33. Федоров А. В. Законодательство Испании и Швеции об уголовной ответственности юридических лиц // Человек и закон. 2015. № 1.
34. Федоров А. В. Основные положения международных договоров об уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 3 (55).
35. Федоров А. В. Ответственность юридических лиц: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты: тез. докл. на заседании Союза криминалистов и криминологов, г. Москва, 22 декабря 2016 г. // Союз криминалистов и криминологов. 2017. № 1–4.
36. Цупиков Т. Н. Уголовная ответственность физических лиц в правовой системе Израиля // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 6.
37. Заседание Госсовета по вопросу развития конкуренции. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57205> (дата обращения: 18.04.2018).
38. Уголовно-процессуальный кодекс дополнен статьей, предусматривающей новую меру пресечения – запрет определенных действий. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/57291> (дата обращения: 18.04.2018).
39. European Union serious and organised crime threat assessment 2017. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-serious-and-organised-crime-threat-assessment-2017> (дата обращения: 18.04.2018).
40. Identifying and reducing corruption in public procurement in the EU. URL: http://www.pwc.pl/pl_PL/pl/publikacje/assets/pwc-public-procurement-costs-we-pay-for-corruption-study-en.pdf (дата обращения: 18.04.2018).
41. Jordanoska A. The corporate criminal: why corporations must be abolished. By Steve Tombs and David Whyte // The British Journal of Criminology, Volume 57, Issue 3, 1 May 2017, Pages 756–760. URL: <https://doi.org/10.1093/bjc/azw006> (дата обращения: 18.04.2018).
42. Q&A: Rajoy party scandal in Spain. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-21326937> (дата обращения: 18.04.2018).

УДК 343.24

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Дмитрий Борисович Лаптев, доцент кафедры Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

E-mail: lapa612@mail.ru

Статья посвящена вопросам совершенствования института иных мер уголовно-правового характера в уголовном законодательстве России. Предлагается использование опыта зарубежных стран в части реализации расширенной конфискации имущества применительно к отдельным категориям преступлений. Обосновываются возможные варианты регламентации норм о расширенной конфискации.

Ключевые слова: наказание; иные меры уголовно-правового характера; расширенная конфискация имущества; виды конфискации имущества; предмет конфискации имущества.

ON THE IMPROVEMENT OF THE INSTITUTION OF CONFISCATION OF PROPERTY IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Dmitriy Borisovich Laptev, chair associate professor of the West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, kandidat nauk, degree in Law

The article is devoted to the issues of improving the institute of other criminal law measures in the criminal legislation of Russia. It is proposed to use the experience of foreign countries in the implementation of the extended confiscation of property in relation to certain categories of crimes. The possible variants of the regulation of the rules on extended confiscation are substantiated.

Keywords: punishment; other measures of a criminally-legal nature; extended confiscation of property; types of property confiscation; the subject of confiscation of property.

Правовые последствия, которые реализует государство в ответ на совершение запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния, обозначены в ч. 2 ст. 2 УК РФ. В целях эффективного выполнения охранительной и превентивной функций в российском законодательстве установлена «двунаправленная» система таких правовых последствий (наказание и иные меры уголовно-правового характера).

В течение десятилетий конфискация имущества в отечественном уголовном праве была предусмотрена в качестве дополнительного вида наказания. Однако после принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ институт конфискации в уголовном законодательстве перестал существовать, что поставило под вопрос соблюдение Россией ряда международных соглашений в части необходимости применения конфискации имущества за совершение определенных видов преступлений (Конвенция ООН против коррупции, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и др.).

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ нормы о конфискации имущества были возвращены в уголовное законодательство, но уже в «особом» виде – как «иные меры уголовно-правового характера», что по сей день продолжает вызывать серьезные нарекания со стороны научного сообщества и практикующих юристов [12, с. 5]. Оценивая эффективность норм о конфискации имущества на современном этапе, исследователи указывают на наличие лишь видимости конфискации имущества как средства противодействия преступности [2, с. 61].

С 2006 г. неоднократно предпринимаются попытки модернизировать нормы о конфискации имущества, однако, как представляется, совершенства в этой области законодатель

не достиг. Неудовлетворенность правовой регламентацией данного института, который предполагает изъятие у правонарушителя только связанного с конкретным преступлением имущества, обуславливает наличие многочисленных предложений о пересмотре законодательства в этой сфере. В частности, в проекте закона № 396097-7, который был принят на рассмотрение Государственной Думой РФ 21 февраля 2018 г., предлагается вернуть конфискацию имущества преступника именно в качестве дополнительного наказания при совершении отдельных тяжких и особо тяжких преступлений [10].

Как представляется, возвращение к общей конфискации имущества, которая предполагает принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства любого (полностью либо частично) имущества правонарушителя [7, с. 33], не будет являться верным шагом со стороны законодателя, поскольку, в частности, под вопрос будет поставлено соблюдение принципов справедливости, пропорциональности уголовно-правового воздействия, презумпции невиновности и др.

Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран показывает, что все больше государств отказываются от общей конфискации имущества как наказания. Более того, во многих государствах общая конфискация имущества находится под прямым конституционным запретом (Аргентина, Бельгия, Греция, Кипр, Коста-Рика, Мексика, ОАЭ, Румыния, Турция и др.). Некоторые исследователи предлагают рассматривать запрет общей конфискации имущества как наивысшую юридическую гарантию охраны права частной собственности [4, с. 131].

В то же время, сужение предмета конфискации до исключительно имущества, связанного с преступлением, не соответствует международно-правовым тенденциям [3, с. 85]. Все больше государств идут по пути установления расширенной конфискации, при которой у преступника изымается не только имущество, связанное с преступлением, но и другое имущество, которое является возможным доходом в целом от предшествующей преступлению общественно опасной деятельности лица. В частности, расширенная конфискация применяется в Швеции, Финляндии, Хорватии, Македонии, Черногории, Молдове, Румынии, Эстонии [13].

Основная черта, присущая большинству норм о расширенной конфискации в зарубежных законах, заключается в специфике распределения бремени доказывания. Лицо, чье имущество предположительно имеет преступное происхождение (стоимость приобретенного имущества превышает легальные доходы), обязано доказать законность его происхождения. При невыполнении указанной обязанности «спорное» имущество изымается и обращается в собственность государства.

Согласимся с авторами, которые предлагают российскому законодателю использовать подобный опыт для борьбы с организованной преступностью, преследующей цели обогащения [8]. При этом мы не видим препятствий к имплементации соответствующих норм в правовую систему нашего государства в дополнение к уже имеющимся правовым предписаниям о специальной конфискации имущества, связанного с преступлением.

Сегодня конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера применяется при совершении в основном преступлений, связанных с посягательством на личность, преступлений коррупционного, экономического и террористического характера. При этом в перечне соответствующих деяний отсутствуют преступления против собственности, поскольку при их совершении причиненный материальный ущерб подлежит возмещению потерпевшему, а не обращению в доход государства [5].

Как отмечалось выше, идеология норм о расширенной конфискации имущества имеет существенные отличия от той конфискации, которая сегодня предусмотрена в уголовном законодательстве России, поскольку предполагает изъятие имущества, полученного не от конкретного преступления, а от предшествующей преступлению преступной деятельности лица. Соответственно, для обращения в пользу государства имущества правонарушителя, стоимость которого превышает легальные доходы лица за определенный период, законодателю

необходимо предусмотреть такие преступления, совершение которых с очень высокой степенью вероятности будет свидетельствовать, что все ранее полученное «необъяснимое богатство» приобретено лицом преступным путем. Проще говоря, законодателю необходимо регламентировать случаи, когда правоприменитель будет обязан «погрузиться в прошлое» и провести анализ соотношения активов правонарушителя и его доходов за определенный прошедший период.

В этой части мы предлагаем воспользоваться опытом зарубежных стран, которые уже несколько лет апробируют институт расширенной конфискации.

Так, в Румынии, где расширенная конфискация была введена в 2012 г., одним из условий ее реализации выступает убежденность суда в том, что имущество получено в результате совершения таких преступлений, как отмывание денег, коррупционные преступления, торговля прекурсорами или наркотиками; торговля людьми, нарушение Государственной границы Румынии, порнография, терроризм, преступления против собственности, нарушение режима обращения оружия и боеприпасов, ядерных материалов или других радиоактивных и взрывоопасных веществ, подделка денежных знаков или других ценных бумаг и др.

Уголовное законодательство Молдовы устанавливает, что расширенная конфискация применяется в случае осуждения лица за совершение таких преступлений, как отмывание денег, извлечение выгоды из влияния, незаконное обогащение, получение взятки, дача взятки и др. При этом одним из условий реализации данной меры является наличие в деянии корыстных побуждений.

В уголовном законодательстве Эстонии сформулировано, как представляется, очень важное правило, согласно которому правовое значение для реализации расширенной конфискации имеет юридическая природа совершенного преступления, разница между легальным доходом виновного и его финансовым благосостоянием или иные факты, которые могут привести к разумному предположению о приобретении активов в результате совершения преступления [13].

Полагаем, что преступления, при совершении которых в перспективе возможно применение расширенной конфискации в России, также должны иметь характерную природу, которая с высокой степенью вероятности, на основе объективного предположения будет свидетельствовать о преступном характере ранее приобретенных правонарушителем активов. При этом, как представляется, тяжесть, степень общественной опасности преступления не должны быть приоритетными в вопросе определения соответствующих критериев. Суть расширенной конфискации как перспективной иной меры уголовно-правового характера не в наказании лица, совершившего преступление, а в обращении в доход государства имущества, приобретенного преступным путем. При реализации данной меры правонарушитель не претерпевает дополнительных страданий и поражения в своих правах, а по факту лишается лишь того имущества, которое находится у него незаконно. При законопослушном поведении лицо не вправе было бы владеть и пользоваться данным имуществом. При реализации расширенной конфискации государство в лице органов уголовной юстиции лишь приводит в соответствие имущественное положение лица, совершившего преступление, до уровня имущественного положения, который имел бы место в случае законопослушного поведения данного гражданина.

Например, предусмотренные в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ квалифицированные виды убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ) как основания для конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, как представляется, не в полной мере в перспективе могут выступать в качестве преступлений, совершение которых будет основанием для применения расширенной конфискации имущества.

Так, если лицо совершает убийство женщины, заведомо для него находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), то правоприменителю будет сложно сделать

вывод, что все имущество правонарушителя, стоимость которого превышает стоимость легальных доходов, скорее всего, приобреталось преступным путем. Но если же лицо осуждается за получение взятки (ст. 290 УК РФ) и при этом владеет «необъяснимым богатством», то, учитывая высокую степень латентности коррупционных преступлений, вероятность преступного происхождения иных активов правонарушителя будет очень высока.

Таким образом, для российского законодателя вполне приемлемым было бы использование опыта зарубежных стран в части регламентации расширенной конфискации за преступления, имеющие характерную для «необъяснимого богатства» природу и (или) совершенные с корыстной мотивацией.

Ряд зарубежных государств, применяющих нормы о расширенной конфискации, в качестве одного из условий для реализации данной меры обозначают определенный минимальный вид и размер наказания, назначенный виновному. Например, уголовное законодательство Эстонии в качестве одного из оснований для реализации расширенной конфискации имущества указывает назначение виновному лицу наказания в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет [13].

Подобные законодательные решения считаем верными, но не с точки зрения необходимости применения данной меры в случаях определенного уровня общественной опасности совершенного деяния и необходимости дополнительной кары для правонарушителя. Как указывалось выше, карательное содержание присуще наказанию [9, с. 15], а иные меры уголовно-правового характера, к которым предлагается относить расширенную конфискации имущества, такового лишены [1, с. 102]. Подобное правило установления минимального порога наказания для реализации рассматриваемой меры было бы актуальным для российского варианта регламентации расширенной конфискации в плане усиления вероятности достоверности вывода о преступном происхождении «неподтвержденных» активов преступника.

Например, осуждение лица за некавалифицированный коммерческий подкуп по ч. 1 ст. 204 УК РФ либо некавалифицированное взяточничество по ч. 1 ст. 290 УК РФ чаще всего не предполагает назначение наказания в виде лишения свободы. Допустим, лицо незаконно получило 10000 руб. в качестве предмета взятки либо подкупа. Степень общественной опасности подобного деяния в контексте полученного виновным размера «неосновательного обогащения» вряд ли может свидетельствовать о том, что все имущество, которым владеет правонарушитель, превышающее стоимость легальных доходов, ранее приобреталось преступным способом. И, напротив, получение правонарушителем 10000 000 руб. в качестве предмета взятки либо коммерческого подкупа повлечет осуждение лица по ч. 6 ст. 290 УК РФ либо ч. 8 ст. 204 УК РФ, и назначение наказания в виде лишения свободы будет вполне реальным. В данном случае сумма преступного обогащения, «масштаб» преступления и самого преступника явно усиливают степень вероятности вывода о преступном происхождении ранее полученных лицом активов.

Соответственно, можно сделать вывод об определенной зависимости целесообразности реализации расширенной конфискации имущества от вида и размера назначенного виновному лицу наказания, что подтверждает возможность использования в этой части опыта зарубежных государств для российского варианта изложения соответствующих норм.

Считаем верным также рассмотреть продолжительность предшествующего преступлению периода приобретения имущества правонарушителем и получения им доходов, который правоприменителю необходимо брать во внимание при реализации норм о расширенной конфискации.

Так, в упомянутых выше законодательствах зарубежных государств продолжительность этого периода, как правило, составляет пять лет [13].

Вместе с тем полагаем, что в этой части мы можем опираться на уже имеющийся отечественный опыт противодействия «сомнительным доходам» государственных и муниципальных служащих. В настоящее время все большее распространение получает судебная практика,

связанная с реализацией Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», в ст. 17 которого обозначено право прокуратуры в рамках гражданского судопроизводства обратиться в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

В части 1 ст. 4 указанного закона обозначено, что основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица является достаточная информация о том, что данным лицом в течение отчетного периода совершены сделки по приобретению имущества на общую сумму, превышающую общий доход данного лица за три последних года, предшествующих отчетному периоду.

Соответственно, законодатель в этой сфере ограничился трехлетним периодом, который анализируется на предмет соответствия расходов должностного лица его доходам и учитывается при выявлении «сомнительного» имущества, подлежащего обращению в доход государства. Как представляется, в целях обеспечения единообразного системного подхода в вопросах регулирования схожих общественных отношений указание на необходимость сопоставления активов и доходов лица за три года, предшествующие совершению преступления, будет вполне логичным при регламентации в уголовном законодательстве России норм о расширенной конфискации.

Считаем необходимым обратить внимание и на способ описания эквивалента превышения стоимости активов, полученных в период, предшествующий совершению преступления, над законными доходами правонарушителя как основание для применения расширенной конфискации имущества. Чаще всего законодательство упомянутых выше государств содержит правило, что для реализации данной меры стоимость активов должна «значительно», «существенно» либо «явно» превышать законные доходы правонарушителя [13], что, на наш взгляд, является верным. Существование оценочных понятий в праве неизбежно [6, с. 138] и в данном случае полностью оправдано, поскольку, вероятнее всего, установление точных формальных критериев превышения стоимости активов над денежным эквивалентом доходов правонарушителя обязательно создаст сложности в правоприменительной практике и не сможет учесть все многообразие пропорций и соотношений в данном вопросе.

Важным также представляется использование опыта зарубежных государств, установивших правило, что для реализации положений о расширенной конфискации имущества учитывается не только имущество, которое принадлежит непосредственно лицу, совершившему преступление, но и стоимость активов, переданных членам семьи правонарушителя; лицам, с которыми осужденный имеет близкие отношения и проживает совместно; юридическим лицам, принадлежащим либо контролируемым осужденным. При этом для выявления разницы между легальными доходами и стоимостью полученных активов во внимание также должна приниматься реальная стоимость товаров на момент их получения и фактические расходы, понесенные осужденным.

Представляется справедливой и оправданной презумпция незаконности безвозмездной передачи имущества правонарушителю либо аффилированным с ним лицам, когда, если не доказано обратное, считается, что имущество имеет незаконное происхождение, если оно получено бесплатно или за плату, которая не соответствует его фактической стоимости [11].

На основании изложенного полагаем, что внедрение норм о расширенной конфискации имущества в уголовное законодательство России является перспективным направлением уголовной политики государства, соответствующим международным тенденциям, и может выступать в форме компромиссного варианта при рассмотрении вопроса о возвращении конфискации имущества как вида наказания.

Литература

1. Бавсун М. В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4.
2. Бажукова Ж. А., Тетерина Т. В. К вопросу о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного правосудия // Российский судья. 2017. № 3.
3. Голованова Н. А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. № 7.
4. Качур К. В. Конституционно-правовое закрепление гарантий права частной собственности в зарубежных государствах // Современное право. 2017. № 4.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 1.
6. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.
7. Кузнецова О. А., Степанов В. В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. № 2.
8. Кузьмин В. В., Мкртчян Э. А. Контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Законность. 2018. № 3.
9. Орлов В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
10. Перечень важных документов на стадии принятия // Главная книга. 2018. № 6. URL: <http://glavkniga.ru/about/us/gk>
11. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / В. Ю. Артемов [и др.]; отв. ред. И. С. Власов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Шеломенцев В. Н., Горохова С. С. Вопросы конфискации имущества, используемого или предназначенного для финансирования экстремистской деятельности // Адвокат. 2015. № 7.
13. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование / А. С. Автономов [и др.]; отв. ред. А. С. Автономов. М.: Юрист, 2017.

УДК 343

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СЛУЖАЩИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ПО УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА

Николай Васильевич Лысак, профессор кафедры Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: nvlisak@yandex.ru

В дореволюционной России существовало множество кооперативов. К самым распространенным из них относились потребительские (потребительные) общества. В каждом таком обществе был свой управленческий аппарат с определенным количеством служащих. В случаях совершения ими злоупотреблений по службе они привлекались к уголовной ответственности не за должностные преступления, а как частные лица за общие уголовные (присвоение и растрату, мошенничество и др.). В то время понятие «должностное лицо» на них не распространялось. В статье рассматриваются проблемные вопросы привлечения служащих потребительских обществ к уголовной ответственности за преступления, совершенные по службе.

Ключевые слова: кооперация; потребительская кооперация; служащий; должностное лицо; субъект должностных преступлений.

CRIMINAL LIABILITY OF EMPLOYEES OF CONSUMER COOPERATIVE SOCIETY IN CRIMINAL AND CORRECTIONAL PUNISHMENTS CODE OF 1845

Nikolay Vasilyevich Lysak, chair professor of the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

In pre-revolutionary Russia there were many cooperatives. The most common of them were consumer societies. In each such society there was a management system with a certain number of employees. In cases where they committed abuses in exercising the service, they were brought to criminal liability, not for official crimes, but for general crimes (embezzlement, fraud, etc.). At that time, the concept of «official» did not apply to them. The article examines the problematic issues of bringing employees of consumer cooperative societies to criminal liability for crimes committed while service.

Keywords: cooperation; consumer cooperative society; employee; official; official malfeasant.

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. развивался не только государственный сектор экономики, но и частный. В этот период на экономическом рынке активно функционировали кредитные (общественные и частные банки), страховые компании (например, Общество взаимного страхования), акционерные компании (товарищества на паях), товарищества (полное, на вере), различные торговые организации и ряд других субъектов хозяйственной деятельности.

Активными участниками рыночных отношений были кооперативы. Особо следует выделить потребительские общества, затем кредитную кооперацию, производственную, домостроительные товарищества, сельскохозяйственные общества и ряд других кооперативов. По числу кооперативов и членов в них Россия в исследуемый период занимала первое место в мире. В канун 1917 г. количество кооперативов всех типов приближалось к 50000 (около 25000 потребительских обществ, 16500 кредитных кооперативов, 6000 сельскохозяйственных обществ, 2400 сельскохозяйственных товариществ, 3000 маслодельных артелей, 1500–

2000 артелей, производящих и кустарно-хозяйственных), в них состояли около 14 млн чел. Небывальными темпами росли сельскохозяйственные кооперативы [3, с. 60].

Появление на рынке России многочисленных организаций, относящихся к негосударственному сектору экономики, в каждой из которых имелся свой управленческий аппарат со служащими, повлекло за собой проблемы уголовно-правовой оценки их действий при совершении ими различного рода злоупотреблений по службе.

Суть этой проблемы заключалась в том, что понятие «должностное лицо», трактуемое широко в теории и практике, применялось только к тем служащим, которые отправляли свои служебные обязанности на государственной или общественной службе, и не распространялось (за некоторым исключением [14, с. 211–212]) на руководителей и служащих, осуществлявших свои служебные функции в аппарате управления предприятий и организаций частного сектора экономики. Поэтому отсутствие в теории уголовного права и судебной практике единообразного понимания термина «должностное лицо» порождало проблемы в квалификации должностных преступлений, так как во многих случаях было трудно определить, где публичное должностное лицо, а где – частное.

В уголовно-правовой литературе обращалось внимание на то, что служащие частных учреждений не охватывались понятием «служащий», даже если они совершали какие-либо действия для государства или общества, поскольку их деятельность осуществлялась не в порядке управления, а в связи с выполнением частных поручений собственников или представителей, или контрагентов [5, с. 300]. Поэтому считалось, что лица, занимающие должности в частных обществах, выполняли возложенные на них обязанности в интересах данных обществ и совершенные ими при исполнении этих обязанностей противозаконные деяния не могли отождествляться с преступлениями по службе государственной или общественной [6, с. 35].

Действительно, взять, например, потребительские общества. В исследуемый период они создавались только с одной целью – удовлетворение материальных потребностей членов этих обществ. Как отмечал Л. Е. Файн, «наиболее массовая ветвь кооперативного движения – потребительская кооперация (11,5 млн членов) – была и наиболее разношерстной в социальном отношении, объединяла представителей практически всех классов и групп, видевших целесообразность удовлетворения своих потребительских нужд через кооперацию» [11, с. 224]. Служащие потребительских обществ являлись субъектами частноправовых отношений и не могли по своей природе быть приравнены к служащим, находящимся на государственной или общественной службе. Но вместе с тем эти общества также нуждались в уголовно-правовой защите своих служебных интересов от различного рода злоупотреблений со стороны руководителей и служащих этих обществ. Поэтому на втором кооперативном съезде в Киеве в 1913 г. кооператоры заявили, что действующее уголовное законодательство страдает пробелами, вследствие которых некоторые злоупотребления должностных лиц кооперативов остаются безнаказанными. В целях определения уголовной ответственности за эти преступления съезд принял решение поручить разработать этот вопрос комитетам содействия кооперации [2, с. 9–10] и внести свои предложения для рассмотрения. Однако эта проблема в действующем уголовном законе так и не была решена.

Руководители и служащие потребительских обществ привлекались к уголовной ответственности не за преступления по должности, а за общие преступления: присвоение или растрату вверенного имущества, мошенничество и ряд других. Анализ дореволюционной литературы показывает, что среди преступлений, совершаемых служащими потребительских обществ, чаще всего совершались растраты. Так, несколько пермских кооперативов «погибли» из-за растрат служащих [12, с. 24]. Теоретик кооперации М. Слобожанин, характеризуя состояние дел в потребительском обществе «Трудовой союз», отмечал, что «служащие его оказались не на высоте своего положения. Ими практиковались не только мелкие злоупотребления, но и довольно крупные хищения» [9, с. 42].

В некоторых потребительских обществах велась буквально борьба между отдельными группами за влияние и контроль над правлением и кооперативом в целом. В результате этой борьбы в руководстве обществами нередко оказывались люди, которые использовали служебное положение в своих корыстных целях. Именно по этой причине пострадало Рыльское общество Курской губернии. В 1902 г. у них в магазине была обнаружена недостача товаров на сумму, превышающую 1,3 тыс. руб. Вся финансовая отчетность оказалась запущенной [13, с. 102].

Руководители потребительских обществ, виновные в присвоении или растрате вверенного им имущества, привлекались к уголовной ответственности не за должностное присвоение, а на общих основаниях, как частные лица, по ст. 1681 Уложения о наказаниях.

Следует отметить, что кооператоры были заинтересованы в том, чтобы члены общества, признанные виновными в присвоении или растрате кооперативного имущества, возмещали ущерб в полном объеме до вынесения приговора судом. Однако для привлечения к уголовной ответственности за легкое присвоение вверенного имущества (ч. 2 ст. 1681 Уложения о наказаниях) требовалось установить два признака в совокупности: 1) чтобы имело место легкомыслие растраты и 2) чтобы виновный сделал добровольное заявление о принятии на себя обязательства вознаградить потерпевшего.

Редакция этой статьи, по мнению Н. Н. Полянского, не отвечала интересам кооператоров, поскольку принятие обязательства возместить ущерб еще не означало его действительного возмещения, но, тем не менее, с момента такого заявления виновный уже заслуживал снисхождения [7, с. 14]. Безусловно, это законодательное положение противоречило интересам потребительских обществ, поскольку они прежде всего были заинтересованы не в «обещаниях», а в действительном, полном возмещении ущерба. Поэтому Н. Н. Полянский предлагал изменить редакцию названной статьи и включить туда положения, при которых виновный был бы обязан еще до вынесения приговора добровольно возратить присвоенное или иным способом удовлетворить интересы потерпевшего. Это, по его убеждению, в полной бы мере соответствовало и интересам кооперации [7, с. 14].

Поскольку кооператоры ставили вопрос о необходимости дополнения уголовного законодательства нормами об ответственности должностных лиц кооперативов, то следовало бы определиться в отношении круга таких лиц в потребительском обществе: кто среди его служащих мог обладать статусом должностного лица и кто вообще считался служащим кооператива.

К служащим потребительских обществ относились прежде всего выборные работники, например, председатели правлений и ревизионных комиссий, наблюдательных советов. Численность правлений и ревизионных комиссий зависела от количества лиц, состоящих в обществах. В небольших обществах правление состояло из 3–4 человек, в средних – до 5, в крупных численность правлений могла достигать и 30 человек. В последних создавались даже комиссии по различным направлениям деятельности, например, просветительная, жилищная и т. д. В ревизионные комиссии входило, как правило, до 8 человек. В некоторых случаях создавались наблюдательные советы, но теоретики кооперации считали это лишним, поскольку фактически они дублировали деятельность ревизионных комиссий и нередко только создавали помехи для ее работы [4, с. 23–54].

Высшим органом управления в потребительских обществах было общее собрание либо собрание уполномоченных. На общих собраниях решались самые насущные и важные вопросы хозяйственной и финансовой деятельности обществ. К исполнительным органам относились правления. На правление, как на исполнительный орган, возлагался широкий круг обязанностей, в том числе, что очень важно, решение кадровых вопросов; заключение от имени общества договоров и условий о поставках товаров для общества; снабжение доверенностями лиц, определяемых правлением на службу общества, не исключая и тех, которые назначались на такую службу общим собранием; совершение законных актов на приобретение и отчуждение недвижимости и т. д. Одним словом, правление распоряжалось всеми делами

и капиталами общества [4, с. 23]. Как отмечал В. Зельгейм, «правление – это правительство, исполнительная власть в кооперативе» [4, с. 23–54].

Ревизионные комиссии осуществляли контроль за хозяйственной и финансовой деятельностью кооперативов.

К служащим по найму относились приказчики, заведующие лавками, магазинами и складами, товароведы, счетоводы и кассиры, бухгалтера и конторщики и ряд других лиц, обслуживающих интересы обществ.

По своему социальному составу общества были неоднородны. Участие в их деятельности принимали чиновники, служащие, преподаватели, офицеры, студенты, рабочие и крестьяне.

Таким образом, можно сделать вывод, что в исследуемый период к должностным лицам потребительских обществ могли относиться служащие, наделенные на основании устава или договора распорядительными, административно-хозяйственными, а также контрольно-наблюдательными полномочиями и осуществляющие их как постоянно, так и временно, как по выбору, так и по найму.

Руководители избирались, а остальные служащие назначались на соответствующие должности, и с ними практиковались договорные отношения. Вся деятельность потребительских обществ осуществлялась на демократической основе. Но главное, что составляло душу кооперации, – это взаимное доверие. Основным лозунгом кооперации на протяжении всей ее истории был и остается лозунг «В единении – сила». Поэтому участники съезда в Киеве, поднимая вопрос об установлении уголовной ответственности должностных лиц кооперативов, имели в виду и необходимость определения видов злоупотребления доверием с их стороны и возможность быть субъектом этих преступлений.

Следует отметить, что Уложение о наказаниях не давало общего определения злоупотреблению доверием и «даже не выделяло это преступление с надлежащей ясностью из круга других преступлений» [8, с. 190]. Законодатель разместил статьи, которыми предусматривалась уголовная ответственность за злоупотребление доверием, в разных разделах и главах Уложения. По этому поводу И. И. Аносов писал: «Наше действующее право знает казуистические постановления о различных видах злоупотребления доверием, разбросанные по всему кодексу; в наибольшей связи стоят они, если судить по санкциям, с преступлениями мошенничества, присвоения и подлога» [1, с. 129]. При таких обстоятельствах дать точное определение общего понятия о преступлении – злоупотреблении доверием в имущественном отношении, по Уложению о наказаниях нет возможности. Можно определить это понятие только приблизительно, отмечал П. П. Пусторослев [8, с. 190]. Пользоваться же этим определением на практике он рекомендовал с осторожностью, каждый раз проверяя, насколько оно соответствует данному казуистическому постановлению Уложения о наказаниях относительно конкретного случая злоупотребления доверием в имущественном отношении [8, с. 190].

В контексте сказанного возникает вопрос: а могло ли распространяться действие уголовно-правовых норм о злоупотреблении доверием на служащих потребительской кооперации? В дореволюционной доктрине уголовного права этот вопрос исследовался ученым-юристом Н. Н. Полянским. Учитывая потребности кооператоров в уголовно-правовой защите их служебных интересов, о которых они заявляли на съезде в Киеве, он подверг анализу нормы о злоупотреблении доверием, расположенные в Уложении о наказаниях на предмет применения их к должностным лицам кооперативов [7, с. 1–14]. По его мнению, к служащим кооперативов могли бы быть применимы лишь ст. 1154, 1155, 1198 Уложения о наказаниях, но первые две относились только к кредитным установлениям, а последняя – только к торговым товариществам [7, с. 4]. С последним утверждением Н. Н. Полянского можно было бы и не согласиться. В статье 1198 говорилось, что «члены, основанных с дозволения правительства обществ, товариществ или компаний, которые с умыслом употребят ко вреду общества, товарищества

или компании данное им от них уполномочие или доверие, подвергаются за сие наказанию, определенному за мошенничество» [10, с. 756].

По смыслу этой статьи субъектом преступления могли быть члены основанных с дозволения правительства обществ. Какие же общества соответствовали этому велению законодателя? В уголовно-правовой литературе высказывалось мнение, что речь в данном случае шла только о торговых обществах, поскольку отделение IV Уложения, где находилась эта статья, называлось «О нарушении постановлений о торговых обществах, товариществах и компаниях» [1, с. 4]. Но ведь в России в исследуемый период существовали не только торговые общества, но и другие, не менее важные для страны, например, потребительские общества, которые тоже вели торговую деятельность и основывались только с дозволения правительства. Поэтому возможность быть субъектом этого преступления служащих потребительских обществ не должна была исключаться. Представляется, что в сферу действия ст. 1198 Уложения о наказаниях вполне попадали председатели и члены правлений, председатели и члены ревизионных комиссий, наблюдательных советов. Будучи выбранными на общих собраниях кооператоров, они должны были представлять интересы общества и осуществлять как внешнее управление его делами, так и внутреннее. Виновными в этом преступлении могли быть признаны и другие служащие потребительских обществ. Например, служащие по найму, заведующие лавками, магазинами и складами, приказчики. С ними руководители обществ заключали договоры, а в иных случаях выдавали и доверенности на право осуществления определенного рода деятельности, то есть, иначе говоря, возлагали на них полномочия, показывая тем самым доверие всех членов кооператива. И, безусловно, нельзя было относить к субъектам рассматриваемого преступления лиц, выполняющих в кооперативе только технические функции, таких как сторожей, разнорабочих, конюхов и т. д. На эту категорию работников не возлагались полномочия управленческого характера, и у них вообще не было никакой власти.

Но у теоретиков и практиков был другой подход к уголовно-правовой оценке деяний, подпадающих под признаки ст. 1198 Уложения о наказаниях. К субъектам этого преступления относили только представителей торговых обществ, служащие потребительских обществ оставались за рамками этого состава. Думается, что такая позиция была обусловлена тем, что в исследуемый период потребительские общества приравнивались к благотворительным учреждениям.

Исключением была ст. 1190 Уложения о наказаниях. Здесь субъектом преступления могли быть приказчики, которые, работая по найму в кооперативе, привлекались к ответственности за представление неверных отчетов правлению кооператива [7, с. 10].

Таким образом, можно сделать вывод, что в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных служащие кооперативов, в том числе и потребительных (потребительских) обществ, не рассматривались законодателем в качестве субъектов должностных преступлений. О потребительских обществах, как, впрочем, и в целом о кооперации, нигде в действующем уголовном законе не упоминалось.

Руководители кооперативов за совершение преступлений по должности привлекались к уголовной ответственности не за должностные преступления, а как частные лица, за общие: присвоение и растрату, мошенничество и др.

Считалось, что служащие кооперативов, так же как и служащие других частных учреждений, не могли быть приравнены к государственным служащим или служащим, отправляющим свои обязанности на общественной службе, в силу того, что они, находясь на частной службе, выполняли свои обязанности только в узких рамках, то есть в интересах данных обществ.

В силу казуистичности норм Уложения о наказаниях их трактовали нередко либо слишком широко, либо очень узко. В результате в некоторых случаях трудно было определить круг возможных субъектов, в том числе и вероятность быть в нем служащих потребительских обществ.

Безусловно, основным источником, движущей силой кооперации было взаимное доверие. Ведь кооперативы создавались на добровольной основе, исходя из кооперативных принципов, и все члены в них имели равные возможности. Кооператоры в своей деятельности доверяли друг другу, и в этом был залог их успеха. Поэтому злоупотребление доверием считалось, можно сказать, предательством кооперативных интересов. Отсюда и ставился вопрос о защите интересов кооперации специальными нормами об уголовной ответственности за злоупотребление доверием. Но в дореволюционном уголовном законодательстве он не был решен. Однако, как нам представляется, он не утратил своей актуальности и сегодня.

Литература

1. Аносов И. И. Злоупотребление доверием: монография. М.: Товарищество скоропечатня А. А. Левенсон, 1915.
2. Всероссийский съезд по кооперации (2; 1913; Киев). Постановления, принятые Всероссийским съездом по кооперации в г. Киеве, с 1-го по 7-е августа 1913 г. Киев: Тип. 2-й артели, 1913.
3. Елютин О. Кооперация в России – неостребованный опыт // Наука и жизнь. 2003. № 5.
4. Зельгейм В. Организация и практика потребительных обществ в России. 2-е изд. Всерос. Центр. союза потреб. общ. М., 1918.
5. Маргулиес М. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с постратейными выдержками из объяснительной записки и журналу Гос. Совета с подробными предметным и сравнительным указателями. СПб., 1904. VIII.
6. Полосин Н. В. Уголовно-правовая характеристика коммерческого подкупа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
7. Полянский Н. Н. Уголовная ответственность должностных лиц кооперативных товариществ. М.: Изд. Комитета сельских ссудосбер. и пром. тов-тв при М.О.С.Х. Типография Ф. Я. Пригорина, 1914.
8. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Особенная часть. Изд. 2-е, испр. и доп. Вып. 1. Юрьев: Тип. К. МАГТИСЕНА, 1913.
9. Слобожанин М. Смотр кооперативным силам. По печатным материалам и личным впечатлениям на 1-м Всероссийском съезде кооперативов. СПб., 1909.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Изд. 15-е, пересм. и доп. / под ред. Н. С. Таганцева. СПб., 1910.
11. Файн А. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002.
12. Фрометт Б. Служащие в потребительных обществах // Вестник кооперации. Кн. третья. СПб., 1911.
13. Черников О. А. Из истории Рыльского общества потребителей (1895–1919 гг.) // Курский край в истории Отечества: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 225-летию образования Курской губернии и 70-летию образования Курской области. Курск: МУ ИЦ «ЮМЭКС», 2004. Ч. 1.
14. Ширяев В. Н. Взятничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916.

УДК 343.2/.7

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мадина Муссаевна Долгиева, старший прокурор Уголовно-судебного управления прокуратуры Московской области, кандидат юридических наук

E-mail: novator111@mail.ru

В Российской Федерации посягательства, совершаемые с использованием криптовалюты либо совершаемые в сфере ее оборота, не имеют самостоятельного определения как объекта преступления и законодательно никак не определены. В отсутствие межотраслевых понятий криптовалюта и криптовалютной деятельности и в отсутствие соответствующих уголовно-правовых запретов правоприменители вынуждены квалифицировать такие негативные деяния по имеющимся в Особенной части УК РФ нормам. В статье рассматриваются общие признаки деяний, совершаемых в сфере оборота криптовалюты (цифровая природа, мотив, место совершения преступления), признаки субъекта преступлений, а также классификация указанных деяний, которые либо совершаются с использованием криптовалюты, либо совершаются в отношении криптовалюты как объекта или предмета посягательства.

Ключевые слова: криптовалюта; криптовалютная деятельность; уголовная ответственность за преступления, совершаемые в сфере оборота криптовалюты; криптовалютная преступность; криптовалюта как объект или предмет преступления; криптовалюта как средство совершения преступления.

SYSTEM OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF TURNOVER OF CRYPTOCURRENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Madina Mussaevna Dolgieva, senior prosecutor of criminal judicial control of Prosecutor's office of Moscow region, kandidat nauk, degree in Law

Encroachments committed with the use of cryptocurrency, or committed in the sphere of its turnover, do not have an independent definition as the object of the crime and are not legally defined in the Russian Federation. In the absence of cross-sectoral concepts of cryptocurrency and cryptocurrency activity and in the absence of relevant criminal law prohibitions, law enforcement officers are forced to qualify such negative acts according to the norms available in a Special part of the criminal code. The General features of the acts committed in the sphere of turnover of cryptocurrency (digital nature, motive, place of Commission of crime), signs of the subject of crimes, as well as the classification of these acts, which are either committed with the use of cryptocurrency, or committed against cryptocurrency as an object or subject of infringement.

Keywords: cryptocurrency; cryptocurrency activity; criminal liability for crimes committed in the sphere of turnover of cryptocurrency; cryptocurrency crime; cryptocurrency as an object or subject of crime; cryptocurrency as a means of committing a crime.

Повсеместное развитие информационных и финансовых технологий, глобализация и, как следствие, появление нового вида частных виртуальных денег – криптовалют обусловили смещение центра влияния государства в сфере регулирования денежного обращения. Соответственно, с появлением нового вида финансовых взаимоотношений ландшафт угроз обществу и государству в целом также эволюционировал, в связи с этим отечественный зако-

нодатель столкнулся с абсолютно разными подходами к регулированию криптовалют: от запретительных до абсолютно либеральных.

В рамках теории уголовного права посягательства, совершаемые с использованием криптовалюты либо совершаемые в сфере ее оборота, не имеют самостоятельного определения как объекта преступления. Также и законодательно такие деяния никак не определены, соответственно на данном этапе в рамках уголовного закона можно сказать, что криптовалютой преступности в России юридически не существует. Вместе с тем криптовалютная преступность настолько динамично развивается в мировых масштабах, в том числе и в России, что ее игнорирование само по себе является преступным.

Разгуду безнаказанности в сфере оборота криптовалюты способствует не столько отсутствие прямых уголовно-правовых запретов, сколько отсутствие межотраслевых понятий криптовалюты и криптовалютной деятельности. Представляется, что без первоначального законодательного определения таких понятий невозможно разработать и эффективные меры уголовно-правовой охраны криптовалютных отношений и полноценных мер ответственности за преступления с ее использованием.

Пока отечественный законодатель с невероятно медленной скоростью разворачивается лицом к криптовалюте, понимая, что уже половина молодого населения страны предпочитает виртуальное пространство и связанные с ним сопутствующие возможности, такие как инвестирование в криптовалюту, криминальные проявления набирают колоссальные обороты.

Безусловно, основная доля деяний в сфере оборота криптовалюты существует в сегменте информационной и экономической деятельности, что обуславливается характером криптовалютных отношений.

В настоящий момент мы можем говорить о том, что в мире зарождается новый вид преступности – криптовалютная преступность (криптопреступность). Соответственно в теории уголовного права должны найти отражение признаки, характеризующие этот вид преступности.

Однако в отсутствие доктринальных основ уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере оборота криптовалюты, и в отсутствие соответствующих уголовно-правовых запретов правоприменители вынуждены квалифицировать такие негативные деяния по имеющимся в Особенной части УК РФ нормам.

Таким образом, предметом исследования в данной статье будут являться нормы отечественного уголовного законодательства, применяемые к лицам за совершение преступлений в сфере оборота криптовалюты, для последующего обоснования нового вида преступности и теоретических основ уголовной ответственности за совершение таких преступлений.

В связи с этим автором предлагается в первую очередь определить место уже существующих норм, применяемых в судебной практике за деяния в сфере оборота криптовалюты, среди статей Особенной части УК РФ. Эти нормы содержатся в двух разделах УК РФ – преступления в сфере экономики и преступления против общественной безопасности и общественного порядка и непосредственно в главах о преступлениях против собственности, в сфере экономической деятельности, против общественной безопасности и в сфере компьютерной информации.

Несомненно, указанные преступления отличаются друг от друга по содержанию, однако при этом у них наличествуют общие ключевые признаки, позволяющие нам рассматривать их как часть единого целого.

В связи с этим автором в работе используется такой методологический способ научного (эмпирического уровня) познания, как классификация, – средство систематизации и упорядочения исследуемых норм в целях выявления общих закономерностей и соотнесения различных видов преступлений для определения их места в составе уголовного закона.

В теории уголовного права классификация как метод познания представляет собой распределение обширной и многообразной группы объектов на классы по определенным признакам в целях четкой систематизации уголовно-правовых норм и институтов; выделе-

ния определенных ценностей в качестве приоритетных с точки зрения защиты их уголовным законом; правильной последующей их квалификации; точной и справедливой индивидуализации наказания [2].

Под классификацией (категоризацией) преступлений следует понимать распределение их на группы по тем или иным признакам (критериям), позволяющим выделить существенные черты, присущие только определенным группам явлений [1, с. 155], к которым мы относим преступления, совершаемые в сфере оборота криптовалюты. Определяющие черты таких преступлений характеризуются, как правило, одинаковыми средствами и способами их совершения, однообразными посягательствами (в основном в отношении чужой собственности), а также общественной опасностью и ущербом.

Классификация преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, имеет большое значение для правильной законодательной оценки подобных деяний и определения степени их общественной опасности.

В России складывается та редкая ситуация, когда рынок криптовалют саморегулируется и саморазвивается, а правоохранительные органы вынуждены защищать права и интересы граждан от посягательств в сфере оборота криптовалюты на основании единичной судебной практики, исходя из имеющихся норм УК РФ.

Необходимо отметить, что правовой статус криптовалюты не определен на законодательном уровне, так же как и нет ее официального понятия в доктрине права. В настоящее время она не является ни имуществом, ни деньгами, ни товаром, однако все чаще криптовалюты становятся предметом преступных посягательств. Тревогу вызывает и повышенная латентность этих преступлений.

Таким образом, можно выделить три основных критерия отнесения преступлений к посягательствам, совершаемым в сфере оборота криптовалюты, присущих всем криминальным их проявлениям на сегодняшний день:

- 1) все анализируемые деяния, совершаемые в сфере оборота криптовалюты, имеют электронную (цифровую) природу, где криптовалюта, являясь неосязаемым объектом, выступает в качестве предмета или средства (способа) совершения преступления;
- 2) совершаются такие преступления всегда посредством функционирования виртуальных сетей;
- 3) мотивом совершения таких преступлений выступает имущественная или иная личная выгода.

Среди содержащихся в УК РФ составов преступлений на основании указанных критериев можно выделить две группы:

- преступления, которые совершаются с использованием криптовалюты;
- преступления, совершаемые в отношении криптовалюты.

К первой группе преступлений относятся общественно опасные деяния, в которых криптовалюта является средством совершения преступления, например, используется для совершения вымогательства либо как средство оплаты оружия, наркотиков, порнографии и т. д. К этой группе можно отнести ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ). Так, например, в 2016 г. профессиональные киберпреступники в Австрии для вымогательства криптовалюты осуществили проникновение в компьютерную сеть одной из гостиниц и заблокировали входные двери, расположенные в клиентских номерах. Администрация отеля приняла решение о необходимости ведения переговоров и выплате в адрес вымогателей выкупа в биткоинах. Аналогичным образом было осуществлено вымогательство в Агентстве общественного транспорта Сан-Франциско, за отказ оплатить сумму выкупа в 100 биткоинов были отключены автоматы по продаже проездных билетов и целый день метро возило пассажиров бесплатно. В 2015 г. был зарегистрирован факт осуществления

вымогательства биткоинов со стороны хакерской группы в Украине, осуществлявшей шантажирующие звонки в адрес российских компаний, в которых сообщалось о минировании коммерческих предприятий. В частности, для администрации торговой сети «Адамант» была названа сумма в 150 биткоинов за ненаступление для них негативных последствий*.

Посягательства, совершаемые в отношении криптовалют, – вторая группа – связаны преимущественно с хищением денежных средств, например, ст. 159–159.6 УК РФ (мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации), ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем), ст. 172.2 УК РФ (организация деятельности по привлечению денежных средств и/или иного имущества), ст. 185.3 УК РФ (манипулирование рынком), ст. 185.6 УК РФ (неправомерное использование инсайдерской информации), ст. 198, 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов), ст. 199.1 УК РФ (неисполнение обязанностей налогового агента), ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма).

Следует отметить, что преступления, совершаемые с использованием криптовалюты или в отношении криптовалюты, помимо того, что совершаются исключительно в сети Интернет, имеют еще одну общую черту: лица, их совершающие, посягают на регламентированный правовыми нормами порядок функционирования виртуального пространства и его безопасное использование. Общественные отношения, складывающиеся в сфере безопасного использования информационного пространства, являются дополнительным объектом любого посягательства в сфере оборота криптовалюты.

Любые криминальные проявления в отношении криптовалюты всегда происходят на основании корыстного мотива, установление которого обязательно для правильной квалификации содеянного. В других деяниях, совершаемых с использованием криптовалюты, корыстный мотив присутствует наряду с другими личными мотивами, которые установлены в качестве обязательных признаков составов преступлений (например, финансирование терроризма).

Мотив является основной движущей силой любого преступления, желание получить корыстную выгоду или удовлетворить какие-либо личные незаконные потребности предопределяет поведение виновного лица.

На основании мотивации криминальной деятельности анализируемые преступления можно разделить:

– на преступления, совершаемые в целях извлечения имущественной выгоды (ст. 159–159.6, 172.2, 174.1, 185.3, 185.6, 198, 199, 199.1 УК РФ);

– преступления, совершаемые по иным личным мотивам (ст. 205.1, 272, 273, 274 УК РФ).

Говоря о преступлениях, совершаемых с использованием криптовалют, представляется обоснованным обратить внимание на ст. 185.3 УК РФ (манипулирование рынком), ответственность по которой наступает за умышленное распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет), заведомо ложных сведений или за совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, или иные умышленные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком.

Несмотря на то, что в диспозиции данной нормы нет отсылки к криптовалютным рынкам, да и сама криптовалюта законодательно никак не определена, инвесторы нашли выход из сложившейся ситуации. С развитием криптовалютной торговли стали востребованными специальные финансовые инструменты – деривативы. Речь идет о средствах, позволяющих осуществлять торговлю активами косвенно, другими словами, продавать не сам актив (криптовалюту), а обязательства его передачи или единицу ценности, полученную на его

* Известные случаи вымогательства биткоинов. Часть II. URL: <https://xchange.cash/news/izvestnye-sluchai-vymogatelstva-bitkoinov-chast-ii.html> (дата обращения: 10.05.2018).

основе. Формирование ценности таких производных инструментов осуществляется на торговых площадках (биржах).

Совершенно очевидно, что возникает потребность в защите вкладчиков (частных инвесторов), которые перевели свои накопления в криптовалюту. Причем эти инструменты должны сохранять ценность активов в долгосрочной перспективе. Самым востребованным видом финансовых инструментов считается фьючерс, представляющий собой соглашение о предстоящей покупке криптовалюты по цене, определенной при заключении сделки. Такой контракт позволяет застраховаться на случай резкого скачка цен. Но покупателю в любом случае придется понести убытки, если цена виртуальных монет снизится. Однако лучше потерять часть сбережений, чем оказаться банкротом.

Отсутствием регулирования на криптовалютном рынке активно пользуются манипуляторы, которые с целью наживы сначала искусственно поднимают курс криптовалюты, а затем, после получения сверхприбыли, его обрушивают.

С одной стороны, применительно к России риска быть привлеченными к ответственности за манипуляции пока нет в силу отсутствия правового регулирования криптобирж и вообще отсутствия криптобирж, зарегистрированных в России. Инсайдерская информация на криптовалютном рынке работает так же, как и на обычном финансовом рынке, причиняя значительные убытки инвесторам в случае недобросовестности ее использования. Так, ярким примером манипулирования был обвал криптовалюты Ethereum на бирже GDAX 21 июня 2017 г., когда цена за криптовалюту «Эфир» опустилась до уровня 1 цента за монету*.

С другой стороны, действия по манипулированию криптовалютой можно рассматривать как способ совершения мошенничества.

Говоря о преступлениях, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, следует отметить, что незаконные действия могут быть совершены только лицом, обладающим специальными познаниями в области создания и использования криптовалют, их функционирования на основе децентрализованной сети, ICO, а также навыками работы в сети Интернет.

Таким образом, субъект преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, характерно отличается от субъектов иных преступлений.

В связи с указанными особенностями, преступления в сфере оборота криптовалюты можно разделить:

– на совершаемые лицами, обладающими как общими, так и специальными признаками субъекта преступления (ст. 159–159.6, 172.2, 185.3, 185.6 УК РФ);

– совершаемые общими субъектами преступления (ст. 174.1, 205.1, 272, 273 УК РФ).

подавляющее большинство преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, причиняют не только значительный материальный ущерб, но и посягают на личные данные, личную информацию и сведения о паролях, пин-кодах. Поэтому размер ущерба является одним из составообразующих признаков преступления. В связи с этим анализируемые преступления можно разделить:

– на материальные составы, когда преступление окончено с момента наступления указанных в законе последствий (ст. 159–159.6, 172.2, 185.3, 185.6, 272, 273 УК РФ);

– формальные составы, когда преступление окончено с момента совершения запрещенных в законе действий (ст. 174.1, 205.1 УК РФ).

При этом по признаку обязательности установления размера причиненного ущерба можно выделить:

– преступления, в которых определение размера ущерба не является обязательным для привлечения к уголовной ответственности (ст. 159–159.6, 174.1, 205.1, 272, 273 УК РФ);

---

* Опасный токен: от ICO до тюрьмы – один шаг. URL: <http://www.forbes.ru/kompanii/349049-opasnyy-token-ot-ico-do-tyurmy-odin-shag> (дата обращения: 10.05.2018).

– преступления, в качестве обязательного признака состава которых установлен крупный ущерб (ст. 172.2, 185.3, 185.6 УК РФ).

Предложенная автором классификация криминальных деяний создана на основе действующих норм УК РФ, которые, однако, требуют корректировок, связанных с расширением области правового регулирования криптовалютных отношений, с появлением новых видов деяний, причиняющих существенный вред и достаточно распространенных на современном этапе в экономической и финансовой сферах.

Рассмотренная классификация, безусловно, не может быть окончательной. На фоне масштабных экономических и финансовых негативных проявлений в сфере разрастающихся криптовалютной деятельности и отношений создание исчерпывающей классификации представляется затруднительным. В связи с этим обоснованным представляется определение в теории уголовного права понятия нового вида преступности – криптопреступности и присущих ей индивидуальных признаков.

Подводя итоги вышеизложенному, выделим основные черты, составляющие сущность анализируемых преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты.

1. Преступления, совершаемые в сфере оборота криптовалюты, исходя из своей природы, могут быть совершены только посредством использования виртуальных сетей.

2. Субъектами указанных преступлений практически всегда выступают лица, обладающие специальными познаниями в сфере компьютерных технологий и финансов.

3. Дополнительным объектом посягательства является безопасное функционирование виртуальных сетей.

4. Незаконная деятельность с криптовалютами имеет в первую очередь корыстный мотив и реже – иные личные мотивы.

5. Указанные преступления характеризуются повышенной общественной опасностью и латентностью, вследствие чего происходит подрыв нормальной экономической и инвестиционной деятельности общества и государства.

Очевидно, что преступность в сфере оборота криптовалюты помимо перечисленных признаков имеет еще ряд присущих только ей индивидуальных черт, таких как трансграничный характер ее совершения, существование ее вне времени и без привязки к каким-либо национальным валютам.

На основании изложенного автором определяется прикладное и общетеоретическое понятие преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты, как умышленные общественно опасные деяния, в которых криптовалюта выступает в качестве предмета или средства совершения преступления и которые нарушают установленный порядок экономической, финансовой и информационной деятельности.

Литература

1. Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография. М.: Юрид. изд-во МВД РФ, 2011.
2. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Городец, 2006.

УДК 343.3

ПОРЯДОК УПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Оксана Николаевна Рябченко, доцент кафедры Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: okt.wa@yandex.ru

В науке до сих пор не сложилось четкой концепционной позиции по вопросам общности мнений относительно проблемы объекта уголовно-правовой охраны гл. 32 УК РФ. В представленной статье автор попытается решить задачу правильного определения сущности и социально-правовой природы содержания объекта исследуемой группы преступлений. На основе множества представленных в научной литературе концепций сформулирован четкий вывод о том, что таким объектом выступает группа управленческих отношений, которые складываются между гражданами и органами власти по поводу реализации последними своих компетенционных полномочий.

Ключевые слова: управленческие отношения; порядок управления; объект преступления; причинение вреда объекту преступления.

THE ORDER OF MANAGEMENT AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Oksana Nikolaevna Ryabchenko, chair associate professor of the Udmurt State University, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

In science, there is still no clear conceptual position on the issues of common opinion on the problem of the object of criminal-legal protection of Chapter 32 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the presented article, the author will try to solve the problem of correctly determining the essence and socio-legal nature of the content of the object of the investigated group of crimes. On the basis of the set of concepts presented in the scientific literature, a clear conclusion is formulated that such an object is a group of managerial relations that are formed between citizens and authorities with regard to the exercise of their competence by the latter.

Keywords: management relations; the order of management; object of crime; causing harm to the object of the crime.

Наиболее значимой проблемой понимания и интерпретации преступлений против порядка управления можно считать проблему установления содержания родового объекта группы общественно опасных посягательств. В теории уголовного права вопрос о так называемой «вертикальной» классификации объектов преступлений вообще и о том, в частности, какой объект считать родовым, относится к разряду остро дискуссионных. Позволим себе без дополнительных аргументов присоединиться к тезису о том, что понятие родового объекта включает признаки, общие для объектов определенной группы преступлений, составы которых, как правило, закреплены в одной главе Особенной части УК РФ [9; 13, с. 212; 18, с. 54]. Как показывает историко-правовой анализ, у законодателя практически никогда не было четко сформулированной позиции на этот счет, свидетельством чему выступает весьма разнообразное и динамично меняющееся содержательное наполнение названной главы.

По-прежнему нет четких и ясных представлений по этому вопросу и среди практикующих юристов. Согласно проведенному нами опросу, 78 % респондентов испытывают затруднения

при понимании содержания порядка управления, 64 % высказали тезис о предпочтительности определения содержания данного объекта Пленумом Верховного Суда РФ*.

Наука также не демонстрирует единого подхода и серьезного внимания к решению проблемы. В конце 1970-х гг. П. П. Осипов справедливо констатировал, что сам вопрос о родовом объекте преступлений против порядка управления не был предметом глубоких научных исследований, дискуссии по этой проблеме не проводились на протяжении достаточно длительного периода времени, а авторы учебников по уголовному праву обходили молчанием эту тему [10, с. 398].

Положения, характеризующие содержание порядка управления как объекта преступлений, занимают в современных изданиях по уголовному праву несколько абзацев или страницу, не отличаются инновационным видением проблемы, во многом некритически воспроизводят известные ранее суждения.

Как следствие, можно констатировать, что определение объекта преступлений против порядка управления по-прежнему является нерешенной проблемой отечественной уголовно-правовой науки. Стремясь со своей стороны, по мере возможности, восполнить этот пробел и представить собственное видение содержания исследуемого объекта, для начала проведем мониторинг представленных в литературе научных позиций относительно порядка управления как объекта преступлений.

В современной науке уголовного права различают две области научных дискуссий: первая – об объекте преступлений против порядка управления и посягательств вообще, а вторая – о содержании порядка управления как о родовом объекте группы рассматриваемых преступлений.

В первом случае в основном говорят о том, что есть группа преступных посягательств, в которой присутствует в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны категория «порядок управления». Следует отметить при этом, что непростая история криминализации преступлений против порядка управления и достаточно противоречивый опыт их структурного обособления содействовали формированию подхода, при котором термин «порядок управления» используется для иносказательного определения отношений, поставленных под охрану в главе о должностных преступлениях.

Первая распространенная концепция заключается в том, что объект преступлений против порядка управления по своему содержанию не отличается от объекта должностных преступлений и представляет собой отношения, складывающиеся в сфере осуществления государственной и муниципальной власти. Одним из первых совершенно определенно на этот счет высказался В. Д. Меньшагин. Ученый утверждал, что объект рассматриваемой группы преступлений очень похож на объект должностных преступлений; поэтому в тех случаях, когда посягательства на правильное функционирование (деятельность) государственного аппарата совершаются должностными лицами, использующими свое служебное положение, такую группу преступлений следует рассматривать как должностное преступление [28]. Поэтому правило прямого разграничения преступлений против порядка управления и должностных преступлений должно рассматриваться не с позиции объекта, а со стороны субъекта преступления (курсив наш – О.Р.). Тогда, в случае, когда частные лица нарушают правильную деятельность государственного аппарата, имеет место преступление против порядка управления; а в тех случаях, когда такое посягательство исходит от должностных лиц и прямо связано с использованием служебного положения должностного лица, то налицо должностное преступление [28].

* В опросе приняли участие 320 чел., в том числе 68 прокуроров, поддерживающих государственное обвинение в судах, 169 судей, специализирующихся на рассмотрении уголовных и административных дел, 83 преподавателя уголовного права и криминологии (опрос проводился с декабря 2017 по апрель 2018 г. в Москве, Ижевске, Казани).

Той же позиции придерживался и В. Ф. Кириченко. Анализируя в середине 50-х гг. XX столетия объект должностных преступлений, он указывал, что объектом выступают только такие общественные отношения, которые составляют содержание нормальной деятельности, т. е. соответствующей интересам коммунистического строительства, работы государственного аппарата по управлению Советским государством и социалистическим хозяйством [8, с. 17]. В этом автор солидаризировался с теорией Б. С. Утевского, согласно которой преступления должностных лиц есть преступления против интересов управления государством и народным хозяйством [35].

Позже, анализируя фактические управленческие преступления, В. Ф. Кириченко отметил, что посягательства на обычную деятельность советского государственного аппарата, которые совершаются должностными лицами, использующими свое официальное положение, рассматриваются советским уголовным законодательством как должностные преступления, такие же посягательства, совершенные не должностными лицами, а другими субъектами, представляют собой преступления против порядка управления. Поэтому преступные посягательства на одни и те же общественные отношения разделяются законодателем на две большие группы на основе специальных признаков, относящихся к характеристикам субъектов соответствующих преступлений [17, с. 3].

Вполне очевидно, что преступления против порядка управления лишаются качественной специфики, а характеристика их социальной направленности и общественной опасности отождествляется с характеристикой должностных преступлений. Это могло быть отчасти объяснено содержанием главы уголовного закона, который действовал в середине прошлого столетия, но не может быть признано приемлемым сегодня. С теоретической точки зрения такой подход входит в противоречие с распространенным в теории уголовного права убеждением, что главы Особенной части уголовного закона группируют посягательства именно по признаку общности объекта преступления.

Необходимо признать, что концепция В. Д. Меньшагина и В. Ф. Кириченко подвергалась критике и их современниками. В частности, Г. Ф. Поленов отмечал, что объект должностных преступлений намного шире объекта преступлений против порядка управления, последний выходит за рамки управленческих отношений, т. е. отношений, ограниченных сферой управления. В должностных проступках управленческие общественные отношения действуют только как неотъемлемая часть их общего объекта, то есть часть нормальной деятельности государственного аппарата. Поэтому в случае совершения должностных преступлений ущерб причиняется общественным отношениям в сфере государственного управления, здесь они также отличаются от преступлений против порядка управления, поскольку совершаются не частными, а должностными лицами [16, с. 9].

Однако при внешней критической направленности этой оценки точка зрения Г. Ф. Поленова содержит мало принципиальных отличий от оспариваемой концепции, поскольку, позиционируя объект преступлений против порядка управления как часть более широкого объекта должностных преступлений, автор все так же лишает управленческие отношения качественного своеобразия.

Необходимость четкого разграничения объектов должностных и управленческих преступлений, которая диктовалась соображениями научной классификации преступлений, систематизацией норм уголовного законодательства, заставляла специалистов искать и аргументировать иные подходы к определению сущности преступлений против порядка управления.

Выход из ситуации был найден в обосновании необходимости различать содержательную и формальную сторону процесса управления. Еще Б. С. Утевский предложил различать управление государством как деятельность должностных лиц и порядок управления как определенные общественные отношения, установленные в государстве [35]. Не углубляясь в обсуждение вопроса о справедливости противопоставления деятельности и общественных отношений,

обратим внимание на существенные особенности этой позиции: управление как деятельность отражает его содержательную сторону, управление как порядок – форму ее организации.

Эта идея была воспринята иными специалистами. Спустя тридцать лет после публикации Б. С. Утевского, П. П. Осипов писал, что нормальная деятельность и функционирование органов управления могут быть нарушены посягательством на различные, в том числе не связанные с управлением, отношения, поэтому необходимо различать отношения, возникающие в сфере управления, и само управление. Родовой объект преступлений рассматриваемой группы может быть признан не как «социальное управление», а в качестве определенной области управленческих отношений [10, с. 406].

Область управленческих отношений как внешняя форма выражения деятельности государственного аппарата вполне обособлена от других видов общественных отношений, возникающих в связи с детальным функционированием государственного аппарата, и была впоследствии включена в структуру объекта преступлений против порядка управления.

П. П. Осипов определил особенности рассматриваемых отношений, в частности то, что характерной чертой управленческих отношений является администрирование, т. е. субординационность. Один субъект занимает главенствующее положение и обладает функциями распорядителя, а другой субъект исполняет и подчиняется воле властвующего над ним. Управленческие отношения диктуют строгое соблюдение исполнителями законов, распоряжений и постановлений, в том числе основанных на них требований компетентных органов и их представителей.

Несмотря на то, что, согласно субъектному составу, рассматриваемые отношения подразделяются на несколько групп, но для целей исследования имеет значение только одна группа отношений – отношения между органами управления и гражданами [10, с. 397–398, 406].

Такой подход в наши дни к пониманию объекта преступлений против порядка управления можно считать наиболее распространенным. Его развернутую современную интерпретацию весьма подробно формулирует А. В. Лобанова. Она указывает, что категорию «управление», применительно к положениям гл. 32 УК РФ, следует понимать как управленческую деятельность различных ветвей публичной власти, за исключением судебной власти. Однако в процессе управленческой деятельности непременно возникают социальные связи в виде отношений двоякого рода. В первом случае отношения возникают между государственными и муниципальными органами, а также другими организациями, указанными в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, с одной стороны, и должностными лицами этих органов и организаций, государственными служащими, служащими органов местного самоуправления, с другой стороны.

Причем А. В. Лобанова подчеркивает, что отношения, направленные на обеспечение соответствия оснований для возникновения и использования указанными лицами властных полномочий Конституции РФ и других законов, защищены и охраняются положениями гл. 30 УК РФ, а в объект гл. 32 УК РФ включены урегулированные нормами уголовного права отношения второго рода, они складываются между государством в целом, государственными или муниципальными органами, а также их представителями, с одной стороны, и управляемыми ими гражданами – с другой. В своей совокупности такие отношения образуют систему правоотношений, при которой происходит взаимодействие между управляющими субъектами и подвластными лицами. Автор подчеркивает, что отношения обладают ключевыми признаками в виде проявления должного уважения подвластных лиц к носителям, атрибутам и символам государственной власти, а также таким признаком, как беспрекословное подчинение граждан законным требованиям органов и представителей государственной власти, в том числе наличием необходимых «условий для безопасного осуществления властвующими своих управленческих функций, а равно соблюдением установленных законом форм реализации гражданами прав и законных интересов» [12, с. 102].

Такое понимание сущности и содержания объекта преступлений против порядка управления представляется наиболее убедительным и для большинства опрошенных нами практикующих юристов (78%). Показательно, что 15% респондентов не смогли определиться с оценкой рассматриваемой концепции и только 7% признали ее неубедительной.

Понимание объекта преступлений против порядка управления через призму отношений, которые складываются между управленцами, т. е. представителями государства, и управляемыми, т. е. частными лицами, представлено сегодня в значительной части научных работ и учебных пособий [22, с. 68–84]. Большинство специалистов считают, что к объектам преступлений против порядка управления относится группа отношений между, с одной стороны, субъектами в лице государства, органов власти и управления и, с другой стороны, гражданами по поводу осуществления первыми социального управления, как правило, выраженного через строгую иерархию отношений «власть – подчинение», где имеют место распорядительные и административные функции, а также властность управляющего субъекта над управляемыми гражданами, где возникает дисциплинированность вторых [11, с. 208; 14, с. 6; 29, с. 37; 30, с. 665].

Некоторыми авторами порядок управления понимается как совокупность правил, реализующих и закрепляющих устройство, порядок и компетенцию деятельности органов государственной власти (и управления), в их отношениях между собой и гражданами [4, с. 5].

Однако понимание порядка управления через свод нормативных правил, восходящих к пониманию объекта преступления как правовой нормы, не получило поддержки и распространения в отечественной уголовной науке [15, с. 9; 18, с. 40–41; 22, с. 68–84]. Подчеркнем, что такая трактовка порядка управления не находит поддержки и у современного правоприемителя: согласно проведенному опросу, ее допустили лишь 12% респондентов.

Другая точка зрения считается наиболее распространенной, ее поддерживают 57% принявших участие в опросе практикующих юристов. Приверженцы этой концепции отождествляют порядок управления с «нормальной», «правильной» деятельностью, регламентированной Конституцией РФ и нормативными актами государственного аппарата [20, с. 652; 32, с. 230; 33]. Попытаемся проанализировать этот подход в критическом ключе, обратив внимание на несколько существенных моментов.

Считаем целесообразным указать на недопустимость использования прилагательных «правильный» и «нормальный» для качественной характеристики деятельности органов государственного управления как объекта рассматриваемой группы преступлений. Является вполне очевидным, что если добавить указание на качественные характеристики деятельности органов управления в содержание объекта преступлений против порядка управления, мы поставим себя перед закономерной необходимостью постоянно доказывать, что преступным посягательством на охраняемые управленческие отношения нарушен именно «правильный» и «нормальный» характер деятельности. В этом случае, квалифицируя деяние, судебные органы будут вынуждены давать качественную оценку деятельности органов государственного аппарата, а это явно выходит за рамки предоставленных суду полномочий. Тем более, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» Верховный Суд как высшая судебная инстанция отказался от использования *оценочных признаков* при формулировании объекта должностных преступлений, указав только, что деяния должностных лиц «посягают на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность» государственных органов и иных официальных структур власти.

Также считаем целесообразным уточнить круг субъектов управления, которые охраняются нормами гл. 32 УК РФ. Примечательно, что в юридической литературе часто встречаются высказывания о том, что гл. 32 УК РФ охраняет порядок государственного управления [7, с. 39; 20, с. 652] либо государственного и муниципального управления [11, с. 208; 34]. Некоторые специалисты в дискуссии о характеристике объекта преступлений против порядка управления

сужают спектр субъектов управленческой деятельности до органов исполнительной власти, предлагая даже переименовать соответствующим образом гл. 32 УК РФ [1, с. 65; 31, с. 659], тогда как другие специалисты, наоборот, включают в объект и негосударственные субъекты управления, такие как общественные объединения, учреждения и др. [16, с. 8; 21, с. 10].

Специалисты различают государственное управление в широком и узком смысле. В широком смысле под государственным управлением понимается деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, общественных, иных государственных и негосударственных организаций, уполномоченных на осуществление государственно-властных функций. При таком понимании функция государственного управления находится в компетенции, то есть в определении целей и планировании деятельности органов, в организации работы, в координации и стимулировании деятельности исполнителей, в учете и контроле за исполнением [2; 6].

В узком смысле понятие государственного управления является исполнительной и административной деятельностью, которая имеет функциональную и компетентностную специфику, что отличает ее от других видов (форм) осуществления государственной власти.

Отдельные авторы определяют государственное управление, осуществляемое исполнительными органами власти, как государственно-административное (или административное) управление, тем самым отграничивая от государственного управления в широком смысле [5; 3].

Обращение к мнению практикующих юристов показало, что подавляющая их часть (86 % респондентов) усматривает в управлении деятельность государственных и муниципальных структур, 10 % – только государственных органов, и лишь 4 % склонны допустить наличие в объекте преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ, управляющей деятельности общественных организаций.

Для поставленной цели характеристики объекта преступлений против порядка управления решение вопроса о субъектах управленческой деятельности является вполне принципиальным, так как оно напрямую связано с двумя ключевыми чертами российской правовой системы: *организацией государственной власти и исходным пониманием признака противоправности преступления.*

Содержание основ конституционного строя России изложено в гл. 1 Конституции РФ. Признавая единственным источником власти в стране народ, Конституция РФ в ст. 3 закрепляет тезис о том, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через систему органов государственной власти и органы местного самоуправления; ст. 10 Конституции РФ закрепляет, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную; ст. 12 Конституции РФ исключает органы местного самоуправления из системы органов государственной власти; ст. 13 и 14 Конституции РФ определяют, что общественные и религиозные объединения отделены от политики и практики управления [22, с. 68–84]. Поэтому, исходя из предписаний Основного закона, принято различать самоуправление народа через референдум и систему органов местного самоуправления и «внешнее» управление народом через систему созданных им же органов государственной власти; управление в масштабах определенной территории (субъект Федерации и муниципальное образование) и управление внутри общественных объединений. Отсюда следует, что государственное управление рассматривается только как деятельность органов государственной власти, причем всех ее ветвей – законодательной, исполнительной и судебной, в масштабах страны в целом или субъекта Федерации.

Однако при таком подходе к рассматриваемой группе преступлений достаточно солидный блок управленческих отношений в сфере реализации муниципального уровня власти останется без надлежащей правовой охраны, что считаем недопустимым. По этой причине муниципальное управление должно быть включено в содержание объекта преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ.

Раздел X Уголовного Кодекса Российской Федерации содержит внутреннее противоречие, когда провозглашает охрану *государственной власти* и в гл. 30 УК РФ ставит под охрану отношения не только в сфере реализации государственной власти и службы, но и в области муниципальной службы. Поэтому для правильного толкования и применения норм об уголовной ответственности за преступления рассматриваемой группы, а также для упорядочения исходной ситуации необходимо и представляется вполне оправданным распространить понятие «*порядок управления*» на отношения в области и государственного, и муниципального управления и изменить название разд. X Уголовного Кодекса Российской Федерации на «Преступления против государственной и муниципальной власти».

В плане установления истины в содержании объекта преступлений против порядка управления, с нашей точки зрения, наиболее перспективными научными концепциями по-прежнему считаются те, в которых полностью не отождествляются понятия «порядок управления» и «родовой объект преступлений гл. 32 УК РФ». Некоторые специалисты используют при этом категорию «общественные отношения». А. Р. Саруханян указывает в своих работах, что нормальная управленческая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления не отражает всего содержания конкретного объекта преступлений против порядка управления в связи с тем, что видовой объект посягательств гл. 32 УК РФ определяется автором как совокупность общественных отношений, обеспечивающих законное установление и регулирование государством порядка в сфере осуществления управления [26, с. 14–15]. По тому же пути идут Л. А. Прохоров и М. С. Жук, они пишут, что общественные отношения в сфере обеспечения законной деятельности являются видовым объектом преступлений против порядка управления и эта группа общественных отношений находится в сфере осуществления управленческих функций федеральными и региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления [19, с. 774]. Здесь объектом преступлений являются *обеспечительные отношения*, возникающие по поводу порядка управления; в данном случае сам порядок управления понимается как некое правовое благо. При этом, структура этих отношений раскрывается через их описание, в данном случае через возникающие между субъектами связи в виде возможностей и конкретной деятельности, и отдельных предметов управленческой деятельности, по поводу которых возникают эти связи или которые демонстрируют эту связь.

В содержательном отношении близкий подход содержат работы юристов, опирающихся на категорию «организационная система управления» в установлении содержания объекта преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ. Как пишут Б. Ш. Сандамиров и А. А. Розикзада, к видовым объектом преступлений против порядка управления относится организационная система управления, обеспечивающая функционирование исполнительной власти [25, с. 105].

Тот же подход использовался нами в предыдущих работах, посвященных анализу преступлений, связанных с посягательством на предметы управленческой деятельности. Следуя теории государственного управления, в рамках организационной системы (структуры) государственного управления (далее – ОСГУ) нами было предложено понимать особый государственно-правовой феномен, который формирует аппарат государственной власти и реализуется посредством отношений «власть – подчинение», обусловленных социально-политическим характером, социально-функциональной ролью, целями и содержанием государственного управления в обществе.

Первым крупным составляющим элементом ОСГУ являются субъекты управления – органы государственной власти, к ним относятся сотрудники правоохранительных и надзорных органов, на них возложены функции борьбы с правонарушениями и обеспечения законности; а также должностные лица, осуществляющие законодательную и исполнительную власть, органы местного самоуправления, наделенные административными полномочиями (представители органов власти) в порядке, установленном законом.

Вторым основополагающим признаком ОСГУ является *властность отношений*, которая характеризуется через *легитимность власти, отражающей активный, государственный и юридически-властный характер указанных субъектов; осуществляют функции и полномочия, которые выражаются в сознательных и бессознательных действиях.*

Третий элемент – это *организационные ресурсы.* Этот элемент, как и первые два элемента ОСГУ, имеет сложную структуру. В Уголовном кодексе РФ отражена только его часть, а именно *предметы, через которые обеспечивается система управления и реализация отношений «власть – подчинение»* [23, с. 155–159; 24, с. 15–31].

Изучение проблемы и ее анализ показывают, что между концепциями «управление – это отношение» и «управление – это организационная система» отсутствуют принципиальные расхождения. На основе применения системно-структурного метода, как в первом, так и во втором случае, раскрываются внутренние особенности тех подчиненных (субординационных) связей, которые возникают между государственной и муниципальной властью и гражданами. Таким образом, *организационная система управления вполне может быть определена как общественные отношения, обеспечивающие надлежащее функционирование государственных органов.*

Одной из первостепенных особенностей управленческих связей между гражданами и субъектами управления является специфический статус органов государственной и муниципальной власти. Органы государственной и муниципальной власти созданы и функционируют на основе нормативных правовых актов. Эти акты воплощают суверенную волю народа. Такие органы, уже в силу суверенитета самого государства, наделены по отношению к населению определенными авторитетными полномочиями (и в этом отношении подчиняют себе деятельность граждан). Именно поэтому в соответствии с положениями гл. 32 УК РФ поставлены под охрану отношения между уже функционирующими руководящими органами и гражданами по поводу исполнения этими органами своих полномочий.

Иерархия, властность и субординация, основанные на признании авторитета и легитимности системы государственного управления, – именно эти ключевые характеристики должны быть свойственны отношениям между государственным аппаратом и гражданами, и именно эти отношения должны подлежать уголовно-правовой охране в качестве самостоятельного объекта преступлений против порядка управления. Охрана этих свойств властно-распорядительной деятельности государственных и муниципальных органов – главное предназначение норм гл. 32 УК РФ.

Такая особенность имеет правовую основу, где возможности государственного и муниципального управления предопределены через суверенитет Российской Федерации (ст. 3, 4 Конституции РФ), независимость государственных органов (ст. 10 Конституции РФ), а органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ).

Также обязательность управленческих решений подтверждается в ряде специальных законов, которые непосредственно определяют статус и полномочия органов: на федеральном уровне провозглашается, что постановления и распоряжения Правительства РФ обязательны к исполнению в Российской Федерации; требования (запросы, представления, предписания) уполномоченных должностных лиц полиции, заявленные в пределах ее полномочий, обязательны для исполнения всеми государственными и муниципальными органами, организациями, должностными лицами и иными лицами; постановления по делу об административном правонарушении общеобязательны для исполнения; обязательны к исполнению требования прокурора, сотрудников Следственного комитета, решения и предписания антимонопольного органа, решения и требования должностных лиц органов государственного земельного надзора, работников ведомственной охраны, должностных лиц контрольно-счетных органов, Банка России, таможенных органов и их должностных лиц и др.

Эти предписания соответствуют общим принципам организации и деятельности государственной и муниципальной службы, призванной гарантировать надлежащее исполнение субъектами управления их служебных и профессиональных обязанностей. Такие принципы устанавливаются в ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Это единство правовых и организационных основ гражданской службы, взаимосвязь отношений между государственной службой и муниципальной службой, защита гражданских служащих от чрезмерного вмешательства в их профессиональную деятельность государственных органов и должностных лиц, а также физических и юридических лиц. Принципы государственной гражданской службы, определенные в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной службе Российской Федерации», также включают, помимо прочего, требования к стабильности государственной службы и защиту гражданских служащих от чрезмерного вмешательства в их профессиональную деятельность. Принципы стабильности службы, правовой и социальной защиты работников являются отправной точкой для организации муниципальной службы (ст. 4 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»).

Представленные нормативные акты говорят о независимом характере государственного и муниципального управления, что не только подтверждает обязательность исполнения постановлений, законных требований и распоряжений органов власти и управления, но также демонстрирует правовую защиту системы управления от несанкционированных внешних воздействий, тем самым подтверждая ее высокий статус и авторитет. Вот почему эти ценности следует использовать в качестве основы для определения объекта преступлений против порядка управления.

Некоторые специалисты подтверждают выдвинутый нами тезис. Так, по мнению Е. А. Сухарева, к преступлениям данной группы относятся только такие посягательства, которые нарушают обычную деятельность государственного аппарата или общественных организаций при активном воспрепятствовании должностным лицам или представителям общественности по выполнению последними возложенных на них обязанностей или при совершении других действий, ослабивших авторитет власти [34, с. 349].

Б. Я. Яценко также считает, что преступления против порядка управления противодействуют нормальной управленческой деятельности государственных и муниципальных органов власти, в том числе ослабляют авторитет государственных органов, наносят ущерб интересам граждан [27, с. 447].

По мнению Н. К. Рудый, преступления против порядка управления являются деяния, связанные с насильственными действиями в отношении властей, с противодействием их деятельности, несоблюдением законов или других нормативных правовых актов, тем самым наносящие ущерб порядку государственного управления [21, с. 10].

Таким образом, вполне обоснован тезис о том, что преступления против порядка управления противодействуют работе государственных органов и подрывают их авторитет. Это нашло поддержку у 93 % респондентов.

Руководствуясь вышесказанным, считаем целесообразным внести разъяснения в существующую систему научных знаний об объекте преступлений против порядка управления: *в объект включены общественные отношения, которые формируются между гражданами и государственными и муниципальными органами (включая представителей этих органов) в процессе управленческой деятельности последних. Ключевая характеристика сущности этих управленческих отношений как системы взаимодействия людей по вопросам организации их совместной жизни состоит в строгой субординации общественных отношений, которые предполагают авторитет управленческого аппарата и подчинение этой власти.*

В качестве итога отметим, что механизм причинения вреда управленческим отношениям может состоять в таком поведении подчиненного и обязанного субъекта отношения, которым:

– осуществляется вредное физическое или психическое воздействие на представителей властвующего субъекта – уполномоченной стороны (государственных и муниципальных служащих);

– осуществляется воздействие на предметы материального мира (то есть такие предметы управленческой деятельности, которые имеют символический смысл);

– нарушаются субординационные связи отношений «власть – подчинение» путем невыполнения возложенных обязанностей или изменения социального статуса [19, с. 157–164].

Литература

1. Аббасов Ф. Н., Агаев Г. А. Пути совершенствования отдельных норм гл. 32 Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за преступления против порядка управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2 (46).
2. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. М.: Омега-Л, 2006.
3. Василенко И. А. Государственное и муниципальное управление: учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012.
4. Владимирова В. А., Ляпунов Ю. И. Преступления против порядка управления. М.: Юрид. лит., 1966.
5. Глазунова Н. И. Государственное и муниципальное (административное) управление: учебник. М.: Проспект, 2006.
6. Горбухов В. А. Основы социального управления: учеб. пособие. М.: Форум, 2009.
7. Егиазарян Н. А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование). М.: Контракт, 2013.
8. Кириченко В. Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (общие вопросы). М.: АН СССР, 1956.
9. Коржанский Н. И. Объект преступления // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 4. Состав преступления / под ред. В. Б. Малинина. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005.
10. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4 / Н. А. Беляев [и др.]; отв. ред. Н. А. Беляев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
11. Курс уголовного права. Особенная часть: учебник. Т. 5. / под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002.
12. Лобанова Л. В. Порядок управления как объект уголовно-правовой охраны и классификация преступлений, на него посягающих // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. № 1 (16).
13. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления: в 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград: ВА МВД России, 2010.
14. Морозов В. И., Скутин С. Л., Сумачев А. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 1999.
15. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. М.: Норма, 2001.
16. Поленов Г. Ф. Ответственность за преступления против управления. М.: Юрид. лит., 1966.
17. Преступления против порядка управления: учеб. пособие / Л. И. Блинова [и др.]; гл. ред. В. Ф. Кириченко. М.: ВШ МВД СССР, 1970.
18. Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: лекции. М.: Юрлитинформ, 2009.
19. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015.
20. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. Э. Ф. Побегалло. М.: Илекса, 2008.
21. Рудый Н. К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
22. Рябченко О. Н. К вопросу о содержании порядка управления как объекта преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 4. URL: http://e-notabene.ru/pm/article_18017.html
23. Рябченко О. Н. О проблеме определения объекта преступных посягательств гл. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. 2012. № 2 (ч. 1).
24. Рябченко О. Н. Уголовно-правовое обеспечение предметов управленческой деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
25. Сандамиров Б. Ш., Розикзада А. А. Правовые аспекты борьбы с преступлениями против порядка управления // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2009. № 5.
26. Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь: СКГИ; РПА МЮ РФ, 2003.
27. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. М.: БЕК, 1997.

28. Советское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. Д. Меньшагина. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1958.
29. Сурков И. К., Мотин О. А. Самоуправство: уголовно-правовой анализ. Самара: Самар. гуманит. акад., 2007.
30. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998.
31. Уголовное право России: практический курс: учеб-практ. пособие / под общ. ред. Р. А. Адельханяна; под науч. ред. А. В. Наумова. М.: Волтерс Клувер, 2004.
32. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М.: Норма, 1998.
33. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015.
34. Уголовное право. Часть Особенная: учебник / под ред. М. И. Ковалева, М. В. Ефимова, Е. А. Фролова. М.: Юрид. лит., 1969.
35. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948.

УДК 343.7

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ИНОГО ИМУЩЕСТВА» КАК ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 174¹ УК РФ

Максим Валерьевич Лупыр, адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: urmax@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению категории «иное имущество» как предмета преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ. Автор под предметом легализации (отмывания) понимает имущество, которое получено в результате совершения такого предикатного преступления, результатом которого не является приобретение права на имущество. Таким образом, раскрывая особенности приобретения права собственности на отдельные объекты гражданских прав, включенных в категорию «иное имущество», автор приходит к выводу о необходимости их исключения из ст. 174¹ УК РФ как предмета преступления.

Ключевые слова: предмет легализации; недвижимое имущество; имущественные права; документарные, бездокументарные ценные бумаги; право собственности.

THE PROBLEMS OF DETERMINING «OTHER PROPERTY» AS A CRIME SUBJECT TO ARTICLE 174¹ OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA FEDERATION

Maksim Valerievich Lupyr, post graduate of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The article is devoted to the consideration of the category of «other property» as the crime subject of art. 174¹ of the Criminal Code. The author believes that the subject of legalization (laundering) is property that is obtained as a result of the commission of such a predicate offense, the result of which is not the acquisition of the right to property. The author reveals the features of objects of civil rights included in the category of «other property», namely: real estate, right to thing, certificated and non-certificated securities. Since the listed types of property have a special order for the acquisition of ownership rights on them, the author comes to the conclusion that they must be excluded from art. 174¹ of the Criminal Code.

Keywords: subject of legalization; real estate; right to thing; certificated and non-certificated securities; right of property.

В статье 174¹ УК РФ предметом легализации (отмывания) являются денежные средства или иное имущество. Наиболее дискуссионным вопросом при анализе предмета рассматриваемого преступления является значение категории «иное имущество», под которым понимается движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления (например, объект недвижимости, построенный из стройматериалов, приобретенных преступным путем) [3].

Как мы видим, в значение термина «иное имущество» включено большинство имеющих доступный способ обращения в гражданском обороте объектов гражданских прав, предусмотренных ст. 128 ГК РФ. С точки зрения международного законодательства включение в предмет рассматриваемого преступления как можно большего числа объектов гражданских правоотношений является наиболее верным решением [1; 2]. Однако при детальном анализе категории «иное имущество» возникает вопрос о возможности легализации (отмывании) некоторых объектов гражданских прав.

На наш взгляд, противоречие в предмете легализации (отмывания) возникает между имуществом, в отношении которого законом установлен специальный правовой режим его обращения в гражданском обороте, и самой целью легализации, которая заключается в придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно приобретенным имуществом.

Поскольку цель ст. 174¹ УК РФ полностью копирует положение п. 1 ст. 209 ГК РФ, то из этого следует, что легализация направлена на приобретение права собственности. В связи с этим предметом рассматриваемого преступления может выступать только имущество, полученное в результате совершения такого предикатного преступления, результатом которого не является приобретение права на имущество. Рассмотрим некоторые виды имущества, которые, на наш взгляд, следует исключить из предмета ст. 174¹ УК РФ.

Так, одним из таких видов имущества является недвижимость, которая представляет собой наибольшую ценность как для отдельного человека, так и для общества в целом, поэтому законодатель уделяет особое внимание правовому регулированию отношений, возникающих по поводу недвижимых вещей, в том числе праву собственности на объекты недвижимого имущества [10, с. 29]. Согласно ч. 1 ст. 131 ГК РФ, право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничение этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней.

В связи с тем, что в отношении недвижимого имущества установлен особый правовой режим приобретения права собственности, данный вид имущества является предметом отдельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за хищение, и других уголовно наказуемых деяний, посредством которых приобретается право на имущество. Такие преступления имеют целью приобретение правомочия распоряжения, что равнозначно праву собственности, поскольку оно неотделимо от него и является самым значимым правомочием. Таким образом, лицо, приобретшее право распоряжения на недвижимое имущество либо на имущество, в отношении которого предусмотрен особый порядок приобретения права собственности, фактически приобретает абсолютное имущественное право собственника. В связи с этим, получив юридическую возможность распоряжаться преступно приобретенным имуществом, лицо способно его отчуждать, то есть, как обозначено в теории гражданского права, определять юридическую судьбу.

Из приведенных рассуждений проблема видится в том, что к категории «иное имущество» были одновременно отнесены недвижимое имущество и имущественные права. Похитить недвижимое имущество отдельно от права на него невозможно: во-первых, потому что его нельзя переместить без причинения несоразмерного ущерба его назначению; во-вторых, потому что право на владение, пользование и распоряжение имеется только у лица, получившего его в соответствии со специально установленным порядком и имеющего документальное подтверждение своего права. В связи с этим завладеть недвижимым имуществом возможно лишь путем приобретения права на него, и только после этого может появиться право распорядиться им или совершить иные действия. Приобретение одного из таких правомочий, как владение, пользование или распоряжение недвижимым имуществом, не предоставляет в дальнейшем возможности приобрести на него, т. е. легализовать (отмыть), иные вещные права. Таким образом, мы еще раз приходим к выводу о том, что недвижимое имущество не способно быть предметом легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления. Поэтому, в связи с особыми свойствами и правовым режимом его следует исключить из предмета состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ.

Следующим объектом гражданских прав, не являющимся предметом легализации (отмывания), выступает имущественное право. Данный объект представляет собой комплекс-

ную категорию гражданского права, включающую в себя вещные и обязательственные права [13, с. 42–44]. Особенность вещных прав заключается в том, что они относятся к категории имущественных, так как непосредственно связаны с вещью (имуществом) и устанавливают ее принадлежность участнику гражданского оборота на определенном праве. Гражданским кодексом Российской Федерации на основании ст. 209 и 216 к числу вещных прав отнесены право собственности, право пожизненного наследуемого владения земельным участком и др. Основным, базовым, всеобъемлющим вещным правом является право собственности [8]. Оно характеризуется наличием у собственника права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Таким образом, имущественные права представляют собой наличие какого-либо правомочия, которое устанавливается на материальное имущество.

Обязательственным правом является право, предоставляющее возможность требовать совершения определенного действия от другого лица или других лиц [5, с. 133; 7, с. 236]. Из этого следует, что обязательство представляет собой возникшее гражданское правоотношение, в котором один участник (должник) обязан совершить в пользу другого участника (кредитора) определенное действие имущественного характера либо воздержаться от такого действия, а кредитор вправе требовать от должника исполнения его обязанности.

Рассмотрев разновидности имущественных прав, следует установить, могут ли они с точки зрения гражданского и уголовного законодательства подлежать легализации (отмыванию). Отвечая на поставленный вопрос, прежде следует привести наиболее правильную, на наш взгляд, позицию Г. Н. Борзенкова, П. С. Яни и других ученых относительно возможности хищения имущественных прав. В своих исследованиях авторы приходят к выводу о том, что получение путем обмана или злоупотребления доверием права на имущество без завладения самим имуществом не может считаться хищением, но является особым видом мошенничества, предусмотренным законом [6, с. 19; 14, с. 12]. Данная позиция является наиболее обоснованной, поскольку преступления, в результате которых приобретает право на имущество, имеют своим предметом недвижимость, которая не может быть перемещена без несоразмерного ущерба его назначению, либо имущественные права, похитить которые, например, путем кражи или другим способом, характеризующимся перемещением вещи, невозможно из-за неовещественной формы таких объектов. Дальнейшая легализация (отмывание) уже приобретенного имущественного права невозможна, поскольку, например, на право собственности не может быть повторно приобретено оно же. В любом случае, какие бы действия ни совершались, они не принесут осуществляющему их больше прав, чем было приобретено до этого, и не сделают его право более законным. В обоснование сказанного следует привести позицию Пленума Верховного Суда РФ, содержащуюся в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором определено, что если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора и др.). Таким образом, под наличием права на чужое имущество следует считать имеющуюся у лица возможность подтвердить свое правомочие на преступно приобретенный предмет документально либо иным способом [4].

Исключением из движимого имущества, не подлежащего легализации (отмыванию), являются некоторые виды документальных ценных бумаг, по которым удостоверенное ими право может осуществить лишь специально управомоченное лицо, права на которые в соответствии с ч. 2 ст. 146 ГК РФ передаются приобретателю путем вручения ему ценной бумаги лицом, совершившим ее отчуждение. К списку имущества, не подлежащего легализации (отмыванию), необходимо также отнести бездокументарные ценные бумаги, права на которые

в соответствии с ч. 2 ст. 149.2 ГК РФ переходят к приобретателю с момента внесения лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, соответствующей записи по счету приобретателя.

Рассмотренные выше способы приобретения таких объектов гражданских прав, как недвижимое имущество, имущественные права, бездокументарные ценные бумаги, а также некоторые виды документарных ценных бумаг, по которым удостоверенное ими право может осуществить лишь специально уполномоченное лицо, позволяют говорить об их самостоятельном гражданско-правовом режиме, отличном от правового режима иных объектов гражданских правоотношений, как в рамках гражданско-правовой отрасли в целом, так и состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, в частности. Кроме того, на рассмотренные категории имущества не допускается приобретение каких-либо правомочий при формальной передаче имущества собственником другому лицу или завладении им иным преступным путем. В связи с этим единственный способ заполучить право собственности на рассматриваемые виды имущества, который позволит беспрепятственно использовать их в гражданском обороте, является приобретение права на чужое имущество в результате совершения преступления.

Данный способ подразумевает под собой документальный или иной способ оформления права собственности на преступно приобретенную вещь. В Уголовном кодексе Российской Федерации приобретение права на чужое имущество является объективной стороной таких преступлений, как мошенничество (ст. 159), вымогательство (ст. 163), а также получение взятки (ст. 290). В связи с этим, недвижимое имущество, за исключением имущества, признанного таковым в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК РФ (воздушные, морские суда, а также суда внутреннего плавания могут быть предметом хищений без каких-либо ограничений [11, с. 356]), имущественные права, а также бездокументарные ценные бумаги и некоторые виды документарных ценных бумаг, по которым удостоверенное ими право может осуществить специально уполномоченное лицо, могут быть приобретены только указанными преступными способами. Поскольку мошенничество, как мы уже сказали, является материальным составом преступления, оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, то лицо, которое приобрело недвижимое или иное рассмотренное нами имущество одним из вышеперечисленных преступных способов, по сути, получает возможность на совершение с ним любых действий как собственник имущества. В связи с тем, что право собственности является наиболее существенным вещным правом, то оно позволяет его обладателю по своему усмотрению совершать в отношении имущества любые действия, в том числе отчуждать его в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

Сказанное находит свое подтверждение в судебной практике, которая свидетельствует об имеющейся проблеме в признании предметом легализации (отмывания) недвижимого имущества. Так, на основании анализа 73 уголовных дел, связанных с легализацией (отмыванием) недвижимого имущества, за 2016 и 2017 гг. было установлено, что в 32 случаях судами выносились оправдательные приговоры. Основанием служил вывод о том, что сделки с недвижимостью свидетельствуют о простом распоряжении преступно приобретенным имуществом либо о конспирации деятельности во избежание конфискации предмета преступления. В остальных схожих практических ситуациях суды при оценке действий, связанных с совершением сделок с недвижимостью, квалифицировали их как легализацию (отмывание).

Наглядным примером, демонстрирующим позицию судов в вопросе о признании сделки с недвижимым имуществом, полученным в результате преступного приобретения права на чужое имущество, является следующая ситуация.

Ф. обвинялся в совершении сделки с имуществом, приобретенным в результате совершения им преступления (ст. 159 УК РФ), в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению (ст. 174¹ УК РФ). Оправдывая подсудимого по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ, суд пришел к выводу об отсутствии в действиях Ф. данного состава преступления, указав, что для признания последнего виновным в совершении указанного преступления должны быть приведены такие доказательства, на основе которых суд пришел бы к выводу о том, что в действиях подсудимого при продаже земельного участка имелась цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанным имуществом. Вместе с тем корыстная цель, являющаяся обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по которой Ф. осужден, является доказанной. Последующая сделка подсудимого с чужим имуществом – земельным участком, полученным им в результате совершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по мнению суда, полностью охватывается составом вышеуказанного деяния, поскольку представляет собой акт распоряжения имуществом как своим собственным, право на которое было приобретено им путем обмана, что исключает возможность осуждения Ф. по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ*.

Подобное положение, на наш взгляд, говорит о том, что объем правомочий, появляющихся у лица, приобретшего право на чужое имущество, свидетельствует об отсутствии каких-либо ограничений по его использованию. Поэтому в связи с наличием возможности преступного приобретения права на чужое имущество легализация (отмывание) недвижимого имущества, признанного таковым исходя из его свойств, имущественных прав, а также бездокументарных ценных бумаг и некоторых видов документарных ценных бумаг, по которым удостоверенное ими право может осуществить специально управомоченное лицо, приобретенного лицом в результате совершения им преступления, невозможна. Из этого следует, что перечисленные объекты гражданских прав необходимо исключить из предмета состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, оставив предметом рассматриваемого преступления денежные средства или иное имущество, которым признается любое движимое имущество, а также признанные в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК РФ недвижимым имуществом воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, которые подлежат государственной регистрации, а также документарные ценные бумаги, по которым удостоверенное ими право может осуществить любой их держатель.

Данный вывод основывается также на том факте, что большинство движимых вещей способны стать предметом хищений в связи с тем, что они производятся, как правило, серийно, поэтому в обороте могут одновременно находиться несколько сходных по своим внешним признакам однородных предметов, ввиду этого их индивидуализация как объекта права собственности определенного субъекта правоотношений сильно осложнена. Кроме того, каких-либо особых условий для обращения данного имущества не существует, т. е. виновный может без каких-либо препятствий его продать, передать третьим лицам, потребить иным образом [9, с. 175].

Безусловно, право собственности на движимое имущество может быть подтверждено каким-либо документом, чеком или договором купли-продажи. Однако при отсутствии документов, удостоверяющих право, решающая роль при определении собственника движимого имущества принадлежит факту владения таким имуществом [12, с. 35–37]. Тем не менее, это не устраняет возможности или необходимости его легализации (отмывания), а лишь показывает упрощенность хищения движимого имущества, в отличие от недвижимого и других объектов гражданских прав, в отношении которых установлен особый правовой режим приобретения вещных прав.

* Приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 26 октября 2016 г. по уголовному делу № 1–10/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 05.04.2018).

Литература

1. О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: конвенция ООН от 20 декабря 1988 г. № 27627 URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/restricted/strasburg_conv.pdf (дата обращения: 03.04.2018).
2. Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: конвенция Совета Европы от 8 ноября 1990 г. № 141. URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/restricted/strasburg_conv.pdf (дата обращения: 03.04.2018).
3. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Анненков К. Система русского гражданского права. СПб., 1910. Т. 1.
6. Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество. М., 1971.
7. Гуляев А. М. Русское гражданское право. СПб., 1911.
8. Дерхо Д. С. Понятие и виды вещных имущественных прав. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2018.
9. Ермакова О. В. Влияние предмета хищения на определение момента окончания преступления // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381.
10. Коротких О. А. К вопросу о понимании права собственности // Российский судья. 2008. № 1.
11. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики. М.: Волгертс Клувер, 2007.
12. Прыгунова Ю. И. Особенности правового регулирования движимого имущества как объекта гражданского права // Экономика, социология и право. 2018. № 1.
13. Семенов В. В. Имущественные права в гражданском праве и защита их в обязательстве // Юрист – Правоведь. 2008. № 1.
14. Яни С. А., Яни П. С., Яни Д. П. Понимание права на имущество как предмет мошенничества в теории и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 3.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

Денис Викторович Галкин, заведующий кафедрой Пятого факультета Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук
E-mail: dvgalkin@bk.ru

В статье представлен анализ статистических сведений о регистрации убийств и причинений тяжкого вреда здоровью на территории Дальневосточного федерального округа в период с 2006 по 2017 г. Используются сведения о совершенных преступлениях из статистических отчетов правоохранительных органов и органов здравоохранения. Аргументирован вывод о трехкратном снижении насильственных преступлений.

Ключевые слова: насильственные преступления; Дальневосточный федеральный округ; преступления против личности; состояние и динамика преступности.

FEATURES OF CRIMINAL VIOLENCE IN THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT: ISSUES OF OBJECTIVE ANALYSIS

Denis Viktorovich Galkin, chair head of the Fifth faculty of Institute of improvement of professional skill of the Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, *kandidat nauk*, degree in Law

The analysis of statistical data on the registration of murder and grievous bodily harm in the Far Eastern Federal District from 2006 to 2017. The information on the crimes committed was used from statistical reports of law enforcement agencies and health authorities. The conclusion about a threefold decrease in violent crimes is argued.

Keywords: violent crimes; the Far Eastern Federal District; crimes against the person; the state and dynamics of crime.

Одним из ключевых показателей, характеризующих криминальную ситуацию в России и в отдельных регионах, является уровень убийств. В научном анализе криминальной ситуации сведения об убийствах имеют особое значение [4; 7]. Число совершенных убийств относительно невелико по сравнению с другими видами преступлений, они имеют наименьшую латентность (полнее отражаются в статистических отчетах). Данные об убийствах учитываются разными субъектами статистического учета (правоохранительные органы, органы здравоохранения) и могут быть перепроверены из других источников (экспертные оценки, социологические опросы).

Анализ сведений об убийствах, совершенных в пределах определенной территории, имеет широкое научное и практическое значение. Данные о состоянии и динамике убийств позволяют объективно оценить:

- реальный уровень криминального насилия в обществе;
- темпы роста или снижения преступности;
- территориальные различия преступности в разных регионах России и в мире;
- изменения в служебной нагрузке на правоохранительные органы, от которой зависят необходимость и целесообразность их реформирования.

В предыдущих исследованиях мы уже обращались к феномену многолетнего снижения преступности [1, с. 51–55]. С начала 2000-х гг. в России снижалась преступность, в том числе и тяжкая насильственная (убийства, телесные повреждения, изнасилования). Рассмотрим, насколько изменились значения зарегистрированных убийств в субъектах Дальневосточного федерального округа по итогам 2017 г., и сравним их с ситуацией в других регионах.

В 2017 г. в ДФО зарегистрировано 769 убийств и покушений на убийство, что является минимумом за последние десять лет [6]. По сравнению с 2006 г., число преступлений данного вида сократилось в 3 раза! (с 2321 до 769) при неизменной методике их подсчета. Важно отметить, что число зарегистрированных убийств и покушений на убийство снижается непрерывно и последовательно, из года в год в течение последних одиннадцати лет, за исключением 2013 г., когда был отмечен рост на 7% (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика убийств и покушений на убийство в Дальневосточном федеральном округе

Убийства относятся к преступлениям, имеющим наименьшую латентность по сравнению с другими видами преступлений, в том числе против личности. Тем не менее, выводы о трехкратном снижении числа убийств у многих специалистов вызывают сомнения. Этому способствует общее недоверие к ведомственной статистике правоохранительных органов. Однако выводы о кратном снижении ежегодно совершаемых убийств подтверждаются сведениями из других проверяемых источников.

Так, в тот же анализируемый период последовательно сокращалось число «смежных» с убийствами составов преступлений, в том числе умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, предусмотренных ст. 111 УК РФ.

Число зарегистрированных фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, так же, как и число убийств, снизилось в 2017 г. до минимальных за 15 лет значений. Таких преступлений зарегистрировано 1905, что в два раза меньше, чем одиннадцать лет назад, в 2006 г. (см. рис. 2). По сравнению с предыдущим годом, снижение составило 11%. В число этих преступлений входит 434 факта умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), причем число последних также снизилось на 11%.

Рис. 2. Динамика преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, в Дальневосточном федеральном округе

Кроме правоохранительных органов свою статистику убийств ведут органы здравоохранения*. При составлении медицинского свидетельства о смерти врач фиксирует причину смерти в виде соответствующего кода, указанного в Международной классификации болезней (МКБ), принятой Всемирной организацией здравоохранения.

По данным медицинской статистики, в Дальневосточном федеральном округе в 2017 г. произошло 788 убийств (см. табл. 1). Напомним, что, по статистике МВД России, зарегистрировано 769 убийств за тот же период. Разница в 19 пунктов небольшая, и она, скорее, подтверждает достоверность и объективность статистики, чем опровергает ее. При оценке указанных данных необходимо принимать во внимание разную методику статистического учета. С юридической точки зрения убийство одновременно двух или более лиц является единым преступлением, в то время как медицинские учеты фиксируют количество погибших. Врачебная статистика также не учитывает разную юридическую квалификацию нападений, повлекших смерть человека. Тем не менее, представленные сведения позволяют подтвердить основной тезис – число совершаемых убийств, как в целом по России, так и на Дальнем Востоке, последовательно снижается в течение последних 10–15 лет. За этот период число ежегодно регистрируемых убийств сократилось примерно в три раза.

Таблица 1

Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за год (чел.). Дальневосточный федеральный округ, убийства

Год	2002	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Убийства	3512	2346	2038	1613	1361	1311	1057	997	885	788

Несоответствие числа зарегистрированных убийств и числа погибших затрудняет сравнительный анализ уровня убийств в разных странах. Поэтому с 2008 г. статистика правоохранительных органов ведет учет дополнительного параметра – число погибших от всех преступных посягательств, без привязки к видам преступлений (статьям УК РФ), в результате которых погибли люди.

Всего в 2017 г. на территории Дальневосточного федерального округа погибли от различных преступных деяний 830 чел., снижение по сравнению с 2006 г. составило 47 %, то есть практически в 2 раза (см. рис. 3). Еще 2683 лицам в результате совершения преступлений при-

* Центральная база статистических данных Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

чинен тяжкий вред здоровью. Как видим, количество погибших значительно больше, чем число убийств и причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших смерть человека, вместе взятых.

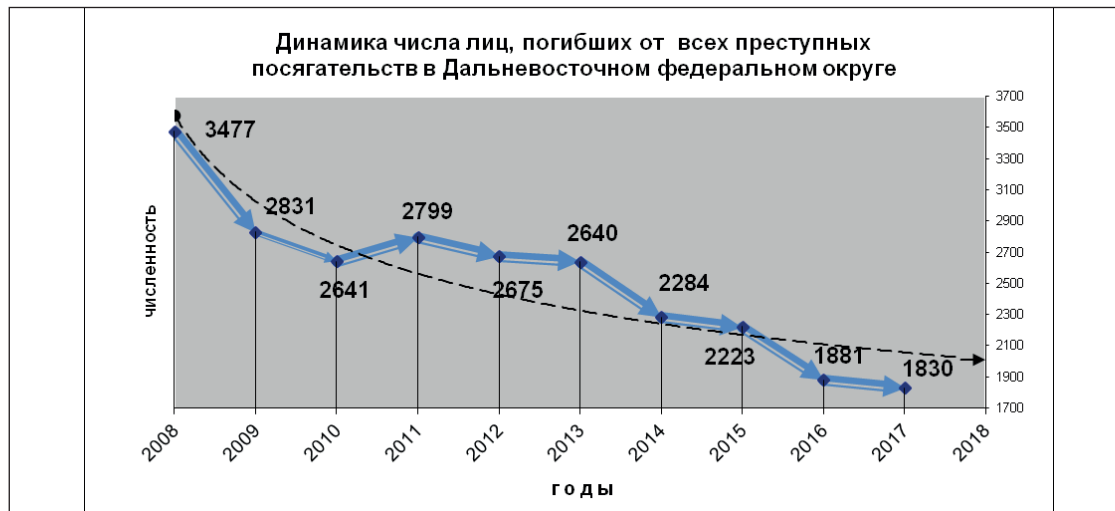

Рис. 3. Динамика числа лиц, погибших в результате совершенных преступлений в Дальневосточном федеральном округе

Кроме указанных преступлений, смерть человека может наступить в результате других преступлений: неосторожного убийства (ст. 109 УК РФ), нарушений правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ), оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), неоказания врачом помощи больному (ст. 124 УК РФ).

Таким образом, статистические данные о кратном снижении числа тяжких насильственных преступлений – убийств и ранений полностью соответствуют реальной ситуации. Представленных данных, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы сделать объективный вывод о том, что с начала 2000-х гг. число убийств сократилось не менее чем в три раза.

В целом основное направление в изменении ситуации с насильственной преступностью на Дальнем Востоке России в последние 15 лет можно охарактеризовать как существенное сокращение числа лиц, склонных к совершению таких преступлений. С каждым годом все больше граждан отказываются от криминальных способов решения своих экономических, семейных и личных проблем, что связано с возрастающим потреблением материальных и иных благ. В результате насильственные преступления чаще совершаются лицами, не попавшими в «общество потребления» [2, с. 3–8]. По критериям правоохранительной статистики, такие социальные группы характеризуются как «ранее совершавшие преступления», «находящиеся в состоянии алкогольного опьянения», «не имеющие постоянного источника дохода». Эти тенденции находят отражение в росте соответствующих категорий преступлений [3, с. 85].

Анализ следственной и судебной практики подтверждает приведенные сведения. С точки зрения криминалистики подавляющее большинство убийств и причинений тяжкого вреда здоровью совершается в типичной следственной ситуации, которая характеризуется несколькими ключевыми «маркерами»: кухня – алкоголь – личные неприязненные отношения – внезапная ссора между собутыльниками – нож – убийство [1, с. 54].

Тем не менее, с учетом представленных выводов о динамике убийств развитие ситуации представляется более чем позитивным. Но при использовании методов межрегионального сравнительного анализа статистических данных выявляются негативные черты криминальной ситуации в Дальневосточном федеральном округе. Сравним уровень убийств в отдельных субъектах Дальневосточного федерального округа и западных регионах страны (см. табл. 2).

Таблица 2

**Уровень убийств в федеральных округах
и отдельных субъектах Российской Федерации**

Округ, субъект РФ	Зарегистрировано убийств в 2017 г.	Уровень убийств на 100 тыс. населения
Россия (всего)	9758	6,6
Центральный ФО	1797	4,5
Северо-Западный ФО	935	6,7
Южный ФО	825	5,0
Северо-Кавказский ФО	309	3,1
Приволжский ФО	2013	6,8
Уральский ФО	951	7,6
Сибирский ФО	2097	10,9
Дальневосточный ФО	769	12,4
Республика Саха (Якутия)	137	14,2
Приморский край	200	10,5
Хабаровский край	164	12,3
Амурская область	114	14,3
Камчатский край	28	8,9
Магаданская область	32	22,2
Сахалинская область	60	12,3
Еврейская АО	26	16
Чукотский АО	8	16,2

Из представленных в таблице данных следует, что уровень убийств в Дальневосточном округе почти в два раза выше, чем в среднем по России, и почти в три раза выше, чем в Центральном федеральном округе.

Причины более высокого уровня преступности на Дальнем Востоке по сравнению с западными регионами страны, наверное, могли бы стать предметом отдельного исследования. Анализ статистических данных за период с 2005 по 2017 г. показывает, что этот феномен имел место в предыдущие годы, а значит, не утратит актуальности в ближайшей перспективе.

Среди субъектов Российской Федерации в пределах Дальнего Востока высокий уровень убийств в Якутии, Магаданской и Амурской областях, а также Еврейской автономной области. Не такой высокий, но все же выше, чем в среднем по России, уровень убийств в Приморском и Хабаровском краях. Мы не рассматриваем показатели уровня убийств в самых малочисленных регионах, так как показатели уровня убийств в них изменчивы от года к году и меньше подходят для сравнительного анализа с более крупными по числу населения субъектами Российской Федерации.

Будет ли в дальнейшем снижаться уровень тяжкой насильственной преступности на Дальнем Востоке? Для ответа на данный вопрос, очевидно, требуется более глубокое ис-

следование социальных, экономических, психологических и других причин этого явления [5]. Безусловно, тенденция к снижению криминального насилия в России имеет свои пределы. По нашему мнению, у Дальнего Востока есть большой потенциал улучшения криминальной ситуации в сфере преступлений против личности за счет ее «выравнивания» с другими регионами страны. Позитивным процессам может способствовать глобализация, которая, как известно, затронула не только экономику и технику, но также культурную и социальную сферы.

Литература

1. Галкин Д. В. Состояние тяжкой насильственной преступности в Дальневосточном федеральном округе: анализ статистики за последние 10 лет // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф., 30–31 мая 2016 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2016.
2. Гилинский Я. И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // КриминалистЪ. 2016. № 1(18).
3. Киселёв В. И., Левкова Е. А., Савин С. З. Региональные особенности динамики наркопреступлений в Хабаровском крае // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 1 (40).
4. Краснов Ю. К., Шкатулла В. И., Надвикова В. В. Социология права: учебник. М., 2017.
5. Никитенко И. В. Миграционная преступность в азиатской части России: монография / под науч. ред. Ю. М. Антояна. М., 2014.
6. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 г.: стат. сб. М.: ГИАЦ МВД России, 2018. URL: <https://genproc.gov.ru>
7. Щербакова Е. М. Демографический барометр. Преступность в России, 2017 // Демоскоп Weekly. 2018. № 769–770.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Артем Николаевич Дерюга, профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент;

Ирина Викторовна Ковалева, адъюнкт

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: derjuga@mail.ru

kirvi2013@mail.ru

В статье авторы рассматривают этимологическую и историко-правовую трансформацию юридического термина «контроль», исследуют взгляды известных философов и правоведов прошлого и современности относительно такой разновидности контроля, как общественный контроль, анализируют действующее отечественное законодательство, закрепляющее понятие общественного контроля.

Ключевые слова: государственная власть; контроль; общественный контроль; история общественного контроля; гражданское общество.

PUBLIC CONTROL: HISTORICO-PHILOSOPHICAL RESEARCH AND LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE CONCEPT

Artem Nikolaevich Deryuga, chair professor, Doctor of Law, Associate Professor;

Irina Viktorovna Kovaleva, post graduate

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

In the article the authors consider the etymological and historical-legal transformation of the legal term «control», explore the views of well-known philosophers and jurists of the past and the present regarding such kind of control as public control, analyze the current domestic legislation, enshrining the concept of public control.

Keywords: state power; control; public control; the history of public control; civil society.

Большая часть отечественных и зарубежных ученых единодушны во мнении относительно того, что главным признаком гражданского общества является способность контролировать власть. Обретая правовые формы, контроль способен поставить власть в положение, напрямую зависимое от права. В свою очередь, государство оказывается вправе называться правовым только при условии существования гражданского общества.

Следует отметить, что совершенствование механизмов контроля за деятельностью органов государственного управления неразрывно связано с эволюцией общественных институ-

тов, призванных уравновешивать власть государства. Ведь только исключительно политически и экономически свободные граждане и их объединения способны обеспечить независимый, эффективный и действенный контроль в сфере управления государством.

В связи с этим целесообразно остановиться на этимологии понятия «контроль». Данная дефиниция имеет французские корни и своим происхождением обязана французскому слову «controle», некогда обозначавшему встречную, вторичную запись с целью проверки первой. В XVIII в., ознаменованном франко-русским двуязычием, данное понятие получило широкое хождение в русской речи, где его применяли как синоним термина «проверка», однако со временем это значение несколько интерпретировалось, приобретая более широкий смысл.

В отечественной юридической литературе представлен довольно широкий спектр определений, характеризующих дефиницию «контроль».

Так, В. М. Горшенев и И. Б. Шахов одними из первых в юридической науке охарактеризовали данное понятие: «Прежде всего, контроль – такая правовая форма деятельности, юридическая природа которой определяется тем, что соответствующий контрольный орган или его должностное лицо ставятся в условия, когда они должны непосредственно использовать нормы права для разрешения конкретных юридических задач. Причем в качестве предмета операций в данном случае выступают одновременно и нормы материального, и нормы процессуального права» [5].

А. П. Коренев в своих трудах определяет контроль как «действие, устанавливающее соответствие исполнения принятому решению путем сопоставления фактически достигнутых промежуточных или конечных результатов и задач (заданий), предусмотренных решением (программой, планом). Успешное осуществление намеченных мер невозможно, если постоянно не следить, насколько сделанное соответствует поставленным задачам» [10, с. 159].

Д. Н. Бахрах рассматривает контроль как «установление соответствия или несоответствия фактического состояния системы государственного управления и ее структуры требуемому стандарту и уровню, изучение и оценка результатов общего функционирования государственных органов, а также конкретных действий субъектов управления; установление соотношения намечаемого и сделанного в системе государственного управления. Контроль – это наблюдение за качеством управленческой деятельности, выявление ошибок в управлении и степени соответствия управленческих действий и административных актов принципам законности и целесообразности» [2, с. 41].

По мнению Ю. А. Тихомирова, «контроль позволяет своевременно корректировать ход управленческой деятельности и на основе информации о фактических ситуациях, явлениях и изменениях принимать меры по устранению недостатков в работе звеньев управления и должностных лиц, «отклонений» от заданных целей» [16, с. 687].

Согласно определению, данному А. В. Ерицян, «контроль – это правовая процедура, направленная на выявление возможных составов правонарушений, состоящая из стадии получения контролирующим субъектом необходимой информации, стадии правовой квалификации и стадии принятия решения о применении принудительных мер к подконтрольному объекту» [6, с. 103–108].

Анализируя представленные выше толкования относительно определения содержания и сущности контроля, можно констатировать тот факт, что данная правовая категория является довольно широкой и объемной. Рассматриваемый, с одной стороны, как один из способов обеспечения законности контроль не ограничивается вопросом соблюдения законов и иных нормативных актов, он, кроме того, проверяет обоснованность, соразмерность и мотивированность деятельности, а в некоторых случаях влечет и корректировку действий.

Контроль необходимо отнести к важнейшим функциям любой системы управления. В правовом смысле контроль наиболее часто применим в области обеспечения исполнения прав и свобод человека и гражданина, а также их соблюдения и защиты. Его основной задачей

можно назвать обеспечение движения принятого решения до его претворения в жизнь, а также результативную деятельность государственных и муниципальных органов власти с помощью таких инструментов, как мониторинг, анализ, оценка, проверка легитимности применения законодательства, а также адекватности, соразмерности и оправданности совершаемых действий.

Условия современности диктуют появление довольно сложных объектов контроля, еще не охваченных существующими методологическими представлениями. Погрешности в контроле относительно таких объектов ведут к существенным издержкам для общества и государства. Данное утверждение в полной мере относится к одной из разновидностей контроля – общественному контролю.

Уже в научных трудах великих мыслителей прошлого отражалась потребность в общественном контроле для любого государства и несомненная важность такого рода контроля для народа. Так, в своем труде «Лунь Юй» известнейший философ Древнего Китая Конфуций отмечал необходимость наличия доверия между народом и государством, подчеркивая важность данного условия для существования последнего [9]. В дальнейшем один из последователей мыслителя, яркий представитель традиций конфуцианства Мэн Цзы развил данную мысль в одноименном сочинении. По его мнению, истинным правителем можно стать, только завоевав расположение и доверие народа [17, с. 91]. Конфуций и Мэн Цзы являются первопроходцами в мировой философской мысли, сформулировавшими главный принцип организации власти в любом государстве, позднее ставший основополагающим, – принцип общественного доверия к государственной власти, реализация которого обеспечивается, в частности, и посредством такого инструмента, как общественный контроль.

Впоследствии вопросы построения идеального государства и его взаимодействия с обществом входили в число наиболее приоритетных, снискавших пристальное внимание мыслителей Древней Греции и Древнего Рима. Так, упоминание об общественном контроле как одной из важнейших причин стабильного политического развития государства встречается в трудах Аристотеля. В своих сочинениях этой темы не обошли стороной такие известнейшие философы, как Платон, Цицерон, Марк Аврелий. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что римские ученые первыми в своих трудах ввели термин «гражданское общество», а дальнейшее развитие теории гражданского общества кардинально повлияло на научное обоснование общественного контроля как стержневого механизма воздействия социума на государственно-властные институты.

Невозможно переоценить то влияние, которое оказали труды мыслителей эпохи Просвещения на развитие теории общественного контроля. Так, французский философ П. Гольбах писал: «Государственная власть и ответственность королей и правительств перед народом имеют земное происхождение, при этом правители всегда могут быть смещены народом, если этого потребуют его интересы» [18]. В свою очередь, Жан-Жак Руссо обращал внимание на «недостаточность того, что народ, собравшись единожды, определяет государственное устройство, санкционирует свод законов, а также устанавливает постоянное правительство и выбирает должностных лиц». Он указывал на необходимость проведения периодических собраний, которые никто не мог бы ни отменить, ни отсрочить, считая, что граждане должны собираться в определенный день и надобность в ином формальном созыве отсутствует [20].

Выдающийся русский философ А. Н. Радищев, опираясь на идеи Ж.-Ж. Руссо, полагал, что в случае, если государство употребляет властные полномочия, не опираясь в первую очередь на интересы населения, то несоблюдение «общественного договора» является допустимым [15, с. 28–31].

Последующий период Нового времени необходимо рассматривать как значимый этап эволюции научных философских воззрений относительно обозначенных вопросов. Здесь среди прочих необходимо отметить работы Т. Гоббса «Левиафан» и Дж. Локка «Два трактата о правлении». Согласно воззрениям Т. Гоббса, воля индивида должна находиться в состоянии полного подчинения велениям государства, что обусловлено образованием последнего на ос-

нове договора. В то же время призвание государства философ определяет как прекращение войны «всех против всех». Для сохранения устойчивости государства и поддержания в нем некоего баланса сил неотъемлемым условием, по мнению Гоббса, является неперемное отделение государства от гражданского общества. Дж. Локк писал: «Кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным постоянным законам, а не путем импровизированных указов. И все это должно осуществляться ни для какой иной цели, но только в интересах мира, безопасности и общественного блага народа» [11].

Анализ взглядов мыслителей Нового времени позволяет констатировать тот факт, что сформировавшиеся в тот период теории, посвященные общественному контролю, характеризовались такими основными идеями, как абсолютная свобода личности, доминирование прав и интересов граждан над интересами государственного масштаба.

Идеи гражданского контроля над государством развивали в своих трудах и немецкие философы. Так, в учении о правомерном государстве, рассматривая вопрос общественного контроля, И. Кант сформулировал одно из узловых условий его существования – обязательное наделение граждан возможностью принуждать властвующих к неукоснительному исполнению закона в такой же мере, как и органы власти, наделенные такими правами в отношении граждан. В работе «Философия права», Г.В.Ф. Гегель отмечал следующее: «Защита государства и его граждан от злоупотребления властью ведомствами и их чиновниками заключается, с одной стороны, в их иерархии и установлении для них ответственности, а с другой – в статусе общин и корпораций, посредством реализации которого ставятся препятствия для привнесения субъективного произвола в доверенную чиновникам власть, а в случаях недостаточности контроля сверху его следует дополнять контролем снизу» [3].

Следующий этап в развитии концепции общественного контроля ознаменовала популяризация идеи о неизбежности социальных преобразований внутри неидеального, с позиций равенства и соблюдения прав и свобод граждан, буржуазного общества. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что «наряду с новыми официальными правительствами рабочие должны сейчас же учреждать собранные, революционные рабочие правительства, будь то в форме органов местного самоуправления, муниципальных советов, будь то через рабочие клубы или рабочие комитеты, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидели бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих» [12].

Основываясь на работах К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин писал о том, что для сохранности грядущего коммунистического строя необходим планомерный и сознательный контроль. Он считал крайне важным минимизировать возможность узурпации власти государственным аппаратом, а также отмечал важнейшую роль в повышении результативности и эффективности работы государства кадрового обеспечения и выработки у государственных служащих ответственного отношения к совершаемым действиям. Между контролем и надзором в данном случае не ставится знак равенства, а подразумевается совместная работа всех социальных и политических сил в вопросах оценки эффективности деятельности властных структур государства.

С наступлением XX в. правовая категория «общественный контроль» приобрела большое количество значений и существенно преобразилось. Так, Карл Поппер считал, что стержневым признаком демократического политического режима является подробный контроль. Раскрывая содержание демократии в работе «Открытое общество и его враги», мыслитель отмечал: «Под демократией же я понимаю не какую-то неопределенную «власть народа», или «власть большинства», а многообразные общественные институты (в первую очередь свободные выборы, т. е. право народа смещать свое правительство), позволяющие осуществлять

общественный контроль за деятельностью и отставкой правительства, а также, не применяя насилия, проводить реформы даже вопреки воле правителей» [14].

В разрезе современных политико-правовых и социально-гуманитарных теорий понятие общественного (гражданского) контроля претерпело значительные изменения и в некоторых проявлениях (экспертная оценка законности деятельности государственных органов, эффективности и прозрачности института выборов, государственных закупок и т. п.) воспринимается в качестве инструмента выражения волеизъявления народа. В связи с этим некоторые современные исследователи относят общественный (гражданский) контроль к «четвертой власти» [13]. Причем формы его реализации могут быть весьма многообразны – это и совместная работа со средствами массовой информации, и участие в нормотворческой деятельности, и обсуждение законопроектов.

Определение сущности термина «общественный (гражданский) контроль» не раз являлось объектом исследования отечественных правоведов.

Например, по мнению О. С. Забраловой, общественный контроль представляет собой «деятельность институтов гражданского общества и отдельных граждан по проверке соблюдения требований законодательных актов и иных нормативных правовых актов, а также устранение выявленных нарушений посредством обращения как в уполномоченные государственные органы, так и к общественному мнению» [7, с. 18].

О. Н. Шерстобоев определяет исследуемый термин как «вид деятельности негосударственных субъектов, направленный на выявление нарушений правовых норм органами публичной администрации и их должностными лицами» [19, с. 28–31].

Сходное с О. С. Забраловой определение общественного контроля можно встретить в работах С. М. Зубарева. В его понимании «общественный контроль является системной деятельностью уполномоченных институтов гражданского общества и отдельных граждан по установлению функционирования государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, выполняющих отдельные функции, нормативно-правовым стандартам и корректирование выявленных отклонений посредством обращения в уполномоченные органы власти либо к общественному мнению» [8, с. 143].

А. А. Гончаров так определяет рассматриваемое понятие: это «наблюдение за деятельностью органов государственной и муниципальной власти, прочих государственных органов и должностных лиц, оценка законности и эффективности этой деятельности, а также принятие правовых мер по пресечению выявленных нарушений прав и свобод человека со стороны указанных органов и должностных лиц» [4, с. 5].

Весомый вклад в процесс институционализации общественного контроля в Российской Федерации внес изданный по инициативе главы государства в 2014 г. Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». На уровне федерального законодательства впервые получило нормативное закрепление понятие общественного контроля, определяемое в данном нормативном акте как «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [1].

Однако, на наш взгляд, данное определение нельзя назвать безупречным, так как оно вызывает ряд вопросов. Во-первых, законодатель раскрывает понятие «общественный контроль» посредством формулировки «контроль – это деятельность субъектов контроля», не конкретизируя последних. Остается неясным и что понимается в данном определении под публичными полномочиями, и какими организациями они осуществляются, а значит, и кого контролирует общество, ведь понятие публичных полномочий до сих пор не закреплено в правовых актах, хотя и встречается в действующем законодательстве.

Кроме того, в анализируемом определении отражены цели общественного контроля, такие как: наблюдение за деятельностью органов власти и организациями, осуществляющими публичные полномочия, общественная проверка, анализ и общественная оценка принимаемых ими актов и решений. Как очертить круг мероприятий, подразумевающих наблюдение за деятельностью органов? Можно ли отнести сюда просмотр новостных сайтов в Интернете или новостных передач по телевизору, или, например, посещение заседания городской Думы? Это может сделать большая часть населения страны. Значит ли это, что все граждане время от времени осуществляют общественный контроль?

Безусловно, контроль нельзя сводить к обыденному наблюдению. Выше уже отмечалось, что сущность контроля – это проверка, в связи с этим общественная проверка, анализ и общественная оценка актов и решений и являются собой истинный смысл общественного контроля.

Несомненно, общественный контроль является одним из основных средств регулирования деятельности органов власти. Право на гражданский (общественный) контроль продиктовано основными базовыми гражданскими правами и вытекает из права гражданина участвовать в управлении государством, что не вступает в противоречие с основами законодательства страны. Его применение на практике вполне уместно в условиях формирования гражданского общества в демократическом и социальном государстве. Очевиден тот факт, что становление гражданского общества и формирование правового государства в современной действительности требуют усиления контроля над деятельностью органов власти. Полноценное функционирование государства невозможно без сформированной системы общественного контроля, являющейся, по сути, своего рода системой сдержек и противовесов в процессе проведения в жизнь таких принципов, как разделение властей, открытость и доступность государственных органов, подотчетность последних всему народу, поддержание диалога со СМИ и институтами гражданского общества.

Литература

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Российская газета. 2014. 23 июля.
2. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник. 3-е изд., пересм. и доп. М.: Норма, 2007.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
4. Гончаров А. А. Сущность и понятие гражданского контроля // Управление общественными и экономическими системами. 2011. № 2.
5. Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М.: Юрид. лит., 1987.
6. Ерицян А. В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности (теоретический аспект) // Государство и право. 2002. № 2.
7. Забралова О. С. Общественный контроль в Российской Федерации: монография. М.: НАВИГАТОР, 2011.
8. Зубарев С. М. О Федеральном законе «Об основах общественного контроля» // Проблемы науки административного права: мат-лы конф. «Лазаревские чтения», 20–21 ноября 2014 г. М.: КОНТАКТ, 2015.
9. Конфуций. Лунь Юй. М., 2001.
10. Корнев А. П. Административное право России: учебник: в 3 ч. Ч. I. М.: Щит-М, 1999.
11. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955–1974.
13. Нисневич Ю. А. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // Политические исследования. 2011. № 1.
14. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков. М., 1992.
15. Радищев А. Н. О добродетелях и награждениях // Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л., 1952.
16. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. М.: Изд. г-на Тихомирова М. Ю., 2005.
17. Федотова Л. Ф. Философия Древнего Востока. М., 2015.
18. Философия: краткий курс. 2-е изд., доп. СПб., 2010.
19. Шерстобоев О. Н. Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4.
20. Pro et contra: идеи Ж.-Ж. Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917) / сост. А. А. Златопольская. СПб., 2005.

УДК 342.98

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ НА АДМИНИСТРАТИВНОМ УЧАСТКЕ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Алексей Геннадьевич Гришаков, начальник кафедры Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: grischakow@buiimvd.ru

В статье рассматриваются компетенции участкового уполномоченного полиции, обслуживающего административный участок в городе, на территории которого находятся образовательные организации различных типов.

Ключевые слова: административный участок; образовательная организация; студенческий городок; обучающийся; лига студентов; общественные молодежные объединения; правовая помощь; участковый уполномоченный полиции; профилактическая работа; оперативная обстановка; антитеррористическая защищенность.

ACTIVITIES OF THE DISTRICT POLICE OFFICER IN THE ADMINISTRATIVE AREA WITH AN EDUCATIONAL ORGANIZATION: AN ANALYSIS OF THE MAIN DUTIES

Alexey Gennadievich Grishakov, chair head of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article is devoted to the competence of the district police officer serving the administrative area in the city, in the territory of which there are educational organizations of various types.

Keywords: administrative area; educational organization; campus; learner; students league; public youth associations; legal assistance; district police officer; preventive work; operational situation; antiterrorist security.

В настоящее время МВД России уделяется повышенное внимание проблемам, имеющимся в деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции. Без решения этих проблем невозможна эффективная реализация основных направлений деятельности службы, в том числе профилактической работы на обслуживаемых участках по предупреждению, пресечению и раскрытию правонарушений и преступлений, работы с обращениями граждан. В этих целях продолжается совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей правоприменительную деятельность указанных подразделений полиции. Основываясь на результатах проведенного исследования, обратим внимание на отдельные аспекты административной деятельности участковых уполномоченных полиции, обслуживающих административные участки, на территории которых расположены образовательные организации.

Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции [4] (далее – Наставление УУП) предусматривает, что в случае расположения на административном участке профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, научных организаций и организаций дополнительного профессионального образования, при расчете штатной численности участковых уполномоченных полиции учитывается количество компактно проживающих в общежитиях обучающихся, профессорско-преподавательского состава и иных граждан.

Под образовательной организацией понимается некоммерческая организация, осуществляющая на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности [1]. На территории административного участка могут находиться следующие

типы образовательных организаций: дошкольные образовательные организации; общеобразовательные организации; профессиональные образовательные организации; образовательные организации высшего образования; организации дополнительного образования; организации дополнительного профессионального образования.

В отдельных случаях допускается создание административного участка с включением в него общежитий и административных зданий образовательных организаций, иных организаций и предприятий с прилегающими к ним территориями. Например, участок может включать в себя только инфраструктуру расположенных на нем профессиональных училищ, техникумов, университетов, институтов повышения квалификации, учебных центров профессиональной переподготовки и повышения квалификации или иных образовательных организаций.

На наш взгляд, такие административные участки целесообразно создавать только в крупных городах, где на территории одного района или административного округа могут одновременно находиться несколько образовательных организаций различных типов. Более того, практически все крупные университеты имеют свои студенческие городки, или кампусы, расположенные, как правило, в непосредственной близости от образовательных организаций и включающие в себя общежития, столовые, парковки, спортивные центры и стадионы, а также прилегающие к ним аллеи или скверы. В качестве примера можно назвать федеральные университеты (Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Балтийский, Южный, Северо-Кавказский и др.), имеющие достаточно крупную инфраструктуру с многочисленными объектами. Следовательно, в случае создания таких административных участков, участковый уполномоченный полиции будет обслуживать только территорию с инфраструктурой образовательных организаций.

Следует отметить, что ранее создание таких административных участков проходило в виде пилотных проектов в отдельных регионах страны. Например, в Республике Татарстан в 2009 г. широко практиковался такой проект, этот опыт предлагался к использованию другими территориальными органами МВД России. В начале 2000-х гг. указанные административные участки были востребованы на местах, при этом администрации некоторых учебных заведений оказывали помощь подразделениям участковых уполномоченных полиции не только с выделением служебных помещений, автотранспорта для работы, но и с закупкой мебели, канцелярии, компьютерной и оргтехники, средств сотовой связи.

Между тем действовавший в тот период времени приказ, регламентирующий деятельность участковых уполномоченных полиции [5], не содержал положений о праве создавать отдельные административные участки с обслуживанием образовательных организаций и их инфраструктуры. То есть создание таких участков осуществлялось исключительно по инициативе руководителей территориальных органов МВД России и не регулировалось ведомственными нормативными правовыми актами. Кроме того, работа только на территории с образовательными организациями, за исключением жилого сектора, расположенного поблизости, увеличивала нагрузку участковых уполномоченных полиции (милиции), обслуживавших другие территории, в связи с этим создание рассматриваемых административных участков не нашло повсеместного применения.

При утверждении Наставления УУП был введен новый раздел, раскрывающий особенности несения службы участковым уполномоченным полиции на административном участке с образовательной организацией. В указанном разделе определен перечень основных обязанностей, возложенных на участкового уполномоченного полиции по обслуживанию закрепленной за ним территории.

Первоочередная обязанность – осведомленность сотрудника полиции о структуре и режиме работы образовательной организации, от которых будет зависеть не только время проведения профилактической работы с сотрудниками, обслуживающим персоналом и обу-

чающимися, но и определение часов приема в участковом пункте полиции, расположенном вблизи или непосредственно на территории образовательной организации.

Безусловно, правильное представление о структуре образовательной организации, включающей в себя различные советы, факультеты, кафедры, подразделения организации учебного процесса, центры, управления, издательства, учебно-научные подразделения и студенческие объединения, позволит оперативно решать возникающие служебные вопросы, в том числе связанные с предупреждением правонарушений и пресечением каких-либо противоправных действий на обслуживаемой территории.

Еще одной обязанностью участкового уполномоченного полиции определен постоянный мониторинг оперативной обстановки как на территории образовательной организации, так и на прилегающих площадях студенческих городков, или кампусов. Очевидно, что ежедневная работа в данном направлении позволит не только выявлять, пресекать и раскрывать противоправные деяния, но и устанавливать основные причины и условия, способствующие их совершению. На наш взгляд, для реализации данной обязанности участковый уполномоченный полиции должен тесно взаимодействовать не только с другими структурными подразделениями органов внутренних дел, но и с иными правоохранительными органами, общественными организациями и гражданами.

Так, в территориальном органе внутренних дел на районном уровне взаимодействие осуществляется с сотрудниками уголовного розыска, которые могут предоставить информацию не только относительно общей оперативной обстановки в образовательной организации, но и о лицах или группах лиц, попавших в поле зрения оперативных подразделений полиции, например, обучающихся, задержанных при распространении наркотических веществ, в том числе посредством бесконтактного способа в виде «закладок» с использованием сети Интернет, а также привлеченных к ответственности либо фигурировавших по материалам проверок, связанных с проявлениями экстремизма, или обучающихся, входящих в неформальные молодежные объединения противоправной направленности, таких как футбольные фанаты, скинхеды, готы, панки, рэперы, металлисты, свободные неформалы.

В то же время, ранее мы уже обращали внимание на то [7, с. 51–52], что порядок представления участковому уполномоченному полиции сведений о таких лицах ведомственными нормативными правовыми актами не урегулирован, что, в свою очередь, создает определенные трудности. Считаем, что решение данного вопроса может быть реализовано посредством принятия ведомственного нормативного правового акта, определяющего порядок обмена информацией о лицах вышеуказанной категории между сотрудниками оперативных подразделений полиции и участковыми уполномоченными полиции.

Инспекторы подразделений по делам несовершеннолетних располагают информацией об обучающихся лицах, ранее состоявших на учетах в органах внутренних дел, и могут дать детальную характеристику на них, а также рекомендовать участковому уполномоченному полиции конкретные формы и методы индивидуальной профилактической работы с ними. Полагаем, что полученная информация позволит заблаговременно планировать индивидуальную профилактическую работу с данной категорией лиц и вносить предложения непосредственному руководителю по повышению эффективности профилактической деятельности на территории образовательной организации. При этом участковый уполномоченный полиции обязан осуществлять свою деятельность с учетом организации учебного процесса, что обеспечит рациональное использование его служебного времени.

Еще одним фактором, влияющим на состояние правопорядка на административном участке с образовательными организациями, является использование возможностей общественных молодежных объединений в целях предупреждения административных правонарушений и преступлений со стороны обучающихся. Нельзя недооценивать помощь таких

объединений (лига студентов, студенческие советы, оперативные отряды и др.), имеющих реальный авторитет в студенческой среде.

Очевидно, что, наладив хорошее взаимодействие с общественными молодежными объединениями в образовательных организациях, участковый уполномоченный полиции имеет реальную возможность контролировать оперативную обстановку на территории административного участка и своевременно реагировать на ее изменения. Однако проведенный нами опрос показал, что в большинстве случаев участковые уполномоченные полиции игнорируют возможности таких общественных молодежных объединений, на наш взгляд, это является серьезным недостатком в профилактической работе с обучающимися*.

Кроме того, Наставление УУП возлагает обязанность на сотрудника полиции принимать участие в мероприятиях по проверке объектов образовательной организации, мест массового пребывания обучающихся на предмет антитеррористической защищенности. Если относительно первой группы объектов, как правило, вопросов не возникает, то понятие «места массового пребывания» вызывает разночтения. Для правильного понимания указанной дефиниции необходимо обратиться к федеральному законодательству и нормативным правовым актам Правительства Российской Федерации, регулирующим правоотношения в данной сфере.

В соответствии с действующим законодательством [2] под местом массового пребывания людей понимается «территория общего пользования поселения или городского округа либо специально отведенная территория за их пределами, либо место общего пользования в здании, строении, сооружении, на ином объекте, на которых при определенных условиях может одновременно находиться более пятидесяти человек». Кроме этого, Правительством Российской Федерации [3] установлены три категории мест массового пребывания людей (1 категория – место, в котором при определенных условиях может одновременно находиться более 1000 чел.; 2 категория – от 200 до 1000 чел.; 3 категория – от 50 до 200 чел.).

Следовательно, все объекты, расположенные на обслуживаемой территории, на которых при определенных условиях может одновременно находиться более пятидесяти обучающихся, подлежат обязательному обследованию на предмет антитеррористической защищенности. К таким объектам относятся площади, прилегающие скверы, аллеи, сценические площадки, стадионы, бассейны, спортивные комплексы образовательных организаций и т. д. Несомненную ценность в установлении на административном участке объектов с массовым пребыванием обучающихся имеют положения постановлений органов местного самоуправления [6], определяющие перечень таких мест на территориях муниципальных образований.

Не менее актуальным является положение Наставления УУП, возлагающее на участкового уполномоченного полиции обязанность по проверке объектов образовательной организации на предмет их технической укрепленности. Для иллюстрации данной обязанности уместно назвать действия сотрудника полиции при профилактическом обходе обслуживаемой территории. В частности, участковому уполномоченному полиции следует обращать внимание на техническую укрепленность окон, дверей, запасных входов (выходов) лекционных залов, учебных аудиторий, кафедр, служебных кабинетов, выяснять в процессе обследования, сдаются ли они под охрану (сигнализацию) в ночное время. В отдельных случаях необходимо установить вид охраны объектов образовательной организации, наличие у сотрудников охраны оружия, соответствующих разрешительных документов на осуществление охранной деятельности. Не может остаться без внимания и разъяснительная работа с сотрудниками охраны, профессорско-преподавательским составом и гражданами, работающими на объектах образовательной организации, о важности принятия мер по сохранности имущества, о целесообразности установки охранной сигнализации, о действиях в чрезвычайной ситуации, в том числе при угрозе совершения террористического акта.

---

* Результаты проводившегося в марте–апреле 2018 г. анкетирования 14 сотрудников структурных подразделений, ответственных за организацию воспитательной работы в образовательных организациях г. Барнаула.

Участковый уполномоченный полиции обязан оказывать, при необходимости, руководству и профессорско-преподавательскому составу образовательной организации организационно-методическую и правовую помощь по вопросам профилактики совершения обучающимися административных правонарушений и преступлений. Такая деятельность может заключаться:

- в проведении профилактических бесед с обучающимися по вопросам дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности;
- доведении информации о новых составах административных правонарушений, в том числе вследствие декриминализации составов преступлений, а также о иных изменениях в федеральном законодательстве;
- разъяснении механизма новых видов преступлений, связанных с мошенничеством, совершаемым с использованием современных технологий и в сети Интернет;
- демонстрации видеофильмов и презентаций, разработке памяток по действиям в чрезвычайных ситуациях, распространении печатной продукции, подготовленной органами внутренних дел для граждан, и др.

К сожалению, на практике участковые уполномоченные полиции, обслуживающие территории, на которых расположены образовательные организации, не уделяют соответствующего внимания вопросам организационно-методической и правовой помощи обучающимся и ограничиваются лишь периодическим посещением таких объектов*.

На наш взгляд, решить эту проблему можно посредством мониторинга административных участков с образовательными организациями руководителями подразделений участковых уполномоченных полиции с целью последующего морального или материального стимулирования сотрудников, имеющих реальные результаты в данной работе. Вместе с тем участковые уполномоченные полиции должны понимать, что формальное отношение к своим должностным обязанностям и отсутствие здоровой, творческой инициативы будет негативно сказываться не только на состоянии правопорядка на территории обслуживания, но и на общественном мнении о деятельности полиции.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
3. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий): постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 14. Ст. 2119.
4. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции: приказ МВД России от 16 сентября 2002 г. № 900 (документ утратил силу). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. О проведении обследования и категорирования мест массового пребывания людей на территории городского округа – города Барнаула Алтайского края: постановление администрации города Барнаула от 29 июня 2016 г. № 1277 // Вечерний Барнаул. 2016. 5 июля.
7. Гришаков А. Г. Индивидуальная профилактика в деятельности участкового уполномоченного полиции в современный период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63).

* Результаты проводившегося в марте–апреле 2018 г. анкетирования 14 сотрудников структурных подразделений, ответственных за организацию воспитательной работы в образовательных организациях г. Барнаула.

УДК 342.924

К ПРОБЛЕМЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНЫ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИАЛКОГОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (СТ. 20.20, 20.21 КОАП РФ)

Вячеслав Владимирович Волженин, старший преподаватель;

Татьяна Геннадьевна Кулакова, старший преподаватель

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: wuolfund@mail.ru

tgkulakova@mail.ru

Статья посвящена проблеме, возникающей у сотрудников некоторых территориальных органов внутренних дел (транспортная полиция, органы внутренних дел, расположенные на периферии, вдали от региональных центров) при привлечении к административной ответственности граждан, которые по определенным признакам находятся в состоянии опьянения. Проблема связана с невозможностью по различным причинам осуществить медицинское освидетельствование данных лиц, что приводит к прекращению производства по таким делам. Складывающаяся ситуация не отвечает одному из основных принципов административного права – принципу ответственности, а также негативно влияет на оценку деятельности территориальных органов внутренних дел. Предлагается несколько решений имеющейся проблемы.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях; мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; медицинское освидетельствование; освидетельствование.

THE PROBLEM OF PROOF OF GUILT IN CASES ON ADMINISTRATIVE OFFENCES PROVIDES FOR LIABILITY FOR VIOLATION OF ANTI-ALCOHOL LEGISLATION (ST. 20.20, 20.21 OF THE ADMINISTRATIVE CODE)

Vyacheslav Vladimirovich Volzhenin, senior lecturer;

Tatiana Gennadyevna Kulakova, senior lecturer

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article is devoted to the problem arising from the employees of some territorial bodies of internal Affairs (transport police, bodies located on the periphery, away from regional centers) in bringing to administrative responsibility of citizens who are intoxicated on certain grounds. The problem is related to the inability for various reasons to carry out medical examination of these persons, which leads to the termination of such cases. The current situation does not meet one of the basic principles of administrative law – the principle of responsibility, as well as a negative impact on the assessment of the activities of the territorial bodies of internal Affairs. Several solutions to the existing problem are proposed.

Keywords: manufacture on Affairs about administrative offences; measures of provision of production on Affairs about administrative offences; a medical examination; examination.

Одной из обеспечительных мер производства по делам об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за нарушение антиалкогольного законодательства, является медицинское освидетельствование на состояние опьянения граждан,

не являющихся водителями транспортных средств. Основания и порядок направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения определены в ст. 27.12.1 КоАП РФ (введена в 2014 г.), а также Правилами направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения [2]. Сам процесс освидетельствования, его порядок регламентированы приказом Министерства здравоохранения РФ от 18 декабря 2015 г. № 933н «О Порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)». Для сотрудников органов внутренних дел данный приказ представляет интерес, так как в п. 6 указанного приказа перечислены критерии, при наличии хотя бы одного из которых имеются достаточные основания полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование. К таким критериям относятся: запах алкоголя изо рта; нарушение речи; неустойчивость позы и шаткость походки; резкое изменение окраски кожных покровов лица.

О направлении на медицинское освидетельствование сотрудник полиции в соответствии с ч. 3–5 ст. 27.12.1 КоАП РФ должен составить протокол, а его копию вручить лицу, направляемому на медицинское освидетельствование. Сотрудникам полиции при составлении данного протокола необходимо указать хотя бы один из вышеперечисленных критериев как основание для направления на медицинское освидетельствование. Следует иметь в виду, что протокол о направлении на медицинское освидетельствование имеют право составлять сотрудники полиции, которые вправе составлять протоколы об административных правонарушениях в области антиалкогольного законодательства. Перечень должностей сотрудников органов внутренних дел с кругом полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях определен приказом МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание».

С применением норм административного законодательства, предусматривающих ответственность за употребление алкогольной продукции и нахождение в общественных местах в состоянии опьянения и одновременно в состоянии, которое оскорбляет человеческое достоинство, у сотрудников полиции в некоторых территориальных органах внутренних дел возникают проблемы. Связаны они с тем, что медицинское освидетельствование должно проводиться только в таких медицинских учреждениях, которые имеют лицензию на осуществление медицинской деятельности по оказанию соответствующей услуги. Однако не у всех территориальных органов внутренних дел имеется возможность в короткий промежуток времени осуществить такое медицинское освидетельствование по причине отсутствия соответствующего медицинского учреждения на территории обслуживания (например, в сельской местности). Аналогичная проблема возникает и у сотрудников транспортной полиции, осуществляющих сопровождение пассажирских поездов. Так, при следовании пассажирского поезда по некоторым территориям Дальневосточного региона (особенно в сельской местности), ввиду отсутствия таких медицинских организаций, нет возможности проведения медицинского освидетельствования в достаточно непродолжительный период времени с момента выявления административного правонарушения с тем, чтобы не исчезли основания, дающие право на проведение такого рода процедуры (критерии опьянения) [4, с. 169–170].

Отсутствие в материалах дела об административном правонарушении соответствующего акта о прохождении медицинского освидетельствования, подтверждающего факт нахождения гражданина в состоянии опьянения, является основанием для внесения протеста надзирающим за соблюдением законности при применении норм административного законодательства прокурором или сотрудником прокуратуры, за которым закреплена такая обязанность (заместитель прокурора, помощник прокурора). Как следствие, производство

по опротестованному прокурором делу об административном правонарушении сотрудникам органов внутренних дел (полиции) приходится прекращать. Таким образом, нарушается один из принципов административного права – принцип ответственности.

Одним из вариантов решения проблемы, на наш взгляд, является проведение сотрудниками полиции освидетельствования на месте с использованием технических средств измерения (алкотестера). Однако применение такого рода меры не будет являться правомерным.

Во-первых, данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении проводится только в отношении водителей транспортных средств соответствующего вида (ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ).

Во-вторых, в соответствии с п. 4 Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством [3], освидетельствование для установления факта нахождения гражданина в состоянии алкогольного опьянения проводится только должностными лицами, которым в соответствии с действующим законодательством предоставлено право на осуществление государственного контроля и надзора за безопасностью дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Такими должностными лицами в системе органов внутренних дел являются только сотрудники Госавтоинспекции (ГИБДД).

В-третьих, применяемые для освидетельствования лица технические средства измерения должны отвечать следующим требованиям (п. 5 вышеуказанных Правил):

а) обладать возможностью осуществлять запись результатов освидетельствования на бумажном носителе;

б) в установленном порядке быть поверены Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт);

в) быть разрешены Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор) к применению сотрудниками полиции;

г) быть поставлены на учет в Государственном реестре утвержденных типов средств измерений (Госреестр СИ).

В настоящее время в территориальных органах внутренних дел ни одно из подразделений, за исключением подразделений ГИБДД, не оснащено соответствующими техническими средствами измерения. А если таковые и имеются в некоторых подразделениях, то их применение и использование сотрудниками полиции является незаконным.

Одним из способов решения рассматриваемой проблемы, которое не противоречило бы действующему законодательству Российской Федерации, на наш взгляд, является осуществление производств по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.20, 20.21 КоАП РФ, сотрудниками полиции без применения такой административно-обеспечительной меры принуждения, как медицинское освидетельствование, проводимое в соответствии со ст. 27.12.1 КоАП РФ.

Факт наличия состояния опьянения у гражданина в таких случаях необходимо доказывать путем сбора иных доказательств виновности лица в совершении административного правонарушения.

Федеральным законом от 26 апреля 2016 г. № 114-ФЗ [1] в ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ были внесены изменения относительно того, что материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, сведения, размещенные на иных носителях информации, судьи, а также должностные лица, которые рассматривают дела об административных правонарушениях, должны обязательно принимать в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях. Исходя из этого положения, зафиксированная на карту памяти мобильного телефона запись поведения гражданина с признаками опьянения, произведенная сотрудниками полиции и затем перенесенная при помощи персонального компьютера, имеющегося в каждой дежурной части территориального органа внутренних дел, на какой-либо носитель информации (флэш-карта, CD-диск), должна быть отнесена правоприменителем к документам по делу об административном правонарушении и признана в качестве доказательства. Таким образом,

съемку поведения гражданина с фиксацией признаков состояния опьянения не обязательно осуществлять в рамках применения меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Необходимо подчеркнуть, что подобного рода процессуальные процедуры необходимо проводить для доказывания факта состояния опьянения у граждан лишь в случае отсутствия реальной возможности применения в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении медицинского освидетельствования (отсутствие медицинского учреждения, большой временной промежуток от момента выявления правонарушения до возможности проведения медицинского освидетельствования и др.).

Для полного исключения фактов прекращения производства по делам об административных правонарушениях в территориальных органах внутренних дел в связи с ненаправлением сотрудниками полиции на медицинское освидетельствование граждан с признаками опьянения предлагается внесение изменений в следующие нормативные правовые акты:

1. В статью 27.12.1 КоАП РФ в части возможности проведения сотрудниками органов внутренних дел не только медицинского освидетельствования, но и освидетельствования на состояние опьянения. Часть 1 данной статьи изложить в следующей редакции: «Лица, совершившие административные правонарушения (за исключением лиц, указанных в частях 1 и 1.1 статьи 27.12 настоящего Кодекса), в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, подлежат освидетельствованию на состояние опьянения. При отказе от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо несогласии указанного лица с результатами освидетельствования, а равно при наличии достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения указанное лицо подлежит направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения». Часть 2 начать словами: «Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и оформление его результатов, направление ...» и далее по тексту.

2. В Правила направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения [2], дополнив их порядком проведения освидетельствования на состояние опьянения.

Проанализировав нормативные правовые акты по рассматриваемой теме, а также складывающуюся практику применения административного законодательства в различных субъектах Дальневосточного федерального округа, авторы пришли к выводу, что отсутствие в материалах дела об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за нарушение антиалкогольного законодательства, такого документа, как акт медицинского освидетельствования, подтверждающего факт нахождения лица в состоянии опьянения (как правило, алкогольного), не может являться основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении и, как следствие, освобождения правонарушителя от ответственности. Вина граждан в совершении подобного рода правонарушений может быть доказана в ходе осуществления сотрудниками полиции иных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, в ходе которых необходимо применять средства видеофиксации с отметкой применения таких средств в соответствующем протоколе, либо обыкновенной записью на мобильный телефон с последующим предоставлением ее судьбе или должностному лицу, рассматривающему дело, в качестве доказательства.

В целях единообразного толкования нормативных правовых актов, связанных с доказыванием факта состояния опьянения у граждан и привлечения их к административной ответственности за нарушение антиалкогольного законодательства, руководителям территориальных органов внутренних дел рекомендуется инициировать рассмотрение данного вопроса с надзирающими прокурорами на совещаниях совместных рабочих групп.

Литература

1. О внесении изменения в статью 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении: федеральный закон от 26 апреля 2016 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 18. Ст. 2490.
2. Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения: постановление Правительства РФ от 23 января 2015 г. № 37 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 5. Ст. 817.
3. Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством: постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 27. Ст. 3280.
4. Мотрович И. Д. Предупреждение и пресечение органами внутренних дел (полицией) административных правонарушений в сфере общественного порядка, связанных с потреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции и появлением в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2014.

УДК 342.9

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Надежда Михайловна Тюкалова, профессор кафедры, кандидат юридических наук, доцент;
Алексей Владимирович Шевцов, адъюнкт
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: n.tyukalova@mail.ru
avshevtsovpk@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению истории развития государственных закупок в России, а также современным проблемным вопросам в данной сфере, с учетом имеющегося механизма правового регулирования действующей контрактной системы. Предложено авторское решение проблем минимизации должностными лицами административных правонарушений в сфере закупок на современном этапе.

Ключевые слова: история развития закупок; государственные закупки; контрактная система; административная ответственность.

THE INSTITUTE OF PUBLIC PROCUREMENT IN RUSSIA: HISTORY AND MODERNITY

Nadezhda Mikhailovna Tukulova, chair professor, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Alexey Vladimirovich Shevtsov, post graduate
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article is devoted to the history of the development of public procurement in Russia, as well as modern problematic issues in this area, taking into account the existing mechanism of legal regulation of the existing contract system. The author's solution of problems of minimization by officials of administrative offenses in the sphere of purchases at the present stage is offered.

Keywords: history of procurement development; public procurement; contract system; administrative responsibility.

История закупок в России берет свое начало с времен царя Алексея Михайловича и его именных указов 1654 г. «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей» и «О сборе хлебных припасов и денег для продовольствия ратных людей» [2, Т. 1. № 132, 139].

Развитие института государственных закупок в современном понимании этого слова связано с законотворческой деятельностью в период правления царя Петра I (с 1682 по 1721 г.). Фактически единственным государственным заказчиком в петровской Руси был царский двор и сам царь. Перестройка Петром I государственного аппарата и проведение конкурсных процедур привели к невиданной ранее коррупции. Казнокрадство и взяточничество достигли значительных размеров [4, с. 28–31]. Участились факты хищений (присвоений) казенных средств должностными лицами государства путем преступного сговора с участниками торгов.

В 1702 г. Приказу крепостных дел было вменено осуществлять учет выполненных подрядов. В связи с развитием института закупок на конкурсной основе Петром I была создана Канцелярия подрядных дел, в компетенцию которой входил контроль поставок товаров. Канцелярия подрядных дел находилась в подчинении Канцелярии Камер-коллегии. За недобросовестное исполнение подрядчиками договорных обязательств с них и поручителей сделок взимались штрафы и пеня. Кроме того, к провинившимся применялись меры физических

наказаний. В компетенцию Канцелярии подрядных дел входил жесткий контроль по выявлению фактов злоупотреблений полномочиями должностными лицами при проведении торгов, с целью хищений государственных средств, на этапах: установления цены поставки товара; выбора исполнителя; приемки выполненных работ.

Указом Петра I от 5 сентября 1702 г. «О писании в контрактах на перевоз казенных тяжестей и всяких припасов, что заключающий сей контракт обязуется взятые вещи доставить в надлежащее по договору место и сдать приемщикам в целости; о штрафах за неисполнение сей обязанности, и о взыскании за вещи утраченные и испорченные» были приняты первые меры «по защите прав потребителей». К нечестным поставщикам за некачественное исполнение договорных обязательств предьявлялись штрафные санкции [2, Т. 4].

Практический опыт формирования системы открытых торгов по определению подрядчиков на поставки товаров для государственных нужд способствовал совершенствованию законодательных актов, регламентирующих процесс закупки и применяемые меры принуждения к нечестным поставщикам.

В сенатском решении от 3 июня 1714 г. «Об опубликовании указов о подрядах и продажах» указывалось на необходимость публичного оповещения о результатах проведенных торгов для государственных нужд [2, Т. 5]. Кроме объявления победителей торгов, на городских воротах развешивали информационные листы о проводимых конкурсах, в которых указывалось о предоставляемых подрядчикам льготных преимуществах.

В целях ужесточения наказания за совершение должностными лицами служебных преступлений Петром I был издан Указ от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов» [2, Т. 5], согласно которому лица, совершившие коррупционные преступления, подвергались жестокому наказанию, лишались имущества, чинов и званий, а за хищения казенных средств в особо крупных размерах – смертной казни. Такие же санкции были предусмотрены и в отношении соучастников и свидетелей хищений государственных средств, не сообщивших о преступлении. Уголовная ответственность за взяточничество Петром I была введена Указом «О пресечении грабительств в народных сборах, о платеже всех податей вместе на четыре срока и о способах взыскания недоимок». Впоследствии хищение казенных денежных средств уже по санкциям приравнивалось к государственной измене.

Принимаемых государством жестких мер принуждения оказалось недостаточно. Повсеместно продолжались хищения государственных средств. Петром I в очередной раз был изменен порядок и процедура проведения торгов. Сенатским указом 1721 г. «О борьбе с подложными ценами и коррупцией» дополнительно были установлены меры физической и материальной ответственности для государственных должностных лиц и поставщиков, в том числе предусмотрен возврат переплаченных подрядчику денежных сумм и установлен денежный штраф. Пунктом 15 Указа от 5 апреля 1722 г. «Регламент Адмиралтейства и верфи» определено, «каким образом подрядчиков сыскивать и с ними договариваться» [2, Т. 6]. В тексте данного указа отражены такие принципы, как конкурентность, гласность, открытость, доступность. В нем была предусмотрена возможность заключения договора со вторым номером, по более высокой цене. Запрещалось допускать к участию в конкурсах лиц без предьявления документа, подтверждающего отсутствие долговых обязательств. До 1731 г. в Регламент вносились изменения и дополнения.

В целях совершенствования действующего законодательства императрицей Анной Иоанновной был подписан Указ от 23 июня 1731 г. «Регламент Камер-коллегии» [2, Т. 8]. В нем устанавливалась выплата казной в пользу подрядчика неустойки-пени в размене 2 % (затем 4 %) в месяц за задержку в оплате выполненных работ.

Следующим документом, призванным совершенствовать институт закупок в России, стал утвержденный 9 января 1758 г. императрицей Елизаветой Петровной «Регул провиантского правления», регулирующий поставки продовольствия [2, Т. 15]. В данном документе уделено

внимание принципу эффективности расходования казенных средств. Участникам конкурса сообщались условия поставки, а также они предупреждались о недопустимости подлога и сговора с конкурентами. Устанавливалось положение о производстве закупки по неизменным ценам.

В 1775 г. в ходе реформы государственного управления Императрицей Екатериной II утвержден Акт «Учреждение о губерниях», в котором представлена ст. 118 «О контрактах по подряду, поставках и откупах» [2, Т. 15], обобщающая накопленный опыт проведения торгов в то время.

Манифестом «О разных дарованных народам милостях» (1793 г.) предписывалось освобождать подсудимых по делам казенным или уголовным, если эти дела длились более 10 лет и еще не были закончены, прощать недоимки потомкам умерших поставщиков, освобождать заключенных, отсидевших более 5 лет и действительно неспособных заплатить казенную недостачу [2, Т. 23]. При неисполнении по неуважительной причине договорных обязательств по поставке товара, выполнению работ, оказанию услуг, по срокам виновник (или его родственники) попадал в кабальную зависимость или высылался в ссылку. При срыве заключенной сделки государство проводило заготовку продуктов своими силами, но произведенные расходы на выплату жалованья служащим, проезд и перевозку закупленных товаров возлагались к уплате за счет недобросовестного подрядчика, который обязан был их оплатить.

Следует отметить указ 1800 г., в котором впервые была определена разница между подрядами и поставками.

В период правления Александра I (с 1801 по 1825 г.) полностью пересмотрено законодательство о закупках для государственных нужд. Было издано 107 нормативных правовых актов, регламентирующих проведение торгов. В 1802 г. издан Устав «О провианте для продовольствия войск», которым были введены новые правила по заключению договоров поставок [2, Т. 27], в частности, устанавливалось, что для заключения договоров на поставку товаров необходимо использовать «справочные цены», определялся порядок образования первоначальной цены товара для проведения торгов.

В целях противодействия ограничению конкуренции в 1815 г. был издан указ, предусматривающий возможность заказчика дробить крупные заказы на более мелкие и передавать их для исполнения разным поставщикам [2, Т. 33]. Высокая цена контракта предусматривала большую сумму залогового обеспечения в счет исполнения принятых обязательств, что ограничивало конкуренцию.

Распоряжение 1818 г. «О мерах к отвращению промедлений платежа поставщикам по заключенным с ними в казенных местах подрядах» устанавливало материальную ответственность государственных служащих за просрочку сроков оплаты выполненных работ или оказанных услуг в виде оплаты штрафов [2, Т. 35].

Следует подчеркнуть, что значительная часть норм законодательных актов периода правления Николая I (1825–1855 гг.), в области поставок для государственных нужд, была использована в современном законодательстве России. В 1830 г. было принято Положение «Об обязательствах, заключаемых казной и частными людьми по подрядам и поставкам». Это был единый, подробный и полный документ для руководства в государственных закупках. В него был включен предыдущий полезный опыт проведения закупок. Нормы данного положения действовали до Октябрьской революции 1917 г.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало наказания к виновным должностным лицам за нарушение требований установленных процедур отбора поставщиков, в том числе за нарушение сроков распечатывания конвертов с предложениями; шантаж участников процедур торгов; вступление служащих в торги через третьих лиц; допущение к процедурам торгов неправомочных лиц; приписки и прием некачественных товаров, работ, услуг [3, Т. 20]. Для борьбы с коррупцией были введены регулярные ревизии хозяйственной деятельности и суды над государственными служащими.

В период правления Александра III (1881–1894) были предприняты меры по изживанию коррупционных проявлений и злоупотреблений в сфере закупок для государственных нужд, в том числе для служащих введены ограничения и запреты.

В 1900 г. Николаем II было принято Положение «О подрядах и поставках», используемое до октября 1917 г., которое определяло следующие способы проведения процедур торгов: изустные (аукционы); предоставление запечатанных в конверты предложений; смешанные торги [4, с. 28–31].

В 1921 г., с провозглашением в стране новой экономической политики, была восстановлена системы конкурсных подрядов, учреждена рабоче-крестьянская инспекция, в функции которой входил контроль за проведением торгов, утверждено новое Положение «О поставках и подрядах». В 1923 г. функции контроля за проведением торгов были переданы Совету труда и обороны, которым также было принято новое положение, используемое до 1930 г.

Возврат к проведению процедур торгов в России произошел с принятием Закона РФ от 28 мая 1992 г. № 2859–1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд», Федерального закона от 6 мая 1999 г. № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд».

Необходимость коренных изменений в системе размещения заказов потребовала принятия специального закона о размещении заказов для нужд публичных образований.

С принятием Федерального закона от 21 июня 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» в стране была создана система государственных закупок, но она оказалась несовершенной, так как при практическом использовании норм названного закона обнаруживались его противоречия ряду нормативных правовых актов Российской Федерации.

Проведя анализ действующего в настоящее время Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [1], а также других подзаконных актов, которые в совокупности образуют контрактную систему, приходим к выводу, что в них нашел свое отражение веками накопленный Россией положительный опыт проведения закупок, в частности, гласность и открытость процедур торгов, обеспечение конкуренции, единство системы закупок, ответственность за результативность и эффективность проведения закупок и т. д. В современных торгах продолжают использоваться аукционы, ведение статистики цен, способы определения начальной максимальной цены контракта, реестр недобросовестных поставщиков и т. д. За несоблюдение требований контрактной системы предусмотрена административная ответственность. Например, за несоблюдение требований законодательства РФ о контрактной системе, ограничение конкуренции – по ст. 7.29 КоАП РФ; за нарушение порядка определения начальной максимальной цены контракта – ст. 7.29.1 КоАП РФ; за нарушение срока и порядка оплаты товаров, работ, услуг – ст. 7.32.1 КоАП РФ; за нарушение порядка и (или) сроков возврата денежных средств, внесенных в качестве обеспечения заявок на участие в определении поставщика, – ст. 7.31.1 КоАП РФ и т. д.

Современная контрактная система в сфере закупок использует новейшие технологии единой информационной сети Интернет, обеспечивает открытость торгов и прозрачного механизма отбора поставщиков, значительно расширяет возможности поставщиков (подрядчиков) для участия в закупках, создавая равные и выполнимые конкурентные условия. Проведение процедур торгов в электронной форме, подписание контрактов электронной цифровой подписью значительно упрощает процесс заключения контрактов и способствует обеспечению открытости и прозрачности проведения торгов, позволяет снизить субъективизм и коррупционные риски, увеличить количество участников закупок, эффективнее расходовать бюджетные средства.

Необходимо отметить, что имеющиеся проблемы действующего законодательства, регламентирующего контрактную систему и процесс закупки, напрямую связаны со значительной объемностью, сложностью в использовании и противоречивостью ряда положений Закона № 44-ФЗ по отношению к другим нормативным правовым актам Российской Федерации. Указанные недостатки законодательства контрактной системы способствуют допущению нарушений действующего законодательства, за которые предусмотрена административная ответственность.

Так, например, ч. 2 ст. 34, п. 1 ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ установлено положение о недопустимости изменения существенных условий контракта в части увеличения либо уменьшения не более чем на десять процентов. При заключении контрактов на оказание услуг по водо-, тепло-, газо- и энергоснабжению, из-за невозможности проведения точных расчетов потребления услуг и соответственно цены контрактов на календарный год, принимаются за основу объемы потребления и суммы контрактов предыдущего календарного года, но эти расчеты и объемы приблизительны и подлежат последующей корректировке.

Коммунальные услуги оплачиваются за фактически потребленные объемы, исходя из ежемесячных показаний приборов учета, а при их отсутствии либо нахождении в нерабочем состоянии оплата проводится по средним расчетным показателям. В соответствии с ежегодно утверждаемым бюджетом и доведением лимитов бюджетных обязательств на текущий финансовый год необходимо ежегодное заключение контрактов на оказание коммунальных услуг со сроком оказания услуг с 1 января по 31 декабря календарного года.

Во исполнение п. 13.1 ст. 34 Закона № 44-ФЗ в контракты включаются обязательные условия о порядке и сроках оплаты услуг. Срок ежемесячной оплаты заказчиком оказанной услуги, по окончании текущего месяца, должен составлять не более тридцати дней с даты выставления поставщиком счета на оплату. Счета на оплату услуг водо-, тепло-, газо- и энергоснабжению за декабрь поступают заказчику только в январе следующего календарного года. В связи с окончанием одного финансового года и наступлением другого оплатить в январе кредиторскую задолженность за оказанные коммунальные услуги в декабре прошедшего календарного года в установленный срок не более тридцати дней с даты выставления поставщиком счета на оплату в государственных учреждениях системы МВД России не представляется возможным. Доведение дополнительных лимитов бюджетных обязательств главным распорядителем бюджетных средств на оплату кредиторской задолженности предыдущего года осуществлялось в течение первого квартала (как правило, в марте). Необходимо отметить, что заключение соглашений к контрактам предыдущего финансового года об изменении (увеличении, уменьшении) цены контрактов, по окончании сроков их действия (после 31 декабря), в течение первого квартала следующего года будет являться изменением существенных условий, что является нарушением ст. 95 Закона № 44-ФЗ. Кроме того, при указанных корректировках часто допускается увеличение либо уменьшение цен контрактов более чем на десять процентов, что также является нарушением требований Закона № 44-ФЗ. За все вышеуказанные нарушения Закона № 44-ФЗ, КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, например: ч. 4 ст. 7.32 КоАП РФ – нарушение порядка заключения, изменения контракта влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере 20000 руб., на юридических лиц – 200000 руб.; ч. 1 ст. 7.32.5 КоАП РФ – нарушение срока и порядка оплаты товаров, работ, услуг при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд влечет наложение административного штрафа в размере от 30000 до 50000 руб.

В 2017 г. имели место и продолжают случаться в текущем году факты планирования и доведения лимитов бюджетных обязательств главным распорядителем финансовых средств в начале финансового года на оплату коммунальных услуг не в полном объеме от заявленной годовой потребности. Дополнительно лимиты на оплату коммунальных услуг в 2017 г. дово-

дидлись во втором полугодии, что повлекло бездоговорное потребление государственными учреждениями коммунальных услуг. Кроме того, невозможность оплаты оказанных в декабре 2017 г. коммунальных услуг в установленный Законом № 44-ФЗ и контрактами в тридцатидневный срок также повлекли просрочку сроков оплаты. Обращения поставщиков коммунальных услуг с исками в судебные органы о взыскании сумм неустоек (штрафов, пени) повлекли неоправданные потери средств федерального бюджета.

Проведенный анализ причин допущения должностными лицами нарушений законодательства, регламентирующего контрактную систему в сфере закупок, показал, что большинство нарушений Закона № 44-ФЗ, за которые предусмотрена административная ответственность, допущены должностными лицами (работниками), проводящими процедуры закупок, без умысла на совершение правонарушений, а вследствие неопытности, незнания положений Закона № 44-ФЗ, а также по ряду других объективных причин.

Например: постановлением о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении № 21–06/128–17АД от 16 июня 2017 г., в соответствии с ч. 1.4 ст. 7.30 КоАП РФ, за нарушение установленного ч. 3 Постановления Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1093 «О порядке подготовки и размещения в Единой информационной системе в сфере закупок отчета об исполнении государственного (муниципального) контракта и (или) о результатах отдельного этапа его исполнения» семидневного срока размещения в единой информационной сети сведений об исполнении четырех государственных контрактов должностному лицу заказчика назначено наказание в виде административного штрафа в размере 15000 руб. Суть дела состоит в том, что согласно информации, размещенной в ЕИС, заказчик оплатил обязательства по контрактам 30.12.2016, 28.12.2016, 30.12.2016, 13.01.2017, а отчеты об исполнении данных контрактов размещены заказчиком в ЕИС соответственно 03.04.2017, 04.04.2017, 03.04.2017, 04.04.2017*.

В настоящее время существенной проблемой для государственных учреждений является нехватка квалифицированных специалистов в сфере закупок. Согласимся с мнением Я. В. Коженко, которая полагает, что кадровый «голод» в сфере закупок стал нормой [5]. Отмечается низкий уровень профессионализма трудоустраиваемых работников, отсутствие у них необходимых практических знаний и умений для выполнения мероприятий по проведению процедур торгов. Кроме того, некомпетентность конкурсных управляющих является причиной допущения нарушений при проведении процедур торгов и заключении контрактов. По этой же причине многие виды способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), предусмотренные ст. 24 Закона № 44-ФЗ, в силу своей сложности остаются невостребованными или редко применяются.

Между тем, согласно ст. 9 Закона № 44-ФЗ, контрактная система в сфере закупок предполагает деятельность заказчика на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок. Заказчику предписывается принимать меры по поддержанию и росту уровня квалификации и профессионального образования должностных лиц, занятых в сфере закупок, в том числе путем повышения квалификации или профессиональной переподготовки.

В то же время необходимо отметить, что законодатель, устанавливая строгую административную ответственность за нарушения требований Закона № 44-ФЗ, не проработал государственные системные проекты по комплексной подготовке специалистов в сфере закупок. Образовательные учреждения высшего образования не проводят обучение по специальности «Специалист в сфере закупок».

В связи с объемом и сложностью исполнения законодательства, регламентирующего сферу закупок, недостаточно просто прочитать Закон № 44-ФЗ или прослушать часовые

* Управление федеральной антимонопольной службы по Камчатскому краю. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

курсы повышения квалификации или переподготовки. Большую часть необходимых знаний работник может получить только опытным путем. Коммерческие организации, которые осуществляют краткосрочные теоретические программы повышения квалификации и переподготовки в сфере закупок, просто не способны подготовить высококвалифицированных специалистов. В масштабе страны, на теоретическое обучение государственные и муниципальные учреждения расходуют неоправданно большие суммы денежных средств, которые могли быть востребованы в других секторах экономики.

В целях принятия мер по профилактике нарушений законодательства Российской Федерации, регламентирующего контрактную систему в сфере закупок, а также для минимизирования коррупционных проявлений, защиты государственных и муниципальных экономических интересов от безответственного отношения недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), повышения их дисциплинированности и более ответственного подхода к добровольно взятым на себя обязательствам предлагается:

1) на уровне государственных образовательных учреждений высшего образования ввести обучение по специальности «Специалист в сфере закупок»;

2) в Постановление Правительства Российской Федерации от 13 января 2014 г. № 19 «Об установлении случаев, в которых при заключении контракта в документации о закупке указывается формула цены и максимальное значение цены контракта», уточняющее положение ч. 2 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, внести дополнение следующего содержания: «заключение контракта на оказание услуг по водо-, тепло-, газо- и энергоснабжению»;

3) в пункт 13.1 ст. 34 Закона № 44-ФЗ внести дополнение об установлении срока оплаты заказчиком оказанных услуг в декабре по водо-, тепло-, газо- и энергоснабжению, не более девяноста дней с даты подписания заказчиком документа о приемке либо в течение первого квартала следующего года;

4) главному распорядителю финансовых средств планировать и доводить в начале финансового года нижестоящим государственным учреждениям в полном объеме лимиты бюджетных обязательств на оплату коммунальных услуг из расчета годовой потребности;

5) главному распорядителю финансовых средств изменить и упростить существующую процедуру оплаты кредиторской задолженности предыдущего финансового года с возможностью оплаты из лимитов текущего финансового года, с последующим дофинансированием.

В заключение следует отметить, что исполнение вышеизложенных предложений окажет положительное влияние на надлежащее исполнение должностными лицами государственных учреждений своих обязанностей, на минимизацию нарушений Закона № 44-ФЗ.

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1831. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Гончаров Е. Государевы нужды в допетровскую эпоху // Конкурсные торги. 2000. № 5.
5. Коженко Я. В. Проблемы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: от злоупотребления властью до управления рисками при реализации проектов государственно-частного партнерства в России. URL: [/https://novainfo.ru/article/9814](https://novainfo.ru/article/9814) (дата обращения: 26.05.2018).

УДК 342.98

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ И БОЕВЫХ ПРИЕМОВ БОРЬБЫ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Сергей Олегович Цекун, доцент кафедры;

Ирина Александровна Симакина, доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент (Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: serrb.ru@mail.ru

jazimina@inbox.ru

В статье рассмотрены условия, порядок и пределы применения физической силы сотрудниками полиции. Проанализирована действующая нормативно-правовая база, регулирующая деятельность сотрудников полиции, связанную с применением физической силы.

Ключевые слова: применение физической силы; пресечение правонарушений; неповиновение; преодоление противодействия.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF APPLICATION OF PHYSICAL FORCE AND MILITARY RECEPTIONS OF STRUGGLE AGAINST POLICE EMPLOYEES

Sergey Olegovich Tsekunov, chair associate professor;

Irina Aleksandrovna Simakina, chair associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article deals with the conditions, procedure and limits of the use of physical force by police officers. The current regulatory and legal framework regulating the activity of police officers related to the use of physical force has been analyzed.

Keywords: use of physical force; suppression of offenses; disobedience; overcoming of counteraction.

В условиях достаточно высокого уровня преступности и сохраняющегося правового нигилизма в стране сотрудникам ОВД постоянно приходится сталкиваться с фактами сопротивления, оказываемого преступниками, а также при задержании правонарушителей. В уличных условиях вести эффективное сопротивление сотрудникам полиции достаточно сложно, поскольку психологический стресс, а также нестандартные условия значительно усложняют процесс задержания правонарушителя. В экстремальных условиях, связанных с применением физической силы, задержанием правонарушителя, отражением нападения, важнейшим гарантом успешного выполнения служебных задач является физическая и правовая подготовленность сотрудника полиции. Не подготовленный в достаточной мере, не знающий нормы, регулирующие применение физической силы и боевых приемов борьбы, не имеющий навыков боевых приемов борьбы, сотрудник ОВД при выполнении служебных обязанностей рискует жизнью и здоровьем, а также служебной карьерой и даже свободой. Ведь неправомерное применение физической силы может повлечь ответственность вплоть до уголовной.

Деятельность, связанная с применением мер непосредственного принуждения, является одним из важных элементов системы правоохранительной деятельности сотрудников полиции. В частности, применение физической силы – наиболее часто применяемая мера в оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции в ситуациях силового противодействия правонарушителям.

Основаниям, условиям, пределам и порядку действий сотрудников ОВД в оперативно-служебных ситуациях, связанных с применением физической силы, посвящены соответствующие статьи Федерального закона «О полиции» [1]. Так, закрепленные законодательством основания применения физической силы представлены в ст. 20 указанного нормативного правового акта, которая говорит, в частности, о том, что сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения или группы применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей. В качестве случаев, когда это возможно делать, установлены:

- 1) необходимость пресечения преступлений и административных правонарушений;
- 2) обязательность осуществления доставления в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции и т. п. лиц, совершивших преступление или административное правонарушение, а также задержания этих лиц;
- 3) необходимость преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции.

Кроме того, сотрудник полиции имеет право применять физическую силу во всех случаях, когда Федеральным законом «О полиции» разрешено применение специальных средств или огнестрельного оружия.

Применение физической силы – это проявление любой мускульной деятельности сотрудником полиции самой по себе или воздействующей на правонарушителя и его имущество, например, в виде задержания правонарушителя, преследования убегающего правонарушителя, а также открытия, выбивания двери, помещения правонарушителя в специальный автомобиль и т. п. При этом допускается применение боевых приемов борьбы – средств физического воздействия на человека из любых направлений и видов единоборств (бокс, кикбоксинг, карате, различные виды борьбы, рукопашный бой и др.).

Вторая часть рассматриваемой нами статьи своей формулировкой значительно расширяет перечень указанных частью первой оснований применения физической силы, давая сотруднику полиции возможность применять по своему усмотрению физическую силу (в том числе боевые приемы борьбы), при этом в отдельных, исключительных случаях разрешается использование «опасных» приемов и использование «мощных» ударов частями тела, которые могут нанести серьезное ранение преступнику, а также повлечь причинение смерти.

Под условиями в широком смысле понимаются законодательно установленные обстоятельства, от которых зависят конкретные действия сотрудника полиции перед, в момент и после применения им физической силы. К их числу можно отнести:

- 1) наличие специальной подготовки, а также прохождение периодических проверок на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением мер непосредственного принуждения;
- 2) наличие нормативных оснований для их применения;
- 3) отсутствие нормативных ограничений на применение непосредственного принуждения;
- 4) соотношение сил сотрудника полиции и правонарушителей, численность и вооруженность последних и т. д.

Условия имеют непосредственное юридическое значение при оценке законности действий полиции. При решении вопроса о выборе того или иного средства физического принуждения, более детально следует охарактеризовать ряд дополнительных условий, с учетом которых должен действовать сотрудник полиции при применении физической силы. Так, применяя физическую силу, сотрудник полиции должен действовать с учетом создавшейся обстановки, которая характеризуется многими факторами: возрастом, физическими возможностями посягающего и обороняющегося, наличием оружия, местом, временем нападения и рядом других, в том числе признаками первоначального поведения правонарушителя, его активным

или пассивным исходным положением. Это очень важный аспект, поскольку при активном исходном положении правонарушитель ожидает и видит начальный момент применения к нему физической силы, находится в боевой стойке, держит оружие либо подручные средства в боевом или скрытом положении. В такой ситуации он может проводить атакующие действия первым либо контратаковать после первоначальных действий сотрудника.

При пассивном исходном положении правонарушитель не видит начальный момент применения к нему силы со стороны сотрудника, находится в произвольной стойке, оружие либо подручные средства держит в произвольном положении. В такой ситуации он может проводить действия защиты, контратаки только в ответ на угрозу голосом, на начавшееся применение к нему физической силы со стороны сотрудника полиции.

Необходимо также учитывать характер и степень опасности действий лиц, в отношении которых применяется сила. Это условие характеризуется тем, что конкретно совершил правонарушитель – административный проступок или преступление и какой степени тяжести. Соответственно, сотруднику полиции необходимо избирать применение того или иного боевого приема борьбы, способного причинить больший или меньший вред здоровью лица, в отношении которого он применяется. Из смысла обеспечения законности при применении физической силы следует, что все боевые приемы борьбы необходимо классифицировать в соответствии со степенью опасности для жизни и здоровья лица, в отношении которого они применяются.

Возможная классификация, как и любое деление, довольно условна и зависит от ряда факторов. Во-первых, от координационной сложности некоторых приемов и длительности их осваивания; во-вторых, от уровня освоенности каждого приема в отдельности конкретным сотрудником полиции и умения контролировать силу его применения; в-третьих, от умения сотрудника применить прием в зависимости от правовых признаков сложившейся ситуации.

С учетом этого можно разграничить ситуации, связанные с применением боевых приемов борьбы сотрудниками полиции, по степени тяжести причиняемого вреда здоровью и использовать их на практических занятиях по профессионально-прикладной физической подготовке.

Следующее условие обязывает сотрудника учитывать характер и силу сопротивления, оказываемого правонарушителями или преступниками. Для соблюдения этого условия необходимо руководствоваться признаками их реальных действий. Поведение лица, совершившего административное правонарушение либо преступление небольшой либо средней тяжести, может выражаться в оказании активного неповиновения, при котором имеет место уклонение от физического принуждения со стороны сотрудника, или в оказании пассивного неповиновения. Такая ситуация сопровождается обычно следующими признаками: правонарушитель не выполняет устные распоряжения и требования сотрудника, не атакует его ударами и захватами, но активно противодействует действиям физического принуждения сотрудника; срывает захваты, освобождается от сковывания, стремится убежать, сопротивляется передвижению либо переноске, оказывает силовое противодействие, не двигается по указанию (стоит, сидит, лежит, не идет, не садится в транспорт, не выходит из него и т. д.).

Другое дело – ситуация, связанная с применением физической силы в отношении опасного или особо опасного преступника, когда его действия характеризуются активным сопротивлением, то есть активным физическим противодействием сотруднику с применением атакующих действий (удары различными предметами и частями тела, использование приемов борьбы, оружия и т. д.).

Перечисленные условия взаимосвязаны друг с другом и в основном обязывают сотрудников полиции учитывать тот факт, совершило физическое лицо административное правонарушение или преступление и какой степени тяжести. В соответствии со степенью тяжести содеянного правонарушителем будет оказываться более или менее ожесточенное сопротив-

ление, а сотрудник полиции, в свою очередь, при исполнении служебных обязанностей будет применять более или менее адекватные меры непосредственного принуждения.

Пределы применения физической силы, которые определяет законодатель, – это установленные границы, выход за которые влечет юридическую ответственность. Сотрудникам полиции необходимо знать, что применение физической силы возможно и допустимо до тех пор, пока в этом есть необходимость, предусмотренная законом. В случаях, когда основания применения физической силы заканчиваются, ее применение будет признано незаконным. В данном случае речь может идти о нанесении ударов правонарушителю, когда он, например, освобожден от наручников и не оказывает сопротивления и т. д.

Общим правилом действий сотрудников в допустимых законодательством пределах применения мер непосредственного принуждения является требование ст. 19 Федерального закона «О полиции», которое обязывает стремиться к минимизации любого причиняемого ущерба. Исходя из смысла данного принципа, становится очевидным, что если есть возможность, вред вообще не должен причиняться; в случаях, когда это неизбежно, необходимо предпринять все меры для того, чтобы вред был минимизирован.

Порядок применения физической силы – это алгоритм установленных законом действий сотрудника полиции. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 5 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции при обращении к гражданину обязан:

- назвать свою должность, звание, фамилию, предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения;

- в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основания таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина.

Кроме того, указанный нормативный правовой акт обязывает сотрудника полиции в понятной форме предупредить соответствующее лицо о намерении применить меры непосредственного принуждения, предоставив правонарушителю время для выполнения предъявленных требований. Однако здесь же оговариваются ситуации, когда предупреждение не дается и время не предоставляется.

О перечисленных аспектах сотруднику полиции необходимо помнить всегда, когда он выполняет свои служебные обязанности, особенно, если они связаны с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности, поскольку никогда нельзя знать наперед, понадобится ли применение физической силы или иных мер непосредственного принуждения в конкретной ситуации.

На протяжении многих лет авторами данной статьи осуществляется ежедневное обучение и подготовка будущих сотрудников органов внутренних дел к действиям в условиях возможного применения мер непосредственного принуждения. Деятельность эта обычно осуществляется с разных сторон – с юридической и тактической. Однако, основываясь на своем опыте, мы можем полагать, что наиболее эффективным будет объединение усилий, причем не только кафедрами физической подготовки и административного права и административно-служебной деятельности ОВД, но и психологами и иными заинтересованными лицами. Такое объединение позволит обеспечить ситуацию, когда у будущих полицейский сразу будет формироваться целостное представление о том, можно ли совершить конкретное действие в данной ситуации и что может повлечь за собой его совершение. Кроме того, с психологической точки зрения сотрудник полиции будет подготовлен лучше, если теоретические знания, практика действий и их нормативное закрепление будут представляться единым блоком.

Таким образом, приоритетной целью применения физической силы для сотрудника полиции является пресечение правонарушений и задержание лиц, их совершивших, которое характеризуется достижением полного контроля над их действиями с использованием

мер непосредственного принуждения, предусмотренных законодательством для каждой оперативно-служебной ситуации, складывающейся в процессе осуществления профессиональной деятельности. Достижению этой цели должно способствовать качественное обучение будущих сотрудников органов внутренних дел, осуществляемое с разъяснением теоретических и практических аспектов применения мер непосредственного принуждения в целом и физической силы в частности, с одновременным закреплением нормативных основ данной деятельности.

Литература

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Татьяна Петровна Курганникова, старший преподаватель
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: ugpd@rambler.ru

tatkur.kms@gmail.com

В настоящей статье авторами рассмотрены современные возможности дактилоскопической идентификации в раскрытии и расследовании преступлений. Особое внимание уделено автоматизированной информационной дактилоскопической системе «Папилон», которая является составляющей большого раздела – криминалистической регистрации.

Ключевые слова: следы рук; дактилоскопическая идентификация; правовое регулирование; АДИС «Папилон»; дактилоскопическая регистрация.

MODERN POSSIBILITIES OF FINGERPRINT IDENTIFICATION IN DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, chair professor, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation;

Tatyana Petrovna Kurgannikova, lecturer
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

In the present article the authors consider the modern possibilities of fingerprint identification in the detection and investigation of crimes. Special attention is paid to the automated information fingerprint system «Papilon», which is a part of a large section-forensic registration.

Keywords: fingerprints; fingerprint identification; regulation; ADIS «Papilon»; fingerprint registration.

Организация и проведение осмотра места происшествия и производство иных следственных действий в период раскрытия и расследования преступления сопряжено с определенными трудностями. Информация, выявленная и зафиксированная следователем, может иметь основополагающее значение в доказывании вины или невиновности задержанного

лица. В результате исследования обнаруженных объектов появляется возможность работникам правоохранительных органов изобличить и задержать лицо, совершившее преступление.

Обратим внимание на то, что среди обнаруженных в результате следственных действий следы рук человека занимают одно из основных мест в группе следов-отображений. Это связано с тем, что свойства папиллярных узоров – устойчивость, неповторимость, восстанавливаемость, отображаемость – в следах пальцев рук имеют достаточно высокий процент постоянства на протяжении всей жизни человека. Дело в том, что временной фактор наименее искажает частные признаки кожного покрова человека в целом и папилляров в частности. В настоящее время конкурентом в популярности применения дактилоскопического исследования может выступать лишь генотипоскопическая экспертиза, но ее, по нашему мнению, необходимо проводить параллельно с дактилоскопической.

Важным фактором, предопределяющим успех, а также эффективность применения дактилоскопии, считается уровень ее информационного обеспечения. Практика борьбы с преступностью показывает, что ее эффективность находится в прямой зависимости от используемых для этого средств и методов. В криминалистике накоплен опыт применения математики, информатики, кибернетики, эргономики для решения широкого круга криминалистических задач [4, с. 204].

Взаимосвязь генетики и папиллярных узоров напрямую просматривается в науке дерматоглифике [7]. Иными словами, для криминалистики имеет интерес потожировое вещество (для генетиков – потовое вещество, жир они не исследуют), именно за счет него происходит отображение на следовоспринимающей поверхности. Однако, если след малоинформативен за недостаточностью количества в папиллярном узоре частных признаков, то всегда есть возможность провести генотипоскопическую экспертизу.

Учитывая, что криминалистика непрерывно развивается по всем своим направлениям, наибольший научно-технический прорыв связан с автоматизацией криминалистических учетов, которые помогают оперативно, по горячим следам осуществлять поиск и задержание лица, совершившего преступление. Значительное содействие в установлении лица, оставившего следы пальцев рук на месте происшествия, оказывает автоматизированная информационная дактилоскопическая система АДИС (далее – АДИС «Папилон»), которая является составляющей большого раздела – криминалистической регистрации. Осуществление таких проектов дактилоскопической регистрации с возможностью перехода на всеобщую дактилоскопическую регистрацию, с обеспечением быстрого (в течение нескольких минут) поиска по десяткам и даже сотням миллионов дактилоскопических карт с отпечатками пальцев рук, находящихся в базе данных, возможно только благодаря автоматизированным системам.

Так, с помощью АДИС «Папилон» в Хабаровском крае в 2017 г. по горячим следам было проверено 2353 следа рук, по ним установлено 859 лиц, что на 31 % выше показателя 2016 г. (установлено 600 лиц). Кроме того, при помощи этой системы в 2017 г. установлено 2225 лиц по 2554 уголовным делам, что на 12 % выше показателя 2016 г. (установлено 1971 лицо по 2257 уголовным делам), из них 504 лица, причастных к совершению преступления*. За первое полугодие 2018 г. установлено 1086 лиц по 1351 уголовному делу**.

Таким образом, отмечается значительный рост фактов выявления преступников благодаря системе АДИС «Папилон». Вместе с тем достаточно острой остается проблема загрязнения (контаминации) следовой обстановки на месте происшествия и на осматриваемых объектах сотрудниками правоохранительных органов. Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии элементарных криминалистических знаний в области правил работы (обнаружение, фиксация, изъятие и сохранность) со следами на месте происшествия.

---

* Статистические данные отдела АДИС по ДФО ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю // Архив отдела АДИС по ДФО ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю за 2015–2017 гг.

** Отчет о работе отдела АДИС по ДФО ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю за шесть месяцев 2018 г.

Рассматривая правовую основу дактилоскопической регистрации, следует напомнить, что 25 июля 1998 г. Президентом РФ был подписан Закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [1]. На основании его были разработаны Инструкция по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации, а также Правила ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденные приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 [2], которые регламентируют деятельность правоохранительных органов в обозначенной сфере.

Так, в Инструкции по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов ОВД РФ предложена система хранения и поиска экспертно-криминалистической информации об объектах учета, реализуемая для решения задач оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений по уголовным делам. Осуществление и ведение экспертно-криминалистических учетов возложено на подразделения органов внутренних дел на различных уровнях в зависимости от категорий преступлений и по территориальному принципу.

Необходимо отметить, что картотечная регистрация, которая применялась с конца XIX в. и почти весь XX в., относительно неплохо решала задачи по установлению личности субъекта, совершившего преступление, или обнаруженного неопознанного трупа при наличии десяти пальцев рук. Картотека состояла из 1024 разделов по дактилоскопической формуле, однако использовались и вероятностные формулы при отсутствии каких-либо пальцев. Со временем бумажные карточные системы и картотеки морально устарели. С одной стороны, они способствовали раскрытию и расследованию преступлений по горячим следам, но с другой – процесс обработки следов был очень медленным. Это привело к разработке новых технологий в автоматизации дактилоскопических учетов в 1970–1980-х гг. Так, с середины 1980-х гг. начали появляться первые автоматизированные дактилоскопические информационные системы: «Morpho» (Франция), «NEC» (Япония), «Printrak» (США). В России из этих систем использовалась только «Morpho» (УВД г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа, начало эксплуатации – 1994 г.), впоследствии она была заменена на отечественную АДИС.

Разработчиком программы «Папилон» считается В. Л. Шмаков, эксперт-криминалист ГУВД Челябинской области, который использовал метод математического описания папиллярных узоров кожного покрова человека. Первые попытки запуска и апробирования программы прошли 20 июня 1989 г. Однако сразу использовать программу во всех регионах России не получилось, и только начиная с 1992 г., она стала быстро приобретать популярность среди работников правоохранительных органов. С 2002 г. федеральная программа автоматизации дактилоскопических учетов АДИС «Папилон» применяется в подразделениях правоохранительных органов во всех регионах.

Программа АДИС «Папилон» решает следующие задачи:

- 1) установление личности граждан по отпечаткам и следам рук, обнаруженным в результате производства различных следственных действий, в частности, путем проведения оперативных проверок личности по отisku пальца в режиме реального времени;
- 2) идентификация неопознанных трупов;
- 3) установление причастности лица к ранее совершенным преступлениям;
- 4) профилактика правонарушений и преступлений;
- 5) объединение преступлений, совершенных одним и тем же лицом в одно уголовное дело.

Используемая работниками правоохранительных органов автоматизированная система обеспечивает максимальную автоматизацию регистрации дактилоскопической информации в базе данных. Так, каждая дактилоскопическая карта, находящаяся в базе данных, хранит изображение 10 отпечатков прокатанных пальцев и отисков ладоней зарегистрированного

лица, а также фото его внешности и особые приметы, демографическую и другую сопроводительную информацию.

Следует отметить, что первые версии АДИС «Папилон» в большинстве случаев требовали ручной коррекции папиллярных узоров следов пальцев рук, а также тщательного и многовариантного кодирования типа и вида узора. В настоящее время реализуется современная версия, которая осуществляет кодирование всех отпечатков пальцев рук, отображенных как в самой дактилоскопической карте, так и в следах, обнаруженных в результате производства следственных действий, в автоматическом режиме.

Обратим внимание на то, что операторы системы АДИС «Папилон» имеют доступ к производству судебной дактилоскопической экспертизы и являются специалистами в данной области.

На сегодняшний день регистрацию в АДИС «Папилон» прошли более 70 % граждан России. Пополнение базы осуществляется как при добровольной дактилоскопической регистрации (например, при поступлении на службу в правоохранительные органы), так и при задержании лиц, совершивших административное правонарушение или по подозрению в совершении преступления, а также в результате обнаружения неопознанных трупов и последующего их дактилоскопирования.

Для решения следственных, оперативных и экспертных задач с помощью АДИС «Папилон» осуществляются [3]:

- дактилоскопическая регистрация личности;
- регистрация следов пальцев рук и ладоней;
- обмен данными;
- мультибиометрия;
- кодирование и поиск (карта – карта, карта – след, след – след);
- работа с разномасштабными изображениями;
- работа со следами с малым количеством частных признаков;
- работа с дактокартами трупов;
- оперативная проверка личности.

Современные возможности системы позволяют просмотреть информацию, прилагаемую к дактилокарте лица [6]:

- фото лица в анфас и профиль (пригодны для производства портретной экспертизы);
- изображение радужных оболочек глаз;
- трехмерное изображение лица;
- образцы почерка;
- обмен габитоскопической информацией с другими системами;
- описание ДНК и/или других биометрических признаков.

Следует обратить внимание на то, что не все вышеперечисленные дополнительные опции должным образом пополняются и работают в разных регионах, а это является проблемой в использовании сопроводительной информации к дактилокарте, в том числе и при производстве судебных экспертиз по факту обнаружения следов пальцев рук [5].

После ввода следов пальцев рук в базу АДИС «Папилон» оператор производит просмотр списка кандидатов из представленных системой дактилокарт. После этого каждая дактилоскопическая карта подлежит просмотру специалистом, т. е. визуальному исследованию с применением сравнительного анализа, после чего делается положительный или отрицательный вывод. Данное исследование с полученными результатами является одним из видов дактилоскопической идентификации личности с применением автоматизированных систем.

Особого внимания заслуживает оперативная проверка субъекта, которая относится к одному из способов идентификации личности при помощи автоматизированных и свя-

занных друг с другом систем АДИС «Папилон». Обозначенный способ проверки является уникальным техническим достижением при идентификации личности на месте нахождения субъекта, например, при задержании на месте происшествия или в месте нахождения при проведении обыска и т. д. Сущность проверки заключается в том, что задержанное лицо просит приложить палец руки в дактилоскопическое окно сканера – стационарного прибора ДиПП системы АДИС «Папилон», после чего происходит дальнейший прием запроса. Его проверка по базе данных дактилокарт и формирование (передача) результата на периферийную станцию выполняются в течение 1–3 минут в АДИС автоматически, уже без участия оператора. На табло ДиПП приходит следующая информация: демографические данные (ФИО, прописка, место рождения, дата рождения), изображение внешности (при наличии фотографии в дактилокарте), данные о нахождении лица, например, объявлено в розыск или выехало за пределы России.

В то же время существуют и проблемы в использовании оперативных проверок лиц при помощи системы АДИС «Папилон». В частности, стационарными приборами ДиПП оснащены далеко не все подразделения правоохранительных органов, и, более того, не во всех городах России они имеются. Причина видится в недостаточном материально-техническом обеспечении в системе МВД России.

Можно привести большое количество примеров раскрытия преступлений с использованием АДИС «Папилон», однако объем статьи не позволяет это сделать. Сошлемся лишь на один пример удачной работы системы.

На правой обочине проезжей части по ходу движения автомобиля был совершен наезд на велосипедиста, который вследствие получил телесные повреждения, характеризующиеся как тяжкий вред здоровью. Пострадавший длительное время находился в бессознательном состоянии, не мог в полной мере осознавать происходящее, не реагировал на звуки, на непродолжительное время была утрачена речевая функция. В связи с проверкой по материалу по факту дорожно-транспортного происшествия следователем были взяты образцы отпечатков пальцев рук, составлена дактилоскопическая карта на неустановленного пешехода, после чего направлена для проверки в руководство АДИС «Папилон» по регистрационным учетам. В результате по материалам проверки были установлены анкетные данные пешехода, получившего повреждения в результате ДТП на 27 км автодороги Хабаровск – Находка*.

Таким образом, автоматизированная дактилоскопическая система «Папилон» позволяет установить обстоятельства, существенные для расследования: во-первых, выявить преступника из числа подозреваемых; во-вторых, идентифицировать личность преступника; в-третьих, обнаружить факт совершения нескольких преступлений одним лицом; в-четвертых, расширить объем информации об обстоятельствах того или иного преступного деяния.

Из приведенного анализа можно заключить, что за многие годы накопленная база данных следов пальцев рук и ладоней, непрерывное совершенствование программного обеспечения самой системы для осуществления 100 %-ной автоматической идентификации личности, взаимодействие с другими информационными системами, внедрение биометрических возможностей – все это делает АДИС «Папилон» современной инновационной идентификационной системой, не имеющей аналогов в мире.

---

* Уголовное дело № 122458 // Архив Центрального районного суда г. Хабаровска за 2017 г.

Литература

1. О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3806.
2. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. АДИС ПАПИЛОН. Современные биометрические решения. URL: <http://www.papillon.ru/rus/16/> (дата обращения: 10.06.2018).
4. Бугаев К. В. Современные возможности исследований потожировых следов человека и место таких исследований в системе судебных экспертиз // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики: межвуз. сб. науч. тр. 2004. № 3.
5. Мерецкий Н. Е. О расширении использования специальных познаний при производстве судебных экспертиз // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина): сб. мат-лов межвуз. науч.-практ. конф., 23–24 апреля 2009 г. М.: Академия управления МВД России, 2009.
6. Михайлов А. А. Основные биометрические системы // Все о биометрии в России. 2016. № 2. URL: <http://www.biometrics.ru> (дата обращения: 10.06.2018).
7. Яровенко В. В. Криминалистическая дерматоглифика: монография. Владивосток: ДВФУ, 2011.

УДК 343.98

ВЕДОМСТВЕННЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мария Викторовна Серебрянникова, заместитель начальника кафедры, кандидат юридических наук;

Виктор Анатольевич Серебрянников, профессор кафедры, кандидат педагогических наук, профессор;

Владимир Станиславович Кшевин, заместитель начальника института (по учебной работе), кандидат педагогических наук, профессор (Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: ms050307@mail.ru

sportdvui@mail.ru

В настоящей статье авторы обращаются к проблемам, возникающим в случаях применения преступниками орудий правонарушений и осуществления сотрудниками полиции правомерных действий по обезоруживанию и сохранению имеющихся следов правонарушителя на изъятом оружии в целях доказывания причастности преступника к совершенному правонарушению. Поднимается проблема относительно несоответствия требований действующих нормативных документов, устанавливающих последовательность основных действий сотрудника в условиях выполнения боевых приемов борьбы по обезоруживанию, основным криминалистическим рекомендациям и требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: Наставление по физической подготовке; физическая подготовка; сотрудник полиции; подбор ножа; защита от удара ножом; профессиональные компетенции; следы преступления.

THE DEPARTMENTAL NORMATIVE ACTS REGULATING THE ORDER OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS: CRIMINALISTIC ASPECT

Maria Victorovna Serebryannikova, deputy chair head, *kandidat nauk*, degree in Law;

Victor Anatolyevich Serebryannikov, chair professor, *kandidat nauk*, degree in Pedagogy, Professor;

Vladimir Stanislavovich Kshevin, deputy head (for academic work), *kandidat nauk*, degree in Pedagogy, Professor (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

In this article the authors address the problems that arise when criminals use tools of offenses and police officers carry out lawful actions to disarm and preserve the available traces of the offense on seized weapons in order to prove the involvement of the offender in the committed offense. The problem is raised about the inconsistency of the requirements of the existing regulatory documents that establish the sequence of the employee's main actions in the conditions of performing combat methods of fighting for disarming from the weapons to the main forensic recommendations and the requirements of the criminal procedure legislation.

Keywords: Instruction on physical training; physical training; police officer; selection of a knife; protection against blow by a knife; professional competence; traces of a crime.

В настоящее время к сотрудникам правоохранительных органов и к сотрудникам полиции, в частности, государством и обществом предъявляются высокие требования по обладанию такими компетенциями, как профессионализм и физическая подготовленность, знание нормативных правовых актов, умения и навыки их применения в своей служебной деятельности. Так, пункт 2 ч. 2 ст. 27 Федерального закона «О полиции» устанавливает, что «сотрудник полиции независимо от замещаемой должности, места нахождения и время суток обязан: ... принять меры по спасению граждан, предотвращению и пресечению преступления, административного правонарушения, задержанию лиц, подозреваемых в их совершении, ...» [1]. Исходя из содержания указанной правовой нормы следует, что каждый сотрудник полиции должен:

- неукоснительно выполнять возложенные на него права и обязанности;
- находиться в режиме постоянной готовности к применению мер физического воздействия и принуждения, обеспечения личной и общественной безопасности как в процессе исполнения своих служебных обязанностей, так и в свободное от службы время;
- обладать компетенциями по юридически грамотному обоснованию результатов своих действий.

Механизм практической реализации компетенций профессиональной подготовленности сотрудников полиции регламентирован различными нормативными правовыми документами, в том числе и Наставлением по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 (далее по тексту – Наставление).

Следует отметить, что по заключению Минюста России указанный приказ МВД России в государственной регистрации не нуждается (письмо Минюста России от 3 августа 2017 г. № 01/93074-МГ), так как в соответствии с п. 10. Постановления Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [3] государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, – приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450, и само Наставление подобных признаков не содержит.

В то же время государственная регистрация нормативного правового акта включает в себя:

- правовую экспертизу соответствия этого акта законодательству Российской Федерации;
- антикоррупционную экспертизу этого акта;
- принятие решения о необходимости государственной регистрации данного акта;
- присвоение регистрационного номера;
- занесение в Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти [3].

Анализируемый нами нормативный документ (Наставление) указанные процедуры не проходил. Очевидно, что принятию подобных актов (носящих довольно специфический и узконаправленный характер), на наш взгляд, должны предшествовать тщательная разработка, предварительное обсуждение, оценка и согласование со специалистами соответствующего профиля, особенно в области уголовно-процессуального права, административного права и процесса, криминалистики, уголовного права. Анализ содержания Наставления вынуждает констатировать тот факт, что данный документ не проходил указанные стадии подготовки, либо это было довольно поверхностно.

Между тем несоответствие положений подобного рода документов требованиям настоящего времени и складывающимся в практической деятельности сотрудников органов

внутренних дел ситуациям (часто экстремального характера), слабая регламентация либо отсутствие законодательного закрепления некоторых правовых и организационных аспектов, несоответствие подобных нормативных актов рамкам правового поля и процессуальным нормам – все эти обстоятельства отрицательным образом могут отразиться на процессе расследования преступления и доказывания причастности лица к совершенному преступному деянию, а также на правовой оценке законности действий самого сотрудника органов внутренних дел.

В рамках настоящей статьи мы затронем некоторые проблемные аспекты реализации только п. 56.34 Наставления, в котором представлен алгоритм действий сотрудника полиции по подбору ножа (предмета) после выполнения боевого приема борьбы. Из текста указанной нормы следует, что «на загибе руки за спину, зафиксировав нож стопой, вынудить ассистента встать на колени, прижать своим туловищем его туловище к опоре, подобрать нож (предмет), при этом нож берется за рукоятку (лезвием вниз). Подняв ассистента, перейти на загиб руки за спину».

Отметим, что в практической деятельности сотрудника полиции возникают различные ситуации, когда он должен предпринять меры по обезоруживанию и задержанию лица с ножом либо иным предметом, используемым в качестве оружия (например, нападение на самого сотрудника при выполнении служебных обязанностей, предотвращение сотрудником полиции какого-либо преступления и т. п.). Каждая подобная ситуация при наличии всех признаков должна расцениваться как правонарушение, а действия лица, нападавшего с ножом (предметом), должны квалифицироваться по соответствующей норме Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях либо Уголовного кодекса Российской Федерации. В связи с этим обращает на себя внимание соответствие содержания п. 56.34 Наставления задачам и назначению уголовного и административного судопроизводства в целом и порядку привлечения лица, совершившего правонарушение, к ответственности и доказыванию его причастности к совершенному преступному деянию в частности.

Во-первых, исходя из тактики выполнения действий по подбору ножа (предмета) следует: авторы Наставления изначально предполагают, что всегда, вне зависимости от сложившейся ситуации и обстановки (в частности, места), в которой выполняется подбор ножа (предмета), должна быть какая-либо опора, к которой сотрудник полиции должен прижать своим туловищем стоящее на коленях обезоруженное лицо, после чего поднять нож (предмет). Буквальное толкование указанного алгоритма действий сотрудника указывает на обязательное наличие именно вертикальной опоры, возле которой обязательно упадет нож (предмет) в результате обезоруживания. Однако вероятность того, что нож (предмет) после выполнения боевого приема борьбы всегда будет расположен возле опоры, причем именно вертикальной, весьма сомнительна. Таким образом, в ситуациях, когда боевые приемы борьбы производятся на открытых участках местности, где отсутствуют вертикальные объекты и в качестве опоры может выступать, например, земельное покрытие, либо когда нож (предмет) после обезоруживания в помещении упал на значительном расстоянии от вертикальной опоры (например, стены) и в качестве опоры может выступить только пол помещения, применить представленный в Наставлении алгоритм действий уже не представляется возможным. Альтернативных вариантов действий сотрудника полиции в данном случае не представлено.

Во-вторых, анализируя содержание п. 56.34 Наставления с уголовно-правовой и криминалистической точек зрения, следует четко понимать, что именно в данном случае понимается под «ножом» и «предметом». Действующее уголовное законодательство в ряде диспозиций статей, устанавливая ответственность в основном за совершение преступлений против личности и собственности, указывает в качестве орудия преступления «оружие» или «предметы, используемые в качестве оружия» (например, п. «г» ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 162 УК РФ и т. д.). При этом конкретные виды оружия: «холодное оружие», «огнестрельное оружие» и «оружие массового поражения» – являются предметом иных преступлений, не имея отношения

к орудиям преступления. Такие термины, как «нож» и «предмет», уголовное законодательство не содержит. В законодательстве об административных правонарушениях хотя и указывается на иные виды оружия (пневматическое, охотничье и т. д.), такой вид, как «холодное оружие», вообще не предусмотрен.

В то же время Федеральным законом «Об оружии» установлено, что под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов [2]. В разделе криминалистики «Оружиеведение» (раздел криминалистической техники) изучаются различные виды оружия, классифицируемые в зависимости от типа, вида и иных оснований. Разновидностью оружия является нож [5; 6], который только по результатам экспертного исследования холодного оружия может относиться к гражданскому холодному и метательному оружию либо быть предметом хозяйственно-бытового назначения, конструктивно сходным с клинковым холодным оружием, но таковым не являющимся. Таким образом, чтобы признаваться оружием преступления или предметом, используемым в качестве оружия, обязательно проведение криминалистической экспертизы. На данное требование указывает и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя, что при квалификации действий виновного по ч. 2 ст. 162 УК РФ судам следует с учетом положений Федерального закона «Об оружии» и на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием [4].

В то же время остается неясным вопрос, что же авторы Наставления относят к «предмету»: либо предмет, конструктивно схожий с ножом, либо любой иной предмет, используемый в качестве оружия. При этом следует учитывать, что в последнем варианте в качестве предмета могут выступать и различные крупногабаритные предметы (палки, биты, стулья и т. п.), с которыми осуществить порядок действий, указанный в п. 56.34 Наставления, будет весьма затруднительно. При этом из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации также следует, что под предметами, используемыми в качестве оружия, следует понимать любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т. п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами [4, п. 23].

В-третьих, с криминалистической точки зрения в анализируемом нами случае основной акцент ставится даже не на вид и тип оружия (несомненно, данный вопрос является важным обстоятельством, обязательным для установления при расследовании преступления), а на внешнее строение и конструктивные особенности ножей, на которых могут быть обнаружены различные следы преступления.

Очевидно, что в ходе расследования преступления необходимо собрать все возможные доказательства, подтверждающие причастность лица к совершенному деянию. В то же время, регламентированный Наставлением алгоритм подбора ножа (предмета) изначально влечет за собой порчу либо уничтожение материальных следов, которые в последующем могут быть положены в основу обвинения лица в преступлении и иметь решающее значение в ходе расследования.

В зависимости от материала покрытия основных частей, количества и характера мелких деталей и частей и других качественных характеристик ножа или предмета, используемого в качестве оружия, часто зависит и остающийся на нем след его применения. Так, при визуальном осмотре ножа на месте его обнаружения можно выявить следующие типичные следы: следы пальцев рук; потожировые следы человека; следы крови; запаховые следы; различные микрочастицы и микрообъекты (ткань, полимерный материал, частицы кожи, почвы и т. д.). О доказательственном значении изъятия и дальнейшего экспертного исследования указанных следов говорить не приходится в силу их очевидности. При этом указанные следы

могут быть обнаружены на различных основных частях ножа: клинке, упоре (ограничителе) и рукояти, не исключая и иные конструктивные особенности ножей, исходя из их назначения и принципа действия.

В связи с этим остро стоит вопрос о сохранности следов на ноже, если сотрудник полиции, согласно требованиям Наставления, должен сначала зафиксировать нож ногой, а потом его самостоятельно поднять за «рукоятку»*, при этом предполагается, что с поднятым ножом сотрудник должен еще проводить какие-либо манипуляции (например, убрать за ремень, передать иному сотруднику и т. п.). Подобные действия еще больше снижают процент сохранности следов для их дальнейшего изъятия и работы с ними, в том числе для дальнейшей идентификации личности правонарушителя. То же самое относится и к предмету, используемому в качестве оружия.

Исходя из сказанного следует, что рассматриваемый порядок действий с ножом и следами его применения явно противоречит тактике выявления, фиксации и изъятия следов преступления (к которым относится и сам нож либо предмет), рекомендации и требования которой на протяжении длительного времени вырабатывались и научно обосновывались, наукой криминалистикой апробировались в практической деятельности правоохранительных органов, а некоторые рекомендации и требования закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве. Анализируемая норма Наставления препятствует сбору всех возможных следов преступления непосредственно на месте совершения правонарушения, разнясь с нормами, регламентирующими порядок проведения необходимых процессуальных действий, направленных на сохранение доказательной информации.

В-четвертых, в случаях, когда после проведения боевого приема борьбы и обезоруживания лица следует наступление правовых последствий в виде возбуждения уголовного дела либо дела об административном правонарушении, нож (предмет) может выступать в качестве основного доказательства виновности либо невиновности лица, его применившего. Указанное следствие вытекает из п. 4 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Согласно данной норме, в качестве доказательств по уголовному делу допускаются вещественные доказательства, которыми в соответствии с п. 1, 2 ч. 1 ст. 81 УПК РФ, помимо иных, признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления, либо предметы, на которые были направлены преступные действия.

Для того, чтобы предметы приобрели процессуальный статус вещественных доказательств, в соответствии с ч. 2 ст. 81 УПК РФ они должны быть осмотрены сотрудниками предварительного расследования. После этого выносится постановление о признании их вещественными доказательствами и приобщении их к уголовному делу. Однако прежде необходимо, чтобы предметы были изъяты из окружающей среды в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Смоделируем следующую типичную ситуацию: при нападении преступника с ножом (предметом) на сотрудника полиции, выполняющего служебные обязанности, последний в целях самообороны и обезоруживания преступника применяет боевой прием борьбы, в результате которого нож (предмет) оказывается на земле.

В данной ситуации в действиях нападающего усматриваются признаки уголовно наказуемого общественно опасного деяния. Для того, чтобы нож (предмет) в порядке уголовного судопроизводства в дальнейшем приобрел статус вещественного доказательства, он должен быть изъят в результате проведения следственного действия – осмотра места происшествия.

---

* Отметим, что, согласно п. 6.7. ГОСТ Р 51215–98. Государственный стандарт Российской Федерации. Оружие холодное. Термины и определения (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 17 декабря 1998 г. № 401), часть холодного оружия, с помощью которой его удерживают рукой (руками) и управляют при применении, называется «рукоять».

Для этого необходимо вызвать следственно-оперативную группу*. Возникает вопрос: как в соответствии с законодательством должен поступить сотрудник полиции, если Наставление обязывает его поднимать нож (предмет) указанным выше способом?

Конечно, сотрудник полиции вправе и самостоятельно поднять нож (предмет), доложить о происшедшем в отдел полиции, провести ряд иных установленных законом действий. И только в рамках уже возбужденного уголовного дела у сотрудника, поднявшего нож (предмет), можно произвести его выемку. Однако вероятность того, что у сотрудника полиции на руках будут в это время перчатки и что при нем будет соответствующая упаковка для обеспечения сохранности следов на ноже (предмете), – нулевая. В связи с этим, возвращаясь к вопросу о сохранности возможных следов и своевременности назначения соответствующих экспертиз, целесообразна ли указанная процедура подбора ножа (предмета) после выполнения боевого приема борьбы?

В-пятых, к алгоритму действий, указанных в п. 56.34 Наставления, имеются и вопросы с позиций технико-тактической возможности их осуществления и психологической оценки. Смоделируем еще одну типичную ситуацию: сотрудник полиции обезоружил и сковал боевым приемом борьбы лицо, которое пыталось убить сотрудника либо нанести вред его здоровью по различным субъективным причинам (по причине неприязни к сотруднику, в целях сокрытия следов преступления, под влиянием алкоголя, наркотических средств или психотропных веществ и т. п.). Очевидно, что в подобной ситуации преступник будет продолжать оказывать физическое сопротивление сотруднику полиции даже скованный болевым приемом «загиб руки за спину». Даже поставив его (преступника) на колени и прижав к опоре, при попытке поднять оружие сотрудник полиции непроизвольно ослабляет произведенный захват, тем самым предоставляя преступнику, хотя и минимальную, но возможность для определенного действия, которой он может воспользоваться для своего освобождения и дальнейшего продолжения сопротивления. Чьей победой закончится борьба – еще вопрос.

А если сотрудник, действуя в соответствии с установленным порядком, все-таки поднял нож за рукоять лезвием вниз, но преступник продолжает оказывать сопротивление? Исключить случай нанесения телесных повреждений сотрудником полиции преступнику невозможно, и тогда правомерность действий сотрудника полиции может подвергнуться сомнению.

Таким образом, проведенный анализ п. 56.34 Наставления, предлагающего алгоритм действий сотрудника полиции по подъему ножа (предмета), выявил ряд существенных вопросов и замечаний, которые требуют дальнейшего тщательного обсуждения и пересмотра данного пункта.

Полагаем, что сотрудники органов внутренних дел на практических занятиях в рамках боевой и служебной подготовки должны вырабатывать и отрабатывать только те навыки и умения по выполнению определенных нормативов, которые не создадут реальной угрозы для жизни, здоровья и правового статуса самого сотрудника и лиц, его окружающих, в определенной ситуации, а также не повлекут в дальнейшем порчу или утрату вещественных доказательств. В связи с этим необходимо более тщательно подходить к разработке и принятию подобных нормативных актов, в том числе для того, чтобы сотрудник полиции, применив боевой прием борьбы, мог четко понимать алгоритм выполняемых им действий после выполнения приема и юридические последствия, которые могут наступить в результате.

Сказанное свидетельствует о том, что разработка алгоритмов действий сотрудников полиции в таких ситуациях требует учета мнений специалистов и при этом соблюдения личной безопасности и процессуальных норм законодательства. Отметим также, что обучать сотрудников полиции порядку подбора оружия и предметов, используемых в качестве оружия, и требовать выполнения этих действий так, как они описаны в Наставлении, в том числе в ходе

* В данном случае опускается алгоритм действий сотрудника при выявлении правонарушения, поскольку не является предметом настоящего исследования.

проведения инспекторских и контрольных проверок в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, нельзя.

Литература

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 07.03.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 07.03.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (ред. от 31.07.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. ГОСТ Р 51500–99. Государственный стандарт Российской Федерации. Ножи и кинжалы охотничьи. Общие технические условия (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 23 декабря 1999 г. № 667-ст) (ред. от 18.04.2005). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. ГОСТ Р 51215–98. Государственный стандарт Российской Федерации. Оружие холодное. Термины и определения (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 17 декабря 1998 г. № 401). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.985

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Николай Александрович Моисеев, заместитель начальника кафедры, кандидат юридических наук, доцент;

Николай Георгиевич Новоселов, старший преподаватель
(Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина)

E-mail: moiseev68@yandex.ru
nick.novoseloff2018@yandex.ru

Статья посвящена актуальным вопросам получения информации, находящейся в сотовом телефоне, при проведении оперативно-розыскных мероприятий и при расследовании уголовных дел. Обращено внимание на получение данной информации двумя способами – дистанционно и непосредственно при наличии мобильного телефона. Рассматривается порядок получения информации о детализации телефонных соединений, местонахождении абонентского устройства. Анализируется соотношение оперативно-розыскных мероприятий «наведение справок» и «снятие информации с технических каналов связи» при получении информации о детализации телефонных соединений. Приводятся теоретические и практические аспекты получения информации, хранящейся в сотовом телефоне.

Ключевые слова: телефон; телефонная связь; мобильные устройства; сотовый телефон; SIM-карты; IMEI-номер телефона; устройство криминалистического исследования «UFED».

USE OF MOBILE COMMUNICATION CAPABILITIES TO ESTABLISH FACTUAL CIRCUMSTANCES IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Nikolai Alexandrovich Moiseev, deputy chair head, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Nikolay Georgievich Novoselov, senior lecturer
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

The article is devoted to topical issues the information held in a cell phone during search operations and in the investigation of criminal cases. Attention is drawn to receive this information in two ways to remotely and directly by mobile phone available. And explains how to obtain information about the content detail of telephone connections, the location of the subscriber unit. Analyzed the ratio of operational-search activities «inquiries» and «of information from technical communication channels» in obtaining information about the detail of telephone connections. Given theoretically and practical aspects of obtaining information stored in a cellular phone.

Keywords: phone; telephone; mobile; cell phone; SIM-cards; IMEI-number of the phone; the device forensic investigation «UFED».

В настоящее время развитие телекоммуникационных технологий привело к широкому распространению различных средств мобильной связи. Наиболее широко используется и интенсивно развивается сотовая мобильная телефонная связь, включая в этот процесс все слои населения нашей страны. При этом активно развивается не только коммуникационная составляющая, но и материальная сторона мобильной связи – сотовые телефонные аппараты.

Несомненно, покупка телефонов очень популярна среди россиян. В 2017 г. на одном из самых популярных в России сайтов «Avito» продано 1,6 млн телефонов. Подкатегория

«Телефоны» стала лидирующей в разделе «Бытовая электроника», и доля от общего спроса составила около 50 %. Кроме того, спросом пользуются и SIM-карты. Численность населения в Российской Федерации составляет около 140 млн человек. С 2008 г. российские операторы сотовой связи суммарно продали 1,1 млрд SIM-карт, а общее число абонентов сотовой связи в стране составляет чуть более 250 млн.

Одним из видов связи является телефонная связь. Телефонная связь – это передача и прием речевой информации между абонентами, удаленными друг от друга на различное расстояние, осуществляемые посредством электрических сигналов. Распространение таких электрических сигналов может производиться или по проводам, или радиосигналами. Мобильная же связь – это связь между абонентскими беспроводными устройствами, находящимися в динамическом или статистическом состоянии, осуществляемая по радиоканалу.

Одним из видов мобильной связи является сотовая связь. Принцип ее действия заключается в том, что общая зона покрытия отдельных базовых станций делится на ячейки (соты). Соты частично перекрываются и вместе образуют сеть. Совокупность ячеек составляет зону обслуживания.

Повсеместное использование различных современных информационных сетей в обществе стало результатом того, что электронные мобильные устройства (телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры, мобильные процессоры и т. д.) все чаще становятся как объектами преступлений, так и средством (орудием) их совершения.

Так, на территории Белгородской области в 2017 г. зарегистрировано 719 преступлений, где предметом преступного посягательства являлся мобильный телефон, 412 преступлений совершены с использованием средств сотовой мобильной связи.

Одним из главных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на 2018 г. является повышение эффективности деятельности и сосредоточение усилий на борьбе с мошенничествами всех форм, в том числе совершаемых с использованием информационных технологий.

Проведенный нами анализ зарегистрированных на территории Белгородской области мошенничеств, совершаемых бесконтактным способом, позволяет сделать вывод о том, что более 70 % данных преступлений совершено с использованием мобильных телефонов.

Сотовый телефон сегодня – это не только средство для разговора двух человек между собой. Сегодня сотовый телефон представляет собой универсальное устройство с функциями телефона, компьютера, фотоаппарата, видеокамеры, диктофона, записной книжки и т. д. Данный список не является полным, и возможности сотовых телефонов этим не исчерпываются. При таком разнообразии функций и возможностей сотовый телефон может стать источником бесценной информации как при проведении оперативно-розыскных мероприятий, так и при расследовании уголовных дел [1]. Особое значение имеет своевременное получение из мобильных устройств важной информации в отношении лиц, причастных к совершению преступлений, уже на первоначальных этапах раскрытия и расследования преступлений. Несомненно, получение и анализ такой информации позволит сделать вывод о причастности лиц к конкретному преступлению, о совершении ими аналогичных преступлений в определенный период времени, а также установить их связи, места сбыта похищенного и т. д.

По нашему мнению, получение такой информации может осуществляться двумя способами: 1) дистанционно, 2) непосредственно при наличии мобильного телефона.

Рассматривая первый способ получения информации, следует отметить, что все мероприятия проводятся оперативными сотрудниками негласно, т. е. скрытно от владельца мобильного телефона, в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий, на основании и в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», или сотрудниками следственных подразделений в рамках расследуемых уголовных дел. Данные мероприятия проводятся только на основании судебного решения по конкретному номеру абонента или по IMEI-номеру телефона.

В рамках расследования уголовных дел у операторов сотовой связи сотрудниками органов внутренних дел запрашивается следующая информация:

- о лице, на чье имя зарегистрированы указанные абонентские номера;
- об электронных (IMEI) номерах абонентских устройств (сотовых телефонов), работавших с SIM-картами;
- о других SIM-картах, работавших в указанный период времени с установленным абонентским устройством (сотовым телефоном);
- о детализации соединений данных номеров с иными номерами, с указанием адресов расположения базовых станций.

Получение детализации соединений возможно при проведении следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» [6] и оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» [5]. В некоторых регионах России, в том числе и в Белгородской области, получение данной информации осуществляется при проведении оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» [2].

По нашему мнению, контроль технических каналов связи подразумевает осуществление контроля за определенными процессами с помощью специальных технических средств. Наведение справок же предполагает сбор уже имеющихся сведений, содержащихся в базах данных. В связи с тем, что вышеперечисленная информация содержится в базах данных операторов сотовой связи и использование каких-либо технических средств не требуется, то получение детализации соединений необходимо оформлять как оперативно-розыскное мероприятие «наведение справок».

По этому поводу Генеральная прокуратура РФ дважды давала разъяснения, которые, к сожалению, оказались взаимоисключающими и лишь обострили дискуссию. Первоначально в письме от 19 марта 1999 г. № 36–609/166–99 было сказано, что получение сведений о входящих и исходящих вызовах, о номерах абонентов, продолжительности их переговоров, а также об индивидуальных частотных характеристиках приемопередающей аппаратуры абонентов связи следует рассматривать как наведение справок, не требующее судебного решения. Однако через два с половиной года Генеральная прокуратура изменила свою позицию и подготовила по этому же вопросу другое разъяснение. В письме от 19 декабря 2001 г. № 16/3-р-01 сообщалось, что истребование сведений о проводимых с определенного телефона переговорах – о входящих и исходящих звонках – без решения суда является неправомерным и исполнению не подлежит.

Немаловажным для сотрудников органов внутренних дел в их деятельности является определение местонахождения абонентского устройства. При нахождении абонента в радиусе действия сотовой сети возможно определение местонахождения абонента с точностью до базовой станции. Точность определения местонахождения зависит от многих причин: рельефа местности, наличия зданий, сооружений, расположения базовых станций, количества работающих в данный момент телефонов. Однако для получения подобных данных необходимо, чтобы абонент совершил какое-либо активное действие (совершил или принял звонок, отправил или принял сообщение, использовал возможности WAP, GPRS и пр.). В таком случае информация может быть получена у оператора сотовой связи и приобщена к материалам уголовного дела. При получении подобной информации сотрудник органов внутренних дел имеет возможность сделать выводы о нахождении определенного телефонного аппарата в радиусе от 2–3 до 35 км вокруг базовой передающей станции.

Определение местонахождения абонентского устройства широко применяется правоохранительными структурами не только в России, но и во многих странах при раскрытии преступлений, розыске преступников и установлении местонахождения без вести пропавших. Использование данного мероприятия дает возможность определить временной отрезок нахождения интересующего нас лица в определенном месте, где был, с кем встречался (если

второй человек также пользовался сотовым телефоном), продолжительность встречи, а также был ли он на месте преступления в момент его совершения и т. д.

Так, 22 ноября 2016 г. в 15.00 в подсобном помещении магазина «Калинка» г. Белгорода обнаружен труп продавца, гр. Ч., с множественными ножевыми ранениями, при этом у жертвы был похищен сотовый телефон. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и на основании анализа данных базовых станций одного из операторов сотовой связи установлено местонахождение телефонного аппарата в одном из районов Белгородской области. В ходе поисковых мероприятий сотрудниками уголовного розыска установлено местонахождение сотового телефона, который находился у лица, совершившего убийство. Им оказался 33-летний гражданин Украины, без определенного места жительства*.

Рассматривая получение значимой информации непосредственно при наличии мобильного телефона, следует учитывать, что речь идет о двух действиях: об изъятии самого мобильного устройства и о получении информации из него.

Мобильный аппарат может быть получен при проведении личного обыска подозреваемого, обвиняемого, при производстве осмотра места происшествия, осмотра трупа, обыска и выемки. В сотовом телефоне может находиться следующая информация, интересующая оперативные и следственные подразделения:

- контакты (ФИО, телефонные номера, адреса, иная информация, в зависимости от модели телефона);
- входящие и исходящие соединения с данными контактов, датой, временем и длительностью;
- текстовые сообщения с данными адресатов, датой, временем отправки или получения;
- фотоснимки;
- видеозаписи;
- звукозаписи;
- любые иные данные при наличии достаточного объема встроенной либо сменной флеш-памяти/карты и др.

Исходя из стоящей перед сотрудниками правоохранительных органов задачи, необходимо исследовать представляющие интерес компоненты сотового телефона. При этом надо учитывать, что структура меню различна у разных моделей телефонов и для полного исследования и использования информации, находящейся в сотовом телефоне, следует осматривать его с обязательным привлечением специалиста. Также требуется учитывать, что видеозаписи на некоторых сотовых телефонах осуществляются в специальном формате, который не всегда воспроизводится на стационарных компьютерах без специальных программ.

При исследовании SMS-сообщений необходимо помнить, что в ряде телефонов (в большинстве случаев в старых моделях телефонов) хранение SMS осуществляется в энергозависимой памяти, т. е. при отсоединении аккумуляторной батареи часть SMS-сообщений либо все они могут быть безвозвратно утрачены. Аналогичная ситуация складывается со списками вызовов – при отключении аккумуляторной батареи списки либо теряются полностью, либо сохраняются только набранные номера, либо теряются данные о дате, времени и продолжительности звонков (в зависимости от модели телефона).

Таким образом, следует помнить, что отключение аккумуляторной батареи может повлечь необратимую потерю информации. Поскольку извлечение аккумуляторной батареи необходимо для прочтения индивидуального номера сотового телефона (IMEI), сотруднику органов внутренних дел для получения IMEI достаточно набрать на клавиатуре телефона комбинацию *#06# и нажать кнопку посылы вызова, после чего на экране телефона высветится 15-значный буквенно-цифровой код IMEI.

---

* Уголовное дело № 2016/1910095 // Архив суда г. Белгорода.

IMEI – это собственный идентификационный номер для каждого телефона. Первые шесть цифр означают код модели телефона, седьмая и восьмая – страну изготовителя, с девятой по четырнадцатую – серийный номер телефона. Последняя цифра в IMEI номере является проверочной и вычисляется на основе предыдущих 14 цифр (по алгоритму Луна).

Сегодня имеется возможность программными средствами изменить IMEI («перепрошить» телефон), поэтому после осмотра, извлечения и сохранения всех интересующих данных следует сравнить полученный номер с номером, нанесенным внутри корпуса телефона.

Нередко сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с ситуацией, когда при обнаружении на сотовом телефоне разделов данных для доступа к ним необходимо ввести неизвестные пароли. В таком случае не следует пытаться установить пароли путем его подбора. Подобные действия могут привести к необратимой блокировке запароленных разделов памяти телефона. При возникновении подобных ситуаций необходимо привлекать специалистов, обладающих познаниями в данной области.

При осмотре встроенной флеш-памяти, а также сменных карт памяти необходимо учитывать, что фактически данные объекты являются аналогами жестких дисков компьютера и на них возможно хранение любых типов файлов – от фотографий и музыкальных файлов до скрытых текстовых и архивных файлов. При этом обнаружение скрытых данных на носителе возможно как по косвенным данным (различие в количестве общей, свободной и использованной памяти на носителе), так и с применением специальных познаний, программ и оборудования. При обоснованных подозрениях о наличии на указанных носителях важной информации представляется целесообразным проведение исследований и экспертиз специалистами в области информационных технологий.

Так, в Следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Белгородской области и ЭКЦ УМВД России по Белгородской области имеется устройство криминалистического исследования «UFED» (UFED – Universal Forensic Extraction Device). Устройство содержит программу, позволяющую восстанавливать информацию (фото, видео, SMS и иную), которая была удалена или стерта.

При расследовании уголовного дела или проведении оперативно-розыскных мероприятий сотрудник органов внутренних дел, исходя из обстоятельств совершенного преступления, целей и задач, стоящих в ходе расследования уголовного дела, самостоятельно принимает решение о содержании и объеме информации, которая должна быть получена из мобильного устройства. Получить ее можно при проведении информационно-компьютерного исследования или компьютерной экспертизы средств мобильной связи (мобильного телефона, смартфона, планшетного компьютера).

При расследовании мошенничества, совершенного с использованием мобильного телефона, сотрудник органов внутренних дел может получить с данного устройства следующую информацию:

1) о сохраненных и удаленных текстах (SMS) (например, переписка между подозреваемым и потерпевшим, подозреваемым и его сообщником), об иных текстовых документах, о номерах из «абонентской» книжки, последних входящих и исходящих вызовах; о фото-, видеофайлах, прямо или косвенно указывающих на причастность пользователя устройства к использованию информации, сопряженной с рассматриваемыми преступлениями;

2) об осуществлении сеансов доступа к сети Интернет за конкретный интересующий период времени;

3) об учетных данных, использовавшихся для выхода в сеть Интернет, а также о файлах, в которых содержатся сведения об применяемых логинах и паролях;

4) о наличии в памяти мобильного устройства программного обеспечения, позволяющего без уведомления пользователя совершать какие-либо действия, передавать определенную информацию, а также выяснить, куда она передавалась;

5) о поиске через установленный на устройстве интернет-браузер (Opera, Google Chrome, Internet Explorer, Safari и пр.) сведений, имеющих отношение к факту совершенного преступления. Например, о существующих вредоносных программах, позволяющих совершать хищения денежных средств со счетов и банковских карт, способах распространения таких программ. Кроме того, могут быть обнаружены конкретные инструкции, носящие обучающий характер, в которых отражены последовательность действий преступников, заготовки диалогов, шаблоны SMS-сообщений, которые необходимо использовать при разговоре с потерпевшим (при SMS-общении), позволяющих завладеть денежными средствами;

6) о наличии установленных программ, предназначенных для мгновенной пересылки сообщений, например ICQ (айсикью), переписки (чатов) в этих программах, а также программ, позволяющих осуществлять видеосвязь, например Skype (скайп), в файлах истории которых могут содержаться переданные текстовые сообщения;

7) об использовании соответствующих интернет-сервисов, позволяющих осуществлять виртуальный оборот денежных средств (различные электронные кошельки);

8) о регистрации в качестве пользователя в социальных сетях, на интернет-ресурсах (форумах), в том числе внутренних сетевых ресурсах интернет-провайдеров, на которых осуществляется обсуждение (обмен информацией), демонстрация, распространение и создание вредоносного программного обеспечения;

9) о подтверждении регистрации подозреваемого в качестве пользователя в локальной сети, организованной интернет-провайдером (в локальной папке пользователя также может содержаться значимая информация);

10) о сохраненных логинах и паролях (например, утилита операционной системы MacOS 10X «Связка ключей» при условии подтверждения пользователем сохранения пароля содержит информацию о логинах и паролях всех когда-либо посещенных сайтов).

Как отмечает М. Е. Мерецкий, преступники, действующие в информационной среде, имеют хорошую техническую подготовку и отличные знания технологической стороны связи. Специфика расследования по делам данной категории заключается в том, что поиск доказательственной информации возможен только при высоком уровне познаний в области современных компьютерных технологий. Отсутствие необходимых специальных знаний может привести к потере важных данных, имеющих доказательную ценность [3, с. 146; 4, с. 535].

С учетом вышеизложенного необходимо отметить, что в условиях прогрессивного развития научно-технических средств и появления новых технологий хранения информации очень важно совершенствовать специально-техническую подготовку сотрудников органов внутренних дел для обнаружения, анализа и документирования ими значимой информации с целью установления фактических обстоятельств при раскрытии и расследовании преступлений.

Литература

1. Бабакова М. А. Проблемы розыска при расследовании преступлений в сфере высоких технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
2. Иванов В. И. Судебный контроль за осуществлением оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
3. Мерецкий Н. Е., Жердев П. А. Некоторые особенности хищения денежных средств со счетов граждан при использовании услуги «мобильный банк» // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3 (40).
4. Мерецкий Н. Е. Механизм преступлений, связанных с несанкционированным доступом к сети сотовой радиотелефонной связи // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: мат-лы вузовской науч.-практ. конф. (к 85-летию со дня рождения Р. С. Белкина): в 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2007.
5. Муженская Н. Е., Костылева Г. В. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений: в 2 ч. М.: Проспект, 2013.
6. Цыкора А. А. Тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и исследованием информации, передаваемой по техническим каналам связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013.

УДК 343.985

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОСВОЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ВЫДЕЛЕНИИ СУБСИДИЙ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Сергей Анатольевич Ярошенко, доцент кафедры, кандидат юридических наук;

Денис Григорьевич Лисовский, преподаватель Владивостокского филиала

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: yaroshenkosergey@rambler.ru

lissden2979@mail.ru

В настоящее время преобразования в сельскохозяйственной отрасли России сопровождаются ростом преступных посягательств на бюджетные средства. В статье рассматриваются преступные действия, совершаемые в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства.

Ключевые слова: способ совершения преступления; преступления экономической направленности; сельское хозяйство; Департамент сельского хозяйства и продовольствия; субсидии.

WAYS OF COMMITTING CRIMES IN THE SPHERE OF DEVELOPMENT OF BUDGETARY FUNDS IN THE ALLOCATION OF SUBSIDIES FOR THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE

Sergey Anatolevich Yaroshenko, chair associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law;

Denis Grigorievich Lisovsky, lecturer of the Vladivostok Branch

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Currently, the transformation of the agricultural sector in Russia is accompanied by an increase in criminal attacks on the budget. The article examines the criminal acts committed in the sphere of development of budgetary funds in the allocation of subsidies for the development of agriculture.

Keywords: way of committing a crime; economic crimes; agriculture; Department of Agriculture and Food; subsidies.

Современное состояние международно-политических отношений ставит перед экономикой России важную задачу реализации программы импортозамещения, в рамках которой важнейшая роль отводится форсированному развитию сельскохозяйственной отрасли. Увеличение выпуска сельхозпродукции, модернизация отрасли, внедрение в нее новых технологий призваны укрепить продовольственную безопасность и независимость страны*.

Государственная программа развития сельского хозяйства в России [1] предполагает выделение крупных государственных субсидий. Так, объем ресурсного обеспечения реализации Государственной программы за счет средств федерального бюджета по годам составит: в 2018 г. – более 203 млрд руб.; в 2019 г. – более 211 млрд руб.; в 2020 г. – более 217 млрд руб. Прогнозная оценка бюджетных ассигнований за счет средств консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации составляет более 777 млрд руб. (на период 2013–2020 гг.).

Между тем начавшиеся преобразования в сельскохозяйственной отрасли привели не только к развитию данной сферы, но и к неблагоприятным криминогенным результатам, в числе которых рост преступных посягательств на бюджетные средства.

* Совещание по вопросам развития сельского хозяйства (24 сентября 2015 г., Ростовская область) // Сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50360> (дата обращения: 03.01.2018).

Хищения государственных средств и их последующая легализация существуют во всех странах мира, в том числе и в самых благополучных. Причинами совершения таких преступлений являются корыстные интересы коррумпированных должностных лиц и организованных преступных групп, желающих обогатиться за счет государственных средств. Однако в нашей стране продолжает сохраняться высокая латентность преступлений экономического и коррупционного характера, их низкая раскрываемость. Как отметил Президент РФ, «почти половина преступлений – как и прежде – остается нераскрытыми. Имеющийся у Министерства (внутренних дел – авт.) потенциал используется далеко не в полном объеме, в том числе в таких чувствительных для общества сферах, как борьба с коррупцией, защита граждан, их собственности и бизнеса»*.

Указанные обстоятельства обуславливают особую значимость данных видов преступлений, совершаемых в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства. Однако, как показало предварительное изучение вопроса (в том числе личный опыт оперативной работы по борьбе с преступлениями экономического и коррупционного характера), оперативные сотрудники, в чью компетенцию входит организация борьбы с хищениями государственных средств, часто испытывают трудности в своей деятельности, в частности из-за острого дефицита или отсутствия соответствующих научно-практических рекомендаций. Таким образом, представляется необходимой комплексная теоретическая проработка системы организационно-тактических мер, рассчитанных на реализацию уполномоченными субъектами в ходе оперативно-розыскной деятельности, в целях создания необходимых условий для выявления, раскрытия и предупреждения преступных посягательств в рассматриваемой нами сфере.

Подготовка рекомендаций, направленных на эффективную организацию борьбы с преступлениями в сфере освоения бюджетных средств в сельском хозяйстве, всецело будет зависеть от знаний способов совершения данных преступных действий. Это поможет выявить пробелы в маскировке преступных действий проверяемых и разрабатываемых лиц. Знания о таких способах дадут возможность оперативным подразделениям осуществлять сбор необходимого материала, способного в дальнейшем войти в доказательную базу по уголовным делам [6, с 161].

Понятие «способы совершения преступлений» издавна и вполне обоснованно находится в центре внимания ученых, занимающихся проблемами частной методики [3, с. 223].

Так, М. И. Еникеев, рассматривая способ совершения преступления с позиции психологии, определяет данное понятие как систему приемов, действий операциональных комплексов, обусловленных целью и мотивами действия, психическими и физическими особенностями действующего лица, в котором проявляются психофизиологические и характерологические особенности человека, его знания, умения, навыки, привычки и отношение к различным сторонам действительности [5, с. 105].

Несомненно, уголовно-правовое понятие способа совершения преступления служит отправной точкой его исследования в таких науках, как уголовный процесс, криминалистика, криминология и, конечно, оперативно-розыскная деятельность.

Определение понятия «способ совершения преступления» применительно к оперативно-розыскной деятельности дают С. И. Гирько, В. Д. Ларичев и З. Н. Магомедов. По их мнению, способ совершения преступления характеризует преступное деяние с качественной стороны, указывает, как, каким образом выполнено общественно опасное действие (бездействие), какие именно приемы применены, каков их порядок и последовательность, какие силы и средства были использованы для совершения преступления. Следовательно, способ совершения преступления выступает в роли признака, характеризующего качественное своеобразие противоправного деяния, показывающего его индивидуальные особенности, присущие действию в конкретной преступной ситуации, позволяющего выявить преступление, круг лиц, к нему

---

* Расширенное заседание коллегии МВД России (9 марта 2017 г., Москва) // Сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54014> (дата обращения: 03.04.2018).

причастных, и задокументировать их преступные действия [4, с. 28] Все это обуславливает необходимость изучения и обобщения конкретных способов совершения преступлений в той или иной отрасли или сфере деятельности.

С учетом нашего исследования способ совершения преступления может быть определен как действия субъекта преступной деятельности, направленные на подготовку, совершение и сокрытие преступлений в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства.

Целью рассматриваемых преступных посягательств выступают денежные средства, выделяемые государством на развитие или поддержание сельского хозяйства. Данные средства получают незаконно в результате проведения ряда обманных действий, ключевым из которых является предоставление недостоверных сведений (это может быть подлог документов, перечень которых закреплен, например, в постановлениях краевых администраций [2]). Так, в 2017 г. одним из индивидуальных предпринимателей Приморского края в результате предоставления им недостоверных сведений, в частности, справки-расчета, содержащей завышение дойного поголовья скота (фактически поголовье отсутствовало), Департаменту сельского хозяйства и продовольствия Приморского края был причинен ущерб в размере 401 168 руб.*

Другой пример: индивидуальный предприниматель П. обратился в Департамент сельского хозяйства и продовольствия Приморского края с заявлением о предоставлении субсидии на развитие животноводческой фермы и как начинающий фермер получил субсидию в сумме 944882 руб.

П. представил девять договоров купли-продажи крупного рогатого скота (коров) у граждан, проживающих в селах Корсаковка и Яконовка. Однако в ходе опроса граждан, указанных в договорах купли-продажи, последние пояснили, что никогда данных коров не имели, продажу их не осуществляли, денежных средств от П. не получали, подписи в договорах купли-продажи выполнены не ими.

Кроме того, одним из условий получения названной субсидии является то, что заявитель заключает договор (предварительный договор) о реализации продукции на сумму более 30 тыс. руб. Согласно представленным документам в Департамент сельского хозяйства и продовольствия Приморского края, индивидуальный предприниматель П. заключил договор на продажу (поставку) молока с ООО «Владторг-Люсамб» на сумму 100 тыс. руб., однако в ходе проверки выяснилось, что ООО «Владторг-Люсамб» никогда никаких договоров с индивидуальным предпринимателем П. не заключал, продукцию от него не получал, денежных средств ему не передавал.

Также П. предъявил договор аренды земельного участка площадью 75 га, заключенный с М., однако в ходе той же проверки было установлено, что М. договора с П. не заключал, в аренду земельные участки не сдавал, денежные средства от П. не получал**.

Представленные примеры частично раскрывают подготовительный процесс злоумышленников, направленный на сбор необходимой информации по субсидиям, подготовку необходимых документов, установление контактов с представителями администрации Департамента сельского хозяйства и продовольствия.

Имеют место быть также преступные действия в изучаемой нами сфере, связанные с результатами природных явлений. Одним из таких примеров является возбужденное уголовное дело*** по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159.2 УК РФ, в отношении гр. Б., который, являясь индивидуальным предпринимателем, главой крестьянско-фермерского хозяйства, сообщил комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций ложные сведения о затоплении принадлежащего ему урожая на земельном участке общей площадью 170 га, достоверно зная, что погибший урожай принадлежит гражданам Китайской

* Уголовное дело от 26.04.2017 № 11701050010000572 // СО ОМВД России по г. Уссурийску

** Уголовное дело от 27.02.2018 № 11801050010000593 // СО ОМВД России по г. Уссурийску

*** Уголовное дело от 27.07.2016 № 095429 // СО ОМВД России по г. Уссурийску

Народной Республики, арендовавшим у него указанный участок. В результате чего ему были представлены денежные средства в размере 1 884 834 руб.

Изучение данных дел показало, что способы совершения преступлений при выделении субсидий в указанной сфере представляют собой определенный порядок (схему) действий проверяемого и разрабатываемого лица, направленных:

- а) на создание благоприятных условий и ситуаций для будущих преступных действий;
- б) поиск предметов, веществ и документов, необходимых для совершения преступлений;
- в) налаживание знакомств с необходимыми лицами и установление с ними психологического контакта [7].

Способы совершения преступлений экономической направленности в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства, по нашему мнению, будут «совершенствоваться», а количество этих преступлений будет возрастать, что связано с расставленными экономическими приоритетами нашего государства на поднятие сельского хозяйства как в целом по стране, так и в отдельных регионах. Соответственно появление новых и исчезновение прежних способов совершения преступлений закономерны и во многом зависят от изменений:

- во внутренней и внешней экономической политике государства;
- качества многоуровневого контроля за лицами, так или иначе связанными с указанной сферой;

- в социально-правовой основе деятельности отдельных департаментов и министерств.

Зная способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений экономической направленности в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства, оперативный работник может определить:

- источники получения оперативно значимой информации, необходимой для выявления и раскрытия преступлений;
- условия, способствующие совершению преступлений, и соответственно применить меры, их устраняющие;
- порядок проведения мероприятий, направленных на выявление и раскрытие преступлений, с учетом их особенностей;
- признаки, свидетельствующие о возможном совершении преступлений.

Литература

1. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.
2. О предоставлении грантов в форме субсидии на содействие достижению целевых показателей региональных программ развития агропромышленного комплекса в части финансового обеспечения затрат на создание и развитие начинающих крестьянских (фермерских) хозяйств, развитие семейных животноводческих ферм в Приморском крае на 2013–2020 годы: постановление Администрации Приморского края от 20 мая 2013 г. № 193-па // Приморская газета. 2013. 24 мая.
3. Белкин Р. С. Криминалистическая характеристика преступления – реальность или иллюзия // Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
4. Гирько С. И., Ларичев В. Д., Магомедов З. Н. Оперативно-розыскные меры борьбы с незаконным оборотом фальсифицированных товаров на потребительском рынке: пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2004.
5. Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник. М.: НОРМА; НОРМА-ИНФРА. М., 2001.
6. Мерецкий Н. Е. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы производства обыска по коррупционным преступлениям // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Орел, 9–10 октября 2014 г. (посвящается 150-летию принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи). Орел: ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2014.
7. Противодействие правонарушениям, совершаемым на железнодорожном транспорте и железнодорожных объектах: монография / В. В. Алексеев [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2014.

УДК 343.102

О ПРОБЛЕМЕ ВЫНУЖДЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРАВООХРАНЯЕМЫМ ИНТЕРЕСАМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сергей Анатольевич Чумаров, начальник кафедры Сибирского юридического института МВД России

E-mail: chumarov@mail.ru

Оперативно-розыскная деятельность является специфической государственно-правовой формой борьбы с преступностью. Отдельные оперативно-розыскные мероприятия имеют внешнее сходство с противоправными действиями, что обуславливается осознанной потребностью в применении эффективного арсенала инструментов для противодействия преступности. Сущностное отличие таких оперативно-розыскных мероприятий от уголовно-процессуальных и криминалистических инструментов доказывания следует связать с их особой правовой природой, вследствие которой возможно вынужденное причинение вреда различным правоохраняемым интересам, посягательство на которые органы правоохранительного порядка обязаны пресекать. Вместе с тем, институт вынужденного причинения вреда при осуществлении оперативно-розыскной деятельности нуждается в дальнейшем развитии посредством совершенствования нормативного правового регулирования.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; оперативные подразделения; вынужденное причинение вреда.

CONCERNING THE PROBLEM OF FORCED INFLECTION OF HARM TO LEGITIMATE INTERESTS DURING IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

Sergey Anatolevich Chumarov, chair head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The operational-search activity is a specific state-legal form of crime fighting. Separate operational-search measures have external similarity with crimes. It can be explained by requirement to apply affective measures for crime fighting. The main difference so operational-search measures from criminal-procedural and criminalistic instruments of proving should to connect with their special law nature causing forced harm to the interests protected under the criminal statute which law-enforcement agencies have to defense. Meanwhile usage the institute of forced harm during the operational-search activity needs to improve in the future by fulfilment of the law regulating.

Keywords: the operational-search activity; operational-search measures; operating units; forced harm.

В соответствии с действующим оперативно-розыскным законодательством основным содержательным элементом оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) являются оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ). ОРМ предлагается разграничивать на гласные, негласные и смешанные; глубокие и поверхностные; ограничивающие конституционные права граждан и не несущие таких ограничений; оперативно-технические и не имеющие преобладающего или исключительно технического содержания и т. д. [2, с. 11–14].

Арсенал ОРМ условно можно также представить в виде совокупности инструментов, имеющих сущностное сходство с уголовно-процессуальными средствами доказывания, и инструментов, которые в силу их специфики не имеют аналогов в других формах правоохранительной деятельности.

Очевидно, что большинство ОРМ и уголовно-процессуальных средств доказывания объединяет то обстоятельство, что в их основе находятся универсальные закономерности познания, общим объектом которого являются криминальный мир и происходящие в нем латентные процессы. Отсюда и яркое семантическое сходство наименований отдельных ОРМ и средств уголовно-процессуального доказывания: опрос – допрос, сбор образцов для сравнительного исследования – получение образцов для сравнительного исследования, прослушивание телефонных переговоров – контроль и запись телефонных переговоров и т. д. При этом не вызывает сомнений, что спектр возможностей оперативных подразделений в использовании таких инструментов значительно превышает пределы, ограничивающие действия органов предварительного следствия. Например, УПК РФ устанавливает требования об обязательном отражении хода и результатов допроса в протоколе (ст. 190), содержание которого отвечает особым требованиям (ст. 166, 167). В случае, если проводились фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, кино съемка, то протокол допроса дополняется сведениями о технических средствах, заявлениями допрашиваемого лица и т. п. (ч. 4 ст. 190 УПК РФ). В то же время опрос может проводиться как в гласной, так и в негласной форме, без уведомления лица о факте использования технических средств, применяемых для фиксации получаемой информации.

Среди инструментов ОРД ярко выделяются несколько ОРМ, которые характеризуются не внешним познанием процессов криминального мира, а формируются с учетом эффективности внутреннего противодействия преступности. Как отмечает С. С. Овчинский, «процессуальная форма, регламентирующая ряд методических и тактических аспектов следственной и судебной деятельности, создает гарантии познания истины, однако опыт, практика наглядно подтверждают состояние противоборства, факты маскировки, лжесвидетельства, сокрытия известных обстоятельств недобросовестными свидетелями. Необходимо негласное проникновение в эту сферу специфических отношений, выведывание, констатация осведомленности отдельных лиц и ее пределов, обнаружение тайников и других мест укрытия предметов, которые должны стать вещественными доказательствами» [6, с. 61].

Осознавая, что для решения перечисленных и иных частных задач ОРД требуются специфические методы и средства, законодатель вооружил оперативные подразделения такими ОРМ, как проверочная закупка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент, контролируемая поставка. При этом следует подвергнуть критике мнение авторов, считающих, что отличительной особенностью этих ОРМ является их проведение на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД [4, с. 246]. Представляется, что существенное отличие соответствующих инструментов ОРД следует связать с их особой правовой природой, вследствие которой возможно вынужденное причинение вреда различным правоохраняемым интересам, посягательство на которые органы правопорядка обязаны пресекать. В частности, при проведении проверочной закупки наркотических средств действия сотрудников оперативных подразделений имеют внешнее сходство со сделкой, совершаемой с целью, противной основам правопорядка. При этом субъекты ОРМ становятся фактическими обладателями таких изъятых из гражданского оборота объектов, как наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, а также инструментов или оборудования, за незаконное приобретение которых УК РФ устанавливает уголовную ответственность (ст. 228) [9; 10].

Между тем в российском оперативно-розыском законодательстве институт вынужденного причинения вреда при осуществлении ОРМ не сформирован. Казалось бы, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] содержится норма, согласно которой при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершае-

мое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга (ч. 4 ст. 16). Следует обратить внимание, что законодатель не устанавливает правовых границ, в пределах которых может действовать правоприменитель. Однако в отсутствие дополнительных предписаний соответствующая норма не устраняет сомнений в обоснованности вынужденного причинения вреда при осуществлении ОРД, следовательно, не способствует разрешению правовых конфликтов между различными участниками оперативно-розыскных отношений. Очевидно, что для надлежащего правового регулирования рассматриваемых оперативно-розыскных отношений необходимо отразить степень опасности преступного посяательства, угрожающего общественным отношениям, защиту которых обеспечивает государство. Кроме того, правовому регулированию подлежат определение качественных и количественных характеристик вреда, вынужденно причиняемого правоохраняемым интересам (его вид, размер и др.), а также критерии правомерного выполнения служебного (общественного) долга сотрудником оперативного подразделения (содействующим лицом).

Проблемы вынужденного причинения вреда при осуществлении ОРД привлекают внимание различных ученых. Так, А. Е. Четчин полагает, что при проведении проверочной закупки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения и контролируемой поставки используются уголовно-правовые институты крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и обоснованного риска (ст. 41 УК РФ) [7, с. 19]. Хотя позиция автора обусловлена существующими правовыми реалиями, такой подход представляется спорным вследствие смешивания неоднородных правовых институтов.

Относительно проблемы причинения вреда при осуществлении ОРМ «оперативное внедрение» одна группа ученых считает, что лицо, внедренное в преступную группу, должно имитировать преступную деятельность, а не совершать преступления. Другая группа авторов придерживается той точки зрения, что внедренному лицу допускается совершать «малозначительные преступления», а также принимать участие в планировании и подготовке других, более тяжких. При этом не раскрывается понятие «малозначительные преступления», а соответственно не указывается граница, при пересечении которой преступления уже не являются «малозначительными» [3, с. 49].

Н. С. Железняк, изучая необходимость совершения внедренным лицом действий, содержащих признаки преступлений, считает, что агентурное проникновение в преступную среду и закрепление в ней является весьма сложным процессом как с позиции его организации, так и с позиции осуществления. Данное мероприятие требует создания доверительной атмосферы в отношениях внедренного лица с членами преступной группы, представляющими оперативный интерес. Действительно, для того чтобы завоевать определенный авторитет в преступной группе, а также заслужить доверие ее членов, необходимо показать, что являешься «своим». Для этого необходимо заниматься той же самой деятельностью, что и участники группы [5, с. 213–230].

В ряде зарубежных стран данной проблемы не существует, т. к. в законодательстве допускается возможность причинения правомерного вреда при осуществлении служебных обязанностей, направленных на пресечение более тяжких преступлений. Так, в уголовном праве США существует правовой институт ложного или мнимого соучастия, что позволяет внедренному лицу изображать из себя соучастника преступной деятельности без опасения быть привлеченным к уголовной ответственности [8, с. 213]. Представляет интерес опыт правового решения исследуемой проблемы в Республике Беларусь. В ее уголовном законодательстве среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотрено пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК РБ).

Рассматривая обстоятельства, исключающие преступность деяния, через призму регулирования оперативно-розыскных отношений, можно выделить следующие условия правомерного причинения вреда внедренным лицом:

1. Лицо выполняло специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления.

2. Преступление вынужденно совершено в соучастии.

3. Совершенное преступление не являлось тяжким или особо тяжким, связанным с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Полагаем, что решение проблемы заключается в формировании правового института вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам при осуществлении ОРД. При этом следует исходить из понимания обособленности этих общественных отношений, что обуславливает необходимость их самостоятельного нормативного правового регулирования, но не исключает межотраслевого характера совокупности норм, образующих соответствующий правовой институт. В качестве отдельной новеллы законодательства предлагаем дополнить гл. 8 УК РФ нормой, которая бы предусматривала новое обстоятельство, исключающее преступность деяния, – причинение вреда правоохраняемым интересам сотрудником оперативного подразделения или лицом, оказывающим содействие правоохранительным органам, внедренными в преступную группу в рамках проведения ОРМ «оперативное внедрение», с целью скрыть свою принадлежность к правоохранительным органам, а также приобрести доверие участников данной преступной группы. Основным параметром качественных и количественных характеристик вреда, вынужденно причиняемого правоохраняемым интересам, следует считать возможность совершения преступлений небольшой и средней тяжести, не посягающих на жизнь и здоровье человека.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов, Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: учеб.-практ. пособие. М.: ИД Шумиловой И. И., 2006.
3. Воронин М. Ю. Об обстоятельствах, исключающих преступность деяния в процессе осуществления ОРД // Вестник ВИПК МВД России. 2015. № 1.
4. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012.
5. Железняк Н. С. О правовом обеспечении защиты конфиденентов от неправомерного привлечения к уголовной ответственности // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2004. Вып. 7.
6. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация: монография / под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. 2-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2017.
7. Основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А. Е. Чечетина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2007.
8. Смирнов М. П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие. М.: Экзамен, 2003.
9. Чумаров С. А. О понятии проверочной закупки наркотических средств // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2 (11).
10. Шашин Д. Г. Проверочная закупка наркотиков: документирование и использование результатов: практ. пособие. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008.

УДК 343.982.323

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФОНОСКОПИЧЕСКАЯ РЕГИСТРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Евгений Олегович Наливайко, преподаватель;

Андрей Борисович Кудряшов, доцент кафедры, кандидат педагогических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: nalivayko.ev@yandex.ru
kingbarbus@mail.ru

В статье анализируются проблемы идентификации личности преступника, а также иных лиц, представляющих оперативный интерес, рассматривается вопрос о необходимости создания централизованных фоноскопических баз в Российской Федерации, предлагаются основные положения, касающиеся государственной фоноскопической регистрации, а также определяется значение данной меры для раскрытия мошенничеств, совершаемых с использованием мобильных средств связи.

Ключевые слова: фоноскопия; фонотека; мошенничества, совершаемые с использованием мобильных средств связи; идентификация личности; биометрические персональные данные.

STATE PHONOSCOPIC REGISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS USE IN IDENTIFICATION OF THE OFFENDER: LEGAL ASPECT

Evgeny Olegovich Nalivayko, lecturer;

Andrey Borisovich Kudryashov, chair associate professor, kandidat nauk, degree in Pedagogy
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The main issues of identification of the offender, as well as other persons of operational interest, considers the need to create centralized phonoscopic databases in the Russian Federation, proposes the main provisions relating to the state phonoscopic registration, and analyzes the value of this measure for the disclosure of fraud committed using mobile communication.

Keywords: phonoscope; audio library; frauds committed with the use of mobile communications; personal identification; biometric personal data.

В настоящее время в Российской Федерации растет количество преступлений, связанных с хищением чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием. Активное развитие технических средств, научный прогресс порождают все более изощренные и продуманные схемы мошеннических действий.

В ходе расширенного заседания коллегии МВД России, состоявшейся 9 марта 2017 г., в своем докладе министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольников отметил, что развитие информационных технологий сопровождается увеличением противоправных посягательств в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, а также ростом числа совершаемых мошеннических действий. В связи с этим в целом возросло количество мошенничеств: каждое десятое из зарегистрированных преступлений относится к этому роду.

В настоящее время учет преступлений данной категории посредством интегрированного банка данных (далее – ИБД) осуществляется по следующим видам:

- с использованием средств мобильной связи;
- с использованием пластиковых банковских карт;
- с использованием электронных платежей, сети Интернет.

К сожалению, в имеющейся научной и учебной литературе по вопросам организации оперативно-розыскной деятельности мы не находим ответы на многие вопросы, связанные с деятельностью оперативных подразделений территориальных ОВД по противодействию рассматриваемому виду преступлений, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием.

В настоящей статье предлагается рассмотрение такой меры противодействия мошенничествам, в том числе совершаемым с использованием мобильных средств связи, как обязательная государственная фоноскопическая регистрация.

Рассмотрим основные моменты затрагиваемого вопроса.

Фоноскопия – в криминалистике это вид специальных исследований, изучающих следы звука. Фоноскопия голоса человека позволяет установить социальные характеристики говорящего (образование, профессия, уровень культуры); эмоциональное состояние (спокоен, возбужден, подавлен); регион формирования устной речи (диалект, акцент); физические (биологические) характеристики (пол, возраст, рост); психофизиологические особенности (отклонение от нормы при различных заболеваниях) и способы произнесения речи (чтение, декламация, спокойная речь), а также примерный облик говорящего. Фоноскопические исследования помогают в идентификации личности [7].

В целом идея создания фонотек нашла свое отражение в приказе МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» [4]. В Приложении № 1 к данному приказу, а именно в Инструкции по организации формирования, ведения, использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации, предусмотрено, что «объектами экспертно-криминалистических учетов являются неустановленные лица, предметы (следы), вещества, обладающие индивидуальной экспертно-криминалистической информацией, пригодной для закрепления и последующего использования в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности и расследования уголовных дел». Согласно настоящей инструкции, обязательной постановке на экспертно-криминалистический учет подлежит информация о таких объектах, как фонограммы речи (голоса) неустановленных лиц.

В соответствии с приказом МВД России от 28 декабря 2016 г. № 918 обязательной проверке по экспертно-криминалистическим учетам (по учетам фонограмм речи (голоса) неустановленных лиц), наряду со всеми объектами учета, перед их постановкой на соответствующий учет подлежат установленные лица, подозреваемые в совершении преступлений либо представляющие иной оперативный интерес [5, п. 10.1].

Таким образом, приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 напрямую предусматривается формирование фонотек. Согласно установленному данным приказом перечню экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел (п. 14), фонотеки ведутся на региональном уровне, сбор образцов осуществляется по ст. 207 УК РФ, тяжким и особо тяжким преступлениям, централизованным данный учет не является.

Проводя аналогию с другим видом деятельности правоохранительных органов, в ходе осуществления которого происходит сбор биометрических данных, а именно дактилоскопированием, на основе анализа ФЗ от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации на территории Российской Федерации» [2] считаем возможным сформулировать понятие государственной фоноскопической регистрации как вид деятельности, осуществляемой предусмотренными действующим законодательством органами исполнительной власти и федеральными государственными учреждениями, по получению, учету, хранению, классификации и выдаче фоноскопической информации в целях установления или подтверждения личности человека посредством анализа биометрических персональных данных об особенностях голоса отдельного гражданина.

При этом, говоря о том, что же следует понимать под биометрическими персональными данными, необходимо обратиться к основным положениям Федерального закона «О персо-

нальных данных» [3]. В части 1 ст. 11 данного нормативного акта определено, что биометрические персональные данные – это сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных.

Очевидным при этом является вопрос о правомочности получения фоноскопических образцов. В той же ч. 1 ст. 11 ФЗ «О персональных данных» содержится положение о том, что биометрические персональные данные «...могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 настоящей статьи».

Согласно ч. 2 ст. 11 ФЗ «О персональных данных», «обработка биометрических персональных данных может осуществляться без согласия субъекта персональных данных в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии, в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов, в связи с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации, а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-розыскной деятельности, о государственной службе, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, о гражданстве Российской Федерации».

Таким образом, мы видим, что сбор фоноскопических образцов не запрещен действующим законодательством, но применяется в крайне узкой форме – в виде сбора фонограмм речи (голоса) неустановленных лиц и производится, как правило, для проведения фоноскопических экспертиз (или экспертизы аудиозаписи). При этом, затрагивая такую цель сбора речевой (голосовой) информации, необходимо уточнить, что данный вид экспертизы – это предусмотренное законодательством процессуальное действие с целью проверки достоверности записанной на фонограмме какой-либо важной информации, которая имеет значение доказательства [3]. Однако не рассматривается очевидный вопрос о целесообразности ведения централизованного учета фоноскопических образцов и использования получаемых образцов для решения других задач.

В соответствии с п. 87 приказа МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 [4] фонотеки формируются и ведутся в виде электронных баз данных. С нашей точки зрения, хранение данных образцов должно осуществляться на материальных носителях – фоноскопических картах, которые представляют собой носители магнитной или иных видов записи, содержащие фоноскопическую информацию (образцы голоса). То есть фактически ими могут являться аудиофайлы, принадлежность которых подтверждена и оформлена соответствующим образом (предполагается заполнение статистических формуляров, с указанием анкетных данных лица, которому принадлежат данные образцы, даты, времени их получения и т. д.).

В настоящее время в науке нет единого мнения о том, к какому виду доказательств относится фонограмма контроля и записи переговоров – вещественным доказательствам либо иным документам. В изученных источниках мы находим подтверждение изложенного нами мнения о том, что фоноскопические данные необходимо позиционировать как «материальные носители информации» [8]. Данная мысль подтверждается и при анализе зарубежного опыта. Например, согласно ст. 100 УПК Республики Беларусь [6], материалы звукозаписи (ими является и фонограмма как носитель фоноскопической информации), полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном действующим законодательством, относятся к «другим носителям информации», то есть рассматриваются как самостоятельный вид доказательств – «материальный носитель информации», не являющийся «иным документом».

При систематизации данных образцов и их централизованном хранении, они будут представлять собой определенный массив – совокупность фоноскопической информации, содержащейся на материальных носителях.

Фактически, исходя из этого, для правоохранительных органов основная цель создания данной базы заключается в возможности установления личности предполагаемого преступника либо установления местонахождения разыскиваемого лица посредством сравнения образцов его голоса с имеющимся в специализированной базе информационным фоноскопическим массивом, то есть использование данной информации должно способствовать достижению целей и задач, предусмотренных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1].

В контексте совершенствования деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью, а именно идентификации личности предполагаемых преступников либо иных лиц, представляющих оперативный интерес, по голосу, посредством создания специализированной централизованной фоноскопической базы, данная мысль носит инновационный характер. Необходимость централизации данных учетов очевидна в связи с тем, что основной категорией лиц, подлежащих государственной фоноскопической регистрации, будут являться лица, подозреваемые/обвиняемые в совершении преступления, в соответствии с действующим законодательством признанные виновными в совершении преступления. Последующее использование фоноскопических баз имеет большое практическое значение для раскрытия преступлений, например, для раскрытия мошенничеств, совершаемых с использованием мобильных средств связи, где в ходе проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как прослушивание телефонных переговоров, возможно получение образцов голоса звонящего преступника для последующей его идентификации.

Специфика основной категории лиц, фоноскопические образцы которых необходимо получить, предопределяет, что фактически данными лицами будут являться субъекты, представляющие оперативный интерес для органов внутренних дел, – подозреваемые в совершении преступлений, их связи, лица, в отношении которых имеются законные основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Фоноскопические образцы возможно получить в ходе осуществления ОРМ. Однако применимость получаемых образцов в качестве доказательств в некоторых случаях вызывает споры.

Важным моментом, по нашему мнению, является определение конкретного перечня лиц, подлежащих государственной фоноскопической регистрации. К таким лицам однозначно должны быть отнесены следующие категории граждан:

- лица, ранее судимые за совершение преступлений, в первую очередь экономической направленности и имущественного характера;
- лица, подозреваемые/обвиняемые в совершении преступления;
- лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу;
- лица, помещаемые в ИВС, спецприемники, подвергнутые административному аресту;
- лица, прибывшие в места лишения свободы для отбытия наказания;
- лица, в отношении которых имеются законные основания для проведения оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий;
- иностранные граждане и лица без гражданства, подозреваемые в совершении преступления, обвиняемые в совершении преступления, осужденные за совершение преступления, подвергнутые административному аресту.

Из этого следует, что к основным органам, в обязанность которых должен входить сбор фоноскопических образцов, необходимо отнести:

- учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС), УФСИН РФ (исправительные учреждения, вне зависимости от режима отбывания наказания);

– учреждения системы МВД РФ (спецприемники, ИВС, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей).

Безусловно, в целях соблюдения законности проводимых мероприятий, в случае негласного проведения, требуется санкционирование (судебное либо ведомственное), в зависимости от того, в рамках какого ОРМ будет проводиться получение фоноскопических образцов.

Правовой основой государственной фоноскопической регистрации должна являться, в первую очередь Конституция Российской Федерации. Кроме того, нормативным полем, регламентирующим правомерность применения рассматриваемых мер, должны являться федеральные законы, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации.

В целом, говоря о нормативном закреплении обязательного отбора фоноскопических образцов, понимая под этим создание профильного нормативно-правового акта, следует отметить, что им может стать Федеральный закон «О государственной фоноскопической регистрации в Российской Федерации».

Государственная фоноскопическая регистрация должна проводиться с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, установленных Конституцией Российской Федерации, в соответствии с принципами законности, гуманизма, конфиденциальности, сочетания добровольности и обязательности.

Информация, полученная в результате ее проведения, должна использоваться для достижения целей и задач оперативно-розыскной деятельности. Условия хранения и использования данных сведений должны исключать возможность утраты, искажения и несанкционированного доступа к ним. При этом обязанность по хранению, систематизации и использованию фоноскопической информации, содержащейся на материальных носителях, в соответствии с приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 возлагается на органы внутренних дел на региональном уровне. Однако учет необходимо вести централизованно, на федеральном уровне, в связи с широтой географии совершения «телефонных» мошенничеств. Храниться материальные носители должны до установления факта смерти лица, которому принадлежат данные образцы.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. О государственной дактилоскопической регистрации на территории Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998 № 31. Ст. 3806.
3. О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 22.02.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
4. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД России от 28 декабря 2016 г. № 918. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295–3. URL: <http://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks>
7. Большой юридический словарь. Академик.ru.2010. URL: <http://dic.academic.ru/>
8. Ширёв Д. А. Контроль и запись телефонных и иных переговоров и их доказательственное значение в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

УДК 343.102

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Александр Вячеславович Климачков, преподаватель Барнаульского юридического института МВД России

Е-mail: klimachkovav@bk.ru

В статье рассматривается генезис понятия «оперативно-розыскное обеспечение». Исследуется соотношение понятий «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскное сопровождение». Предпринята попытка авторского определения оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное обеспечение; незаконный сбыт наркотических средств.

TO THE QUESTION ABOUT THE NOTION OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE SUPPORT OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES OF ILLEGAL SALE OF DRUGS

Alexander Vyacheslavovich Klimachkov, lecturer of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the genesis of the concept of «operational-investigative support». The correlation of the notions of «operational-investigative support» and «operational-investigative maintenance» is investigated. An attempt has been made to define the operational-investigative support for criminal proceedings in cases of illegal sale of narcotic drugs.

Keywords: operational-investigative activity; operational-investigative support; illegal sale of drugs.

Об актуальности разработки проблем оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств свидетельствует целый ряд обстоятельств, среди которых выделим следующие.

Во-первых, это количественные и качественные характеристики незаконного сбыта наркотиков и лиц, его совершающих. Механизм совершения незаконного сбыта наркотиков изменяется, что выражается в проявлении ранее неизвестных способов, связанных с различными ухищрениями и изощренными формами противодействия.

Во-вторых, имеющиеся трудности выявления и доказывания незаконного сбыта наркотиков. Как показывает практика, без проведения оперативно-розыскных мероприятий выявить эти преступления довольно сложно, а создать доказательственную базу по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков невозможно. Следователи ограничены в возможностях добывания доказательств по делам указанной категории.

В-третьих, возникают проблемы при рассмотрении уголовных дел о незаконном сбыте наркотиков в судах. В частности, с использованием в доказывании результатов ОРМ, особенно полученных с помощью лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, а также с обеспечением защиты свидетелей и других участников судебного разбирательства.

В-четвертых, фактическое состояние взаимодействия оперативных сотрудников и следователей находится не на должном уровне, что является следствием отсутствия системного обмена оперативной и доказательственной информацией между ними.

Как показало исследование, понятие оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений стало активно использоваться в теории оперативно-розыскной деятельности в 80-е гг. XX в.

В связи с тем, что ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», ни в ведомственных нормативных правовых актах не дается определение понятия «оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства», мы согласны с утверждением о научном характере указанного термина.

Всякая наука должна заключать в себе стройную систему понятий, в которой все они согласованы между собой и значатся звеньями одной неразрывной цепи [12, с. 457]. Не стала исключением и теория ОРД. Одной из составляющих ее предмета служит система общих и частных понятий, представленных определениями и терминами, именуемая языком теории ОРД. Точность и ясность формулировок определений, отчетливое их языковое претворение, правильное и единообразное использование терминологии выполняет важнейшие коммуникативные и познавательные функции [14, с. 11].

С точки зрения философии понятие – это мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и существенные связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношений между ними [22, с. 494]. Основой понятия является целостная совокупность суждений о специфических признаках изучаемого объекта, суть которой составляет суждение о наиболее общих и вместе с тем существенных свойствах этого объекта [12, с. 456]. Понятие приобретает свою полную и готовую форму лишь в процессе совершенствования определений, лишь в составе развернутого теоретического изображения известного комплекса явлений [23, с. 311].

Следует отметить, что в многочисленных публикациях, посвященных взаимодействию оперативных подразделений и органов предварительного следствия в раскрытии и расследовании преступлений, используется также понятие «оперативно-розыскное сопровождение». Раскрывая соотношение понятий «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскное сопровождение», отметим, что мы не разделяем мнение тех авторов, кто считает возможным употребление данных понятий в качестве синонимов [19, с. 29].

В толковом словаре русского языка разъяснение слова «обеспечение» содержит отсылку к слову «обеспечить», которое означает «снабдить чем-нибудь в необходимом количестве; сделать в полной мере возможным, действительным, реально выполнимым», а слово «сопровождение» – «...то, что сопровождает какое-нибудь... действие» [15, с. 424].

Мы разделяем позицию авторов [13, с. 8], которые считают, что оперативно-розыскное обеспечение подразумевает наступательный характер деятельности оперативных сотрудников в ходе реализации задач уголовного судопроизводства, в отличие от более пассивного характера оперативно-розыскного сопровождения.

Трудно оставить без внимания точку зрения А. А. Жданова, предлагающего применять указанные термины не к одной из разновидностей (уровней) ОРД, а к содержанию самостоятельной организационно-тактической формы ее выражения, первостепенным назначением которой служит оперативно-розыскное сопровождение конкретного преступления. Отсюда он считает наиболее верным употребление термина «оперативно-розыскное сопровождение», поскольку именно данный термин, по его мнению, наиболее верно выделяет самостоятельность, независимость и специфику исследуемой организационно-тактической формы ОРД [7, с. 69].

Вместе с тем мы согласны с мнением, что смысловая нагрузка термина «оперативно-розыскное обеспечение» существенно шире [9, с. 14] и «оперативно-розыскное сопровождение» необходимо рассматривать как один из элементов оперативно-розыскного обеспечения [10, с. 43]. При этом отметим, что, отдавая предпочтение термину «оперативно-розыскное обеспечение», мы не отказываемся от понятия «оперативно-розыскное сопровождение»,

говоря о нем с позиции одновременности, параллельного характера процессов расследования преступлений и осуществления ОРД по их раскрытию. Данная деятельность представляется нам как комплексная система ОРМ, нацеленных на своевременное и обстоятельное раскрытие и расследование конкретных преступлений, в том числе сопровождение следственных и иных процессуальных действий проведением ОРМ по конкретному уголовному делу.

Мы поддерживаем А. А. Жданова в том, что, выбирая для использования тот или иной термин, следует все же руководствоваться главным образом тем, к какому понятию мы будем его применять и частью какого понятия он станет. А самое главное, что именно мы будем иметь в виду под данным понятием и вносить в его содержание [7, с. 68].

В теории ОРД можно выделить три подхода к определению понятия «оперативно-розыскное обеспечение».

Представители первого подхода определяют данное понятие через комплекс или систему мер (Б. Е. Богданов, Г. А. Дымов, В. К. Зникин, И. А. Климов, Г. К. Синилов, С. А. Сулейманов, В. П. Хомколов и др.). Для второго подхода характерно понимание оперативно-розыскного обеспечения как системы ОРМ (А. М. Абрамов, Э. И. Бордиловский, А. А. Парамонов, Е. М. Рябков, А. И. Тесников и др.). Немногочисленные представители третьей точки зрения рассматривают оперативно-розыскное обеспечение в двух значениях: как деятельность и через категории «знания» и «рекомендации» (В. Э. Гаджиев, А. И. Глушков, С. Н. Иванов и др.).

Для конструирования авторского определения оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств считаем необходимым проанализировать существующие понятия оперативно-розыскного обеспечения.

К сторонникам рассматривать оперативно-розыскное обеспечение как комплекс или систему мер следует отнести Б. Е. Богданова, который одним из первых сформулировал понятие оперативно-розыскного обеспечения расследования хищения социалистического имущества, должностных и хозяйственных преступлений, определяя его как «систему логически связанных и взаимообусловленных мер, реализуемых сотрудниками аппаратов БХСС для своевременного возбуждения уголовного дела по факту обнаружения конкретного преступления, решения вопроса о начале расследования, проведения его в оптимальные сроки, с достаточной полнотой и всесторонностью» [2]. Как видно, здесь акцент делается на цели оперативно-розыскного обеспечения. Схожее определение предлагает С. А. Сулейманов [20, с. 83].

Характерным для определений, предложенных Б. Е. Богдановым и С. А. Сулеймановым, является то, что они рассматривают оперативно-розыскное обеспечение как систему мер.

В. П. Хомколов рассматривает систему оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя по установлению лица, совершившего преступление, как комплекс правовых и организационно-тактических мер, обуславливающих взаимосвязь и взаимовлияние следователя и оперативно-розыскных аппаратов ОВД в целях всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [26, с. 13]. Позднее он уточнил цели оперативно-розыскного обеспечения, определив их как «непрерывное, своевременное и полное обеспечение предварительного следствия информацией, содержащей совокупность фактических данных об обстоятельствах совершенных преступлений и лицах, их совершивших, а также других сведений, необходимых для раскрытия и расследования преступлений» [24, с. 4], тем самым подчеркнув обеспечивающий характер оперативно-розыскного обеспечения по отношению к предварительному следствию.

По одному из принципиальных вопросов с В. П. Хомколовым мы не совсем согласны. Он пишет, что процесс оперативно-розыскного обеспечения наступает с момента реализации оперативных материалов и возбуждения уголовного дела, где не известно лицо, совершившее преступление [25, с. 76].

Данное утверждение видится нам не вполне применимым к делам о незаконном сбыте наркотических средств. Как показывает практика, оперативно-розыскное обеспечение уго-

ловного судопроизводства по указанной категории преступлений начинается еще до момента реализации оперативных материалов и включает комплекс действий по выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный интерес; проведение оперативно-профилактических мероприятий; оперативную проверку первичных данных; оперативную разработку лиц, подозреваемых в совершении незаконного сбыта наркотических средств.

Полагаем, что оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств фактически начинается с момента получения информации о совершенном или совершаемом преступлении и продолжается до окончания судебного разбирательства по уголовному делу.

Основоположники оперативно-розыскной науки И. А. Климов и Г. К. Синилов определяют оперативно-розыскное обеспечение как «систему мер, осуществляемых субъектами ОРД в целях создания оптимальных условий для осуществления полного и объективного процесса доказывания; пресечения или нейтрализации противодействия криминальной среды исполнению правоохранительной функции защиты (безопасности) участников уголовного процесса; реализации принципа неотвратимости ответственности виновных за содеянное» [11, с. 10].

Безусловная ценность данной дефиниции заключается в понимании оперативно-розыскного обеспечения как системы мер, осуществляемых субъектами ОРД на всех стадиях уголовного судопроизводства. Острая необходимость в этом продиктована усиленным противодействием со стороны лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии судебного разбирательства.

Следует выделить точку зрения А. И. Глушкова, который связывает деятельность по оперативно-розыскному обеспечению уголовного судопроизводства с профессиональной готовностью ее осуществлять. Оперативно-розыскное обеспечение он представляет как «организационно-тактический комплекс оперативно-розыскных мер, основанный на системе оперативно-розыскных знаний, навыков и умений работников оперативных аппаратов по использованию научных рекомендаций в сфере ОРД и применению оперативно-технических и криминалистических средств в целях реализации назначения уголовного судопроизводства» [5].

Существенно расширяет круг задач оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства В. К. Зникин, понимая под ним «систему мер, реализуемых субъектами ОРД в ходе оперативно-розыскного процесса в интересах создания необходимых и достаточных условий для осуществления полного и объективного процесса доказывания, пресечения и нейтрализации противодействия криминальной среды исполнению функций уголовного преследования и правосудия, безопасности участников уголовного судопроизводства и неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении преступного деяния» [8, с. 84–85].

На необходимость оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства уголовных дел обращали внимание в своих работах В. Ф. Луговик, С. И. Давыдов и О. Н. Пономаренко [13, с. 15–16], А. Ю. Шумилов [16, с. 93].

В полной мере следует согласиться с Г. А. Дымовым, который считает, что оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений представляет собой систему мер, осуществляемых субъектами ОРД, и начинается практически с выявления и собирания фактических данных о преступлении [6, с. 79]. Существенным признаком в определении является указание на то, что оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства осуществляют только субъекты ОРД.

Представители второй точки зрения рассматривают оперативно-розыскное обеспечение как систему ОРМ. Так, по мнению Э. И. Бордиловского, понятие оперативно-розыскного обеспечения процесса предварительного расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных дел включает в себя «деятельность оперативного характера, осуществляемую соответствующими оперативными службами посредством проведения ОРМ по установлению присущими им методами и средствами факторов, подлежащих доказыванию по уголовным делам, и источни-

ков информации о них, в целях обеспечения следствия и суда данными, способствующими установлению истины по делу, и принятия к виновным мер, предусмотренных законом» [3, с. 112].

Несколько расширяет задачи оперативно-розыскного обеспечения Е. М. Рябков, рассматривая оперативно-розыскное обеспечение как деятельность оперативных аппаратов ОВД по созданию оптимальных условий для полного и объективного расследования путем осуществления комплекса ОРМ в основном разведывательного характера в отношении привлекаемых к уголовной ответственности, их связей и иных лиц, имеющих отношение к расследуемым преступлениям, а также нейтрализации их неправомерного воздействия процессуальному доказыванию [18, с. 20].

Достаточно конкретно определяет оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства А. И. Тесников: это «основанная на законе и ведомственных нормативных актах система ОРМ, направленных на непрерывное и полное обеспечение предварительного следствия и судебного разбирательства информацией, содержащей фактические данные об обстоятельствах преступлений и лицах, их совершивших, а также о других сведениях, необходимых для предотвращения преступлений, их раскрытия и расследования, установления истины в суде по уголовным делам» [21, с. 101]. Схожие по смыслу определения дают А. А. Парамонов [17, с. 25], А. М. Абрамов и И. А. Климов [1, с. 20–21].

К представителям третьего подхода относительно определения оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства отнесем В. Э. Гаджиева [4], А. И. Глушкова [5], С. Н. Иванова [10], которые предлагают рассматривать категорию «оперативно-розыскное обеспечение» в традиционном значении как одну из форм ОРД, следовательно, как деятельность, а также через категории «готовность», «знания» и «рекомендации», которые должны использоваться в практической деятельности.

Нельзя не отметить и высказывание А. И. Глушкова об оперативно-розыскном обеспечении уголовного судопроизводства как об оперативно-розыском учении, источником формирования которого являются оперативно-розыскная теория и практика, а также достижения в области криминалистики, уголовного процесса, криминологии, уголовного права и других наук (в контексте единства научного знания и современных представлений о природе ОРД как об интегрированной науке) [5].

Таким образом, до настоящего времени в оперативно-розыскной теории отсутствует единый подход к определению понятия «оперативно-розыскное обеспечение». Анализ имеющихся определений оперативно-розыскного обеспечения как деятельности позволил нам выделить ее наиболее существенные признаки. Применительно к сфере уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств к таковым относятся:

- комплексный характер мер, осуществляемых в процессе оперативно-розыскного обеспечения;
- субъектами их осуществления выступают субъекты ОРД;
- правовой основой оперативно-розыскного обеспечения являются нормативные правовые акты;
- содержательной стороной оперативно-розыскного обеспечения является выявление и документирование преступных деяний;
- целью оперативно-розыскного обеспечения является создание необходимых условий для расследования уголовных дел и судебного разбирательства по ним.

Указанные признаки положены в основу формирующегося понятия оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства по указанной категории дел.

Итак, оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств – это комплекс мер, осуществляемых в соответствии с нормативными правовыми актами субъектами ОРД по выявлению и документированию

незаконного сбыта наркотиков, по созданию необходимых условий для расследования уголовных дел и судебного разбирательства по ним.

Литература

1. Абрамов А. М., Климов И. А. Организационно-тактические формы оперативно-розыскной деятельности. М.: ЮИ МВД России, 1995.
2. Богданов Б. Е. Оперативно-розыскное обеспечение расследования хищений социалистического имущества, должностных и хозяйственных преступлений. М.: Академия МВД СССР, 1982.
3. Бордиловский Э. И. Сущность и основные направления оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования групповых преступлений // Актуальные проблемы агентурно-оперативной деятельности ОВД: труды Академии МВД СССР. М., 1990.
4. Гаджиев В. Э. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по делам о кражах скота: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2011.
5. Глушков А. И. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства: монография. Домодедово, 2003.
6. Дымов Г. А. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений: содержание понятия, основные задачи // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2 (23).
7. Жданов А. А. Определение понятия оперативно-розыскного сопровождения расследования преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45).
8. Зникин В. К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
9. Иванов С. Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
10. Иванов С. Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
11. Климов И. А., Синилов Г. К. Теоретические аспекты оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства // Теоретико-прикладные проблемы оперативно-розыскной деятельности в России и Украине на современном этапе: мат-лы Российско-украинской межвуз. науч.-практ. конф. (Белгород – Харьков, 4–5 июня 1999 г.). Белгород, 2000.
12. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976.
13. Луговик В. Ф., Давыдов С. И., Пономаренко О. Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения. Барнаул: БЮИ МВД России, 2007.
14. Маркушин А. Г. О научных проблемах оперативно-розыскной деятельности // Некоторые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. ст. Вып. 2 / под ред. А. А. Фальченко. Н. Новгород, 1996.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990.
16. Оперативно-розыскной словарь: учеб. пособие / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М.: Изд. дом И. И. Шумиловой, 2008.
17. Парамонов А. А. Взаимодействие таможенной службы с органами внутренних дел в борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
18. Рябков Е. М. Правовые, организационные и тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения предварительного следствия по преступлениям, совершенным группой лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990.
19. Самоделкин С. М. Оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства тяжких преступлений (правовые и организационные вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД России, 1994.
20. Сулейманов С. А. Правовые и организационно-тактические основы оперативно-розыскного обеспечения расследования хищений социалистического имущества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.
21. Тесников А. И. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства о преступлениях, совершенных организованными группами: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.
22. Философский энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева. 2-е изд. М., 1989.
23. Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. М., 1967.
24. Хомколов В. П. Организация и тактика оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя по раскрытию и расследованию преступлений: лекция. М., 1990.
25. Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. М.: Закон и право; Юнити, 1999.
26. Хомколов В. П. Правовые и организационно-тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя по установлению лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.

УДК 341.981.8

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА В ЯПОНИИ

Максим Андреевич Карпышев, аспирант Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина

E-mail: 601482@mail.ru

В статье рассматриваются важные исторические вехи развития международного коммерческого арбитража в Японии. Приводится описание и анализ современного положения, а также затронут вопрос направления развития данного института в будущем.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; применимое право; Закон Японии об арбитраже; Токийская морская арбитражная комиссия (ТОМАС); Японская коммерческая арбитражная ассоциация (ЖСАА).

INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION HISTORICAL FORMATION IN JAPAN

Maxim Andreyevich Karpyshev, post graduate of the Kutafin Moscow State Law University

This article deals with the important historical milestone in the development of international commercial arbitration in Japan. It also gives description and analysis of contemporary situation, as well as direction of such institution in future.

Keywords: international commercial arbitration; applicable law; Japan's Law on arbitration; the Tokyo Maritime arbitration Commission (TOMAC); Japanese commercial arbitration Association (JCAA).

В Японии, ввиду ее геополитического положения, история создания института третейского разбирательства имеет свои особенности. В XVII столетии стремление к централизации государства, а также борьба с политическим и религиозным, принесенным из-за рубежа инакомыслием привели Японию к самоизоляции, что, в свою очередь, сделало невозможным торговые и иные контакты с иностранными лицами и государствами. Период самоизоляции длился на протяжении почти двух веков – с 1641 по 1853 г.

В 1853 г. под угрозой обстрела своей столицы Япония сняла блокаду (самоизоляцию) страны и разрешила войти в свои территориальные воды военной эскадре США – так начался новый этап в истории страны. Последствием этого решения явилось заключение Японией целого ряда неравных торговых договоров с Соединенными Штатами Америки и некоторых европейских государств, что ввергло страну в глубокий экономический и политический кризис и привело к установлению в 1868 г. господства династии Мэйдзи. Принятые торговые

договоры унижали национальное достоинство японцев, поэтому необходимо было принять в короткие сроки собственные кодексы. Как нам видится, выбор Японией континентальной системы права в тех обстоятельствах был обоснованным. Данное предположение строится на том, что базирование на романо-германской системе права сразу предоставляло кодифицированную систему законодательства, в отличие от английского варианта – продолжительно и последовательно формирующейся системы общего права.

Помимо прочих, в 1897 г. кодифицированную форму обрели и арбитражные правила, ныне известные как «Старые правила», имплементированные в Гражданско-процессуальный кодекс (Закон № 29 от 1890 г.). Данный документ имеет первостепенное значение в развитии института коммерческого арбитража в Японии. Законодательство Японии является очень стабильным и изменяется довольно редко, поэтому можно отчётливо разделить юридические эпохи на до и после принятия «Старых правил».

Однако данный закон, являясь достаточно прогрессивным инструментом на момент его принятия, утратил этот статус к началу XXI в. – ему на смену пришел новый арбитражный закон (Закон № 138 от 2003 г.), который вступил в силу 1 марта 2004 г. и сделал Японию 45-й страной, принявшей акт, базирующийся на Типовом законе ЮНСИТРАЛ. Принятие абсолютно нового нормативного акта виделось законодателю более рациональным, чем реформирование старого. Закон состоит из 10 глав и 55 статей, практически полностью копируя положения Типового закона ЮНСИТРАЛ. Отличительной особенностью данного закона выступает наличие последней, 10 главы «Положения об ответственности», состоящей из норм, направленных на пресечение дачи и получения взяток в ходе проведения арбитражного разбирательства как на территории Японии, так и за ее пределами. Интересным моментом является факт того, что данный закон применяется на равных не только к японским участникам арбитражного разбирательства, но и к разбирательствам с участием иностранных лиц. Таким образом, Япония входит в ряд стран, которые не разграничивают коммерческий арбитраж на «внешний» и «внутренний», как, например, это предусмотрено в России. Еще одна особенность, присущая Японии и распространяющаяся не только на третейские разбирательства, но и на всю систему судопроизводства в целом, заключается в значительной активности судов в области примирительных отношений между сторонами. Правила судебной этики в Японии сложились таким образом, что судьи и арбитры стремятся следовать норме ст. 136 Гражданско-процессуального кодекса, в соответствии с которой судья должен в ходе процесса постоянно стремиться к тому, чтобы привести стороны к примирению [1, ст. 136]. Чаще всего стороны сами стремятся к воплощению такого подхода, что, как нам кажется, является больше проявлением ментального отношения к процедуре разрешения споров, нежели строго выстроенным судебным обычаем Японии.

Появление в Японии коммерческого арбитража в его современном понимании неразрывно связано с морским арбитражем. И это неудивительно ввиду того, что страна со всех сторон окружена только морем и вытянута с юга на север целой грядой островов. Можно сказать, что рассмотренное в 1889 г. дело, связанное с пароходом «Йохан», который был построен в Германии, положило начало международному коммерческому арбитражу в стране. В период с 1891 по 1939 г. морской арбитраж играл лидирующую роль в решении международно-правовых споров на территории Японии. В обозначенный период было вынесено 83 решения по делам по разрешению морских споров, большая часть из которых была связана с иностранным элементом, что составляло 40 % от общего числа всех арбитражных разбирательств [8, с. 253–254]. Такое положение дел не в последнюю очередь связано с бурным ростом судостроительной индустрии в самой Японии, базирующейся на традициях и обычаях судостроения Великобритании. Фактически, люди, вовлеченные в данную индустрию, по обыкновению, предпочитали разрешать подобные споры в арбитраже Лондона. Можно только добавить, что английское право часто применялось субсидиарно и в практике внутрен-

них споров, возникающих в области морской коммерции. Это обусловлено тем, что Японский кодекс морской торговли и Закон Японии об общих правилах применения законов [2, ст. 31] не достаточно хорошо прописывают его практическое применение.

Рост количества рассматриваемых споров обуславливался существованием постоянно действующего специализированного органа для ведения морского арбитража.

Так сложилось, что наибольшее число, практически половина, споров географически приходилось на округ Кобе. Ввиду этого, начиная с 1912 г., Судоходный союз Кобе начинает предоставлять свои услуги в области разрешения споров посредством арбитражного производства. Позже, в 1926 г., организация изменила форму и название, став Судоходной биржей Кобе (*Kobe Shipping Exchange*), занималась толкованием и развитием арбитражных положений, а уже в 1933 г. она становится частью Судоходной биржи Японии (*Japan Shipping Exchange, JSE*), образованной в 1921 г. До присоединения Судоходной бирже Кобе удалось вынести 43 решения по делам, вытекающим из чартерных отношений, а также контрактов грузоперевозки*. Судоходная биржа Японии продолжила разрешение споров, основываясь на богатой практике арбитража в Кобе, однако теперь она рассматривает более широкий круг споров (покупка судов, судостроение, ремонт).

В период оккупации Японии войсками союзников после ее капитуляции во Второй мировой войне в стране было запрещено разрешение споров в местных арбитражных организациях. В декабре 1948 г. JSE удостоилась чести стать единственной организацией в стране, которой было даровано право разрешать морские арбитражные споры, основываясь на применении внутреннего Закона о морском арбитраже. Таким образом, в Японии, как и в нашей стране, орган для разрешения именно морских арбитражных споров хронологически является первым.

После Второй мировой войны JSE продолжает развивать и расширять рамки арбитражных разбирательств. В этот период начинают активно рассматриваться дела, связанные со спасением морских судов; с коносаменами на комбинированные перевозки; с буксировкой; со столкновениями на море; с повреждением портовых сооружений; со спорами о составе экипажа судна, об эксплуатации судов, по финансированию судоходного сектора; со спорами в рыболовном секторе. Это стало возможным за счет наличия большого списка арбитров с достаточно широким кругом знаний по судоходству, судостроению, морскому страхованию, в области торговли, сталелитейного дела, брокерской деятельности, финансов. На сегодняшний день насчитывается порядка 370 компаний – участников JSE**.

В состав JSE входит Токийская морская арбитражная комиссия при Судоходной бирже Японии (далее – ТОМАС). Согласно положению о ТОМАС и в соответствии с установившейся практикой, председатель комиссии осуществляет распорядительные функции, включая разрешение вопросов, связанных с принятием к производству исковых заявлений и с формированием состава арбитража по конкретным делам. В 1970-е гг. JSE попыталась отстраниться от управления ТОМАС, стремясь тем самым подчеркнуть независимость и беспристрастность этого органа в отношении принятия решений. Однако следует отметить, что администрирование деятельности комиссии осуществляется опытными и талантливыми специалистами, отобранными из числа членов компаний, состоящих в JSE. Таким образом, можно презюмировать негосударственный характер ТОМАС, но только отчасти.

ТОМАС использует различные приемы для увеличения привлекательности своей арбитражной процедуры. Несмотря на это, количество новых дел, поступающих на рассмотрение арбитража, продолжает сокращаться. Так, ежегодный объем новых дел в ТОМАС варьируется в диапазоне от 14 до 20. Вместе с тем ТОМАС проводит серьезную консультационную работу. По оценкам некоторых ученых, предварительное экспертное мнение (за-

* URL: http://www.jseinc.org/en/tomac/guide_old/1_history.htm

** URL: <http://www.jseinc.org/en/jse/whatis.html>

ключение) по разрешению ряда спорных ситуаций может охватывать порядка 800 потенциальных дел в год [9, с. 116], при том, что 70 % из них относятся к международным [9, с. 111].

Но помимо ТОМАС в Японии существует еще один, даже более известный арбитражный орган. В соответствии с решением правительства в 1950 г. при Японской палате торговли и промышленности был образован Международный коммерческий арбитражный комитет [7], который стал первым по-настоящему самостоятельным постоянно действующим третейским судом, рассматривающим споры в области международного коммерческого арбитража в стране. Среди целей, установленных при создании рассматриваемой организации, можно назвать желание повысить качество рассматриваемых коммерческих споров, развитие международной торговли (что усиливает японскую экономику). Создан этот орган при поддержке шести деловых структур, в числе которых Федерация экономических организаций Японии, Совет Японии по внешней торговле Японии, Федерация банковских ассоциаций Японии и др. [5, с. 108].

Эти два арбитражных органа в своей деятельности применяли общепринятые правила международного коммерческого арбитража.

В 1953 г. в связи с дальнейшим ростом международной торговли Арбитражный комитет был преобразован в Японскую коммерческую арбитражную ассоциацию (далее – JCAA) для приобретения независимости от Японской палаты торговли и промышленности и для расширения и оптимизации своей деловой деятельности. Таким образом, сфера компетенции JCAA была расширена и распространена на все споры, возникающие в области международной экономики и торговли. Помимо прочего Ассоциация была наделена правом на заключение международных договоров о сотрудничестве и взаимном признании арбитражных решений. За весь продолжительный срок своего существования JCAA делала все возможное, чтобы справедливо разрешить целый ряд международных коммерческих споров, вытекающих из международных коммерческих сделок*.

Только после создания этих двух органов стала активно формироваться практика институционального разбирательства в Японии, так как до этого момента не существовало законодательных норм, которые бы отвечали духу времени, и арбитражная практика, а также японская и мировая доктрина стали фундаментом для их формирования. Список видных японских ученых, которые посодействовали этому, весьма широк, среди них А. Кавамура, К. Такахашаи, Х. Ода, Х. Тезука, Т. Накамука и другие.

Следует отметить, что список арбитров JCAA, так же как и списки арбитров других ведущих мировых постоянно действующих арбитражных учреждений, формировался за счет ведущих специалистов в области правового регулирования внешнеэкономической деятельности, представителей юридической науки и практики. Помимо профессионалов внешнеторговой практики в списке содержатся и имена высокообразованных людей, знакомых с культурными различиями и свободно владеющих иностранными языками.

Среди правовых вопросов, возникавших в спорах, разрешение которых говорит о высоком профессионализме арбитров, есть традиционные, но весьма сложные для арбитражного разбирательства вопросы: установление собственной компетенции, определение применимого материального права и прочее. Совершенствовалась и процедура арбитражного разбирательства. Регламенты обсуждаемых арбитражных центров обновлялись с учетом изменения экономической структуры и международных тенденций. Последние редакции регламентов JCAA [4] и ТОМАС [3] были приняты в 2014 и 2015 гг. соответственно. Здесь также прослеживается прямая рецепция, документы обоих учреждений повторяют положения Типового регламента ЮНСИТРАЛ. При этом Регламент JCAA в гл. 5 дополнительно содержит нормы об использовании специальных мер, применяемых чрезвычайным арбитром, а в гл. 6 указаны нормы, используемые при процедуре ускоренного производства в арбитражном процессе. В то же время Регламент ТОМАС не содержит каких-либо подобных дополнений. В морском

---

* URL: <http://www.jcaa.or.jp/e/jcaa/history.html>

арбитраже Японии используются еще два дополнительных регламента: Упрощенный регламент (цена иска до 20 млн яп. йен) и Регламент из арбитража малых сумм (цена иска до 5 млн яп. йен).

В целом, на сегодняшний день арбитражные центры Японии способны предложить высокий уровень профессиональных услуг. Данные органы широко известны за пределами страны, что подтверждается многочисленными двусторонними соглашениями с другими арбитражными учреждениями по всему миру. Примером может служить Соглашение о сотрудничестве между JCAA и МКАС* 1995 г., в котором предусмотрено, что если стороны (коммерческие предприятия России и Японии) не выбрали иное, то спор подлежит решению в арбитражном учреждении нахождения ответчика**.

Однако ввиду ряда экономических и социально-культурных особенностей таким постоянно действующим арбитражным учреждениям, как JCAA и ТОМАС, в данный момент затруднительно конкурировать с региональными лидерами, расположенными в Гонконге и Сингапуре. Напротив, большое количество арбитражных договоров с участием японских сторон предусматривает разрешение споров за рубежом. Как нам представляется, этому могут быть причиной: а) постепенный переход признанного экономического лидерства от Японии к Китаю, и в связи с этим Гонконгский арбитражный орган (HKIAC) получил сильный импульс для своего развития; б) расположение самой Японии является менее удобным, а стоимость ведения разбирательства может быть значительно дороже. В данном отношении Сингапурский международный арбитражный центр (SIAC) может показаться более привлекательным местом разрешения спора; в) ведение производства за границей является более престижным, внутреннее деловое сообщество относится к этому благосклонно. Именно это стало причиной появления проекта реформирования системы коммерческого арбитража. Его активное обсуждение, возобновленное в начале 2018 г., показывает всю серьезность намерений политических и деловых кругов страны «вернуть» [6] арбитраж обратно в Японию.

Литература

1. Закон Японии об арбитраже (2003 г.). URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/>
2. Закон Японии об общих правилах применения законов (2006 г.). URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/>
3. Регламент Токийской морской арбитражной комиссии (ТОМАС) 2015 г. URL: http://www.jseinc.org/en/tomac/arbitration/rules_index.html
4. Регламент Японской коммерческой арбитражной ассоциации (JCAA) 2014 г. URL: http://www.jcaa.or.jp/e/arbitration/docs/Arbitration_Rules_2015e.pdf
5. Русакова Е. П. Рассмотрение коммерческих споров японской коммерческой арбитражной ассоциацией // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2011. № 3.
6. Luke Nottage (University of Sydney Law School) and James Claxton (Kobe University). «Japan is Back» – for International Dispute Resolution Services? // Kluwer Arbitration Blog (January 29 2018).
7. Nakamura T. Arbitration Rules-National Institutions // Arbitration Rules-National Institutions-2nd Edition, 2010.
8. Sato Y. Commercial Dispute Processing and Japan // Kluwer Law International; 1 edition (August 29, 2001).
9. Tanimoto H. Status and issue of the maritime arbitration system in Japan // Kluwer Law International, 1996.

---

* Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

** URL: <http://www.jcaa.or.jp/e/arbitration/agreement/docs/Russia.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/003/378/423/Litsenzionnyu_dogovor_shablon.pdf) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия «Вестника» оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

Перед подписью автора и научного руководителя (после списка литературы) следует указать: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю (не возражаем)».

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту. Пристатейный нумерованный список литературы следует оформлять в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».